

№ 12

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Пярвиз ГУСЕЙНОВ. Записки кукольного мастера	3
АЙДАН. Бессмысленно искать смысл. Пьеса	9
Афанасий МАМЕДОВ. Янкель и пустые холмы. Рассказ	39
Игорь РЕВВА. Поводок. Сказка дедушки Квина	60
Татьяна РУСТАМЛИ. Всё, что у тебя есть.	97
Зейнаб АЛИ ГЫЗЫ. Самая лучшая собака. Рассказ	122

ПОЭЗИЯ

Хосров НАТИЛ. <i>Стихи</i>	31
Экрам МЕЛИКОВ. <i>Стихи</i>	56
«Хайку на волнах Хазара»	122

ПУБЛИЦИСТИКА

Али АБАСОВ. Мистицизм в поэзии Низами Гянджеви	22
Руслан СЕМЯШКИН. Творец с чарующим голосом	
Ифтихар ПИРИЕВ. Величие личности, сформировавшейся в созвездии нечеткой логики	85
Ширин МАНАФОВ. Зачем нужна фабрика звезд?	111

2021

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 29.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 29.12. 2021 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

Редакция журнала «Литературный Азербайджан» поздравляет одного из своих авторов – Пярвиза Гусейнова с присвоением ему звания «Заслуженный художник Азербайджана».

ПЯРВИЗ ГУСЕЙНОВ

ЗАПИСКИ КУКОЛЬНОГО МАСТЕРА

В Баку и на Абшероне сегодня солнечно и немного ветрено. Той изнуряющей жары уже нет. По вечерам прохладно и хочется прикрыть шею шарфом. Климат медленно, но уверенно приближается к континентальному. Последняя преграда перед суровой зимой – наше море. Оно, будучи солёным, как огромная грелка не даёт замёрзнуть городу.

Но это Баку. В Карабах зима приходит рано. Горные массивы предрасположены к морозу и долгому стоянию снега. Стыдно, но в Карабахе я был всего один раз, и то проездом. Теперь после Победы обязательно приеду туда пожить. Выберу время и заселюсь на недельку. А может, на две. Как сложатся дела. Возраст – будь он неладен, уже требует покоя.

Впрочем, покоя требует и вся эта благодатная земля. Вообще понятие земли очень сакрально. Когда ты ложишься на неё пластом, раскинув руки в стороны, и ощущаешь телом первородную глину (глину, из которой Бог создал Адама), земля становится частью единого с нами организма и органична с теми, кто на ней живёт. Происходит какая-то генетическая связь, некая невидимая диффузия с этими полями, атмосферным давлением и водой. Водой, которую мы в детстве пьём в зной. Записываемой в сердце, как записывается иголкой любимая грампластинка. Потом можно утолять жажду где угодно и чем угодно. Но это будет фальшью. Что-то не настоящее. Как утренний снег в саду и такое же образование в старом холодильнике. Вечные сравнения, никогда не достигающие горизонта.

Родина – она может менять свои магнитные полюса, язык, внешний облик. Казалось бы, путается и становится неустойчивым всё. Всё – кроме воды. Воды, которая когда-то через предков записалась в наши гены. Воды, вкус которой позволит нам утолить жажду. Жажду жизни, дарованную нам Всевышним. И сейчас нам всем хочется пить. Всем Азербайджанцам. Всем Народам, проживающим на нашей земле. И нет той силы, которая сможет нас остановить в желании напиться. Потому что это наша Жажда. Наша Родина. Наш Карабах.

Это уже второй комендантский час на моём веку. Как странно ощущать себя с содранной интеллигентной кожей, оставаясь с первородными оголёнными национальными мышцами. Всегда ощущал себя человеком мира. Увы. Ещё рано. По той простой причине, что его, этого мира, нет. Значит, подождём. А пока вспоминаю Анну Ахматову:

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

И вечный Саади: «Розу сорвать невозможно, шипом не поранив руки...».

Война – это когда твой сын или муж никогда не придут домой. Жалко. Ибо самое страшное, что может придумать этот мир – оставить в старости женщину одну. Именно поэтому в эти дни я становлюсь азербайджанцем. Одним из миллионов. Рядовым. И объявляю сам себе комендантский час. В Душе. И буду тихо молиться в этот час. Очень тихо. Чтобы мы – азербайджанцы – победили. И обязательно, чтобы Бог простил наших врагов. И я не то что верю. Я просто знаю, что когда-нибудь... Не сейчас и даже не при наших детях, а наши потомки – дождутся. Дождутся мира. Без «укропов», «ватников» и «чурок». Дождутся мира, где будут люди. Люди с планеты Земля. А пока идёт война. Война, где я – Азербайджанец. Без гордости и принижения. Просто как данность. Как данность свыше. Вместе со своим народом.

Это уже стало совершенно очевидно: война перешла отчасти в партизанскую и полностью в информационную. То есть прицельно снайперски, в зависимости от самого оружия, будут попадания в сердце и будут ранения в душу. А это намного страшнее, чем привычная реакция пороха и тротила.

Это война для нас не просто – Отечественная. Это война света и тьмы. Наши враги не являются загипнотизированными. Отнюдь. В силу вступила тёмная сторона. А это уже епархия выше. Только не надо считать, что старый Пярвиз совсем выжил из ума. Не надо. А надо, по моему разумению, устраивать коллективные молитвы во всех святых домах – за Победу. Окончательную победу. Наверное, не нужно напоминать, что сам Великий Сталин организовал облёт самолета с иконой Богородицы и тем самым спас город Москву от немцев. Сегодня один совершённый азан в чудом сохранившийся мечети в Шуше сделал больше, чем военизированная до зубов реальная бригада. Ибо дух всегда сильнее плоти.

И нужно понимать, что в любой оккупационной войне есть свой «СС» и свой «Вермахт». «Вермахт» может снимать унитазы и оконные рамы, разбирать каменные стены. А вот поджигать леса, грабить музеи, раскурочивать могильные плиты и содержать свиней в мечетях – это уже дело рук «СС». Поймите, он – этот «СС» – не сдастся. Его в остаточном партизанском эквиваленте нужно будет уничтожить. Другое дело – «Вермахт». Есть реалии. Есть соседнее государство. Увы, мы не сможем в силу технического аспекта собрать их всех и переселить на луну. Нам придётся с ними жить. Жить соседями и перевоспитывать. Это наш человеческий и, если хотите, гуманитарный долг. Наша карма. И ни в коем случае, ни при каком раскладе нельзя допускать к ним их «СС». Их «СС» не умеет жалеть ни свой собственный народ и ни другой в принципе. Их задача – сделать из этого народа жертву. Ибо их хозяин – не человек. И всё человеческое ему чуждо и ненавистно.

Придёт время, и наша Отечественная война покажет в дальнейшем всему миру, какие мы Мусульмане. Мусульмане как часть мировой культуры. Без обогания и ненависти. Как люди. Обычные люди, верующие в свет. Как Христиане и Католики. Как Иудеи и Буддисты. Как все люди одной Книги. Где свет всегда побеждает. Я верю в свет. Я верю в добро. Я верю в Бога. А пока идёт дождь. Осень и немножко холодно. Сегодня привезут молоко к Манучару. Нужно брать. Оно хорошее и полезное. С часу до четырёх. Баиловские знают. Одевайтесь теплее и не забудьте шарф. На улице прохладно.

Так получилось, что в 90-е я был тесно связан с психиатрией. Нет-нет, с моей психикой всё нормально. Нареканий нет. Но по роду деятельности один из довольно близких мне психиатров привлекался по работе в Министерстве обороны. В приватной беседе друг сообщил мне про психическое состояние подонков, совершивших тогда нечеловеческие деяния по отношению к моему народу в период Первой войны.

Войны, когда мы потеряли Карабах. Тех пациентов держали в клиниках в отдельных помещениях. Ну не может человек выжигать ребёнку глаза сигаретой. Не может вспарывать беременной женщине живот. Не может разрубать грудного ребенка пополам и хлестать им его мать. Ни человек, ни животное этого делать не умеют.

В те времена мы с соседями помогали, чем могли, пожилым людям. В основном, русским. А для менявших мир по возрасту мы разбирали шифоньеры и делали из них гробы. Досок не было. Рыли могилы. Безвозмездно, как это свойственно людям. Я долго пытался понять, что же произошло тогда. И сейчас, спустя много лет, понял. Это дьявол. Тот самый, который ненавидит людей. Я не буду сейчас писать, что на протяжении 300 лет существования домов скорби не был излечен ни один человек. Ни один. В этом смысле экзорцисты оказали людям гораздо большую помощь, чем вся современная медицина в целом. Впрочем, о чем это я? Я о том, что если он есть, то значит есть и ОН. Создатель. Так я пришёл к Богу. Наблюдая природу, поняв однажды, что животное, каким бы хищным оно ни было, так не поступит. Это просто за гранью жестокости. За гранью ненависти. За гранью понимания.

У волка в районе шеи есть вена, которую если перекусить – волк умрёт. Истечёт кровью. Когда два самца выясняют отношения в стае, то более слабый ложится на землю и подставляет свою шею. И пока он лежит, другой волк никогда его не добьёт. Никогда не перекусит ему шею. У них так принято. До сих пор я не вижу логического ряда, смысла, если хотите, в запуске ракеты ночью в мирные дома, где спят люди. Они же спят. Они даже не смогут подставить шею. Да, война. Война, очень похожая на ту, где СС-вец разбивал голову ребёнку молотком, а потом слушал Баха. Война, где нельзя подставлять шею. Нельзя, потому что волков перед нами нет. Есть шакалы. А они чести не знают.

P.S. Нам уже нельзя останавливаться. Идёт наша Отечественная Война. Кто с нами и кто за нас – вечно будем помнить и славить. Кто против нас – берегитесь! Мы не одни. С нами Создатель.

Ну здравствуй, мой город! я всё ещё тебя узнаю. Надеюсь, и ты меня... маленького мальчика по Бешмяртябя... Помнишь, как два раза в неделю мы ходили с мамой в ЦУМ? Там по дороге справа была аптека. Я забегал в неё и рассматривал в банке пиваюк. Странный и таинственный подводный мир. Совсем рядом был газетный киоск с марками Кубы, где красовались жуки и бабочки. Я их ел глазами и просил, чтобы мне их купили. Взамен обещал всё, что я тогда имел и умел. А имел я Вселенную и умел только быть рядом.

Первый этаж ЦУМа, отдел слева – игрушки. Что сейчас продают детям? Это же не даёт ни малейшего шанса думать и фантазировать... А впрочем, брюзжу. По-стариковски...как всегда... Хотя откуда это? До сих пор вздрагиваю, когда ко мне обращаются: агсакал или даи. До сих пор хочется вскочить и уступить место старшему в автобусе. И только потом приходит осознание, что этот старший младше меня... Откуда эти странные взгляды в мою сторону, когда я играю с пустой банкой в футбол? Куда пропали самые красивые девочки в мире, уголком глаза сканирующие тебя как дикого зверька, и улыбки, за которые хотелось умереть? В чём прелесть этих десятков разноцветных мороженых в маркетах, которые не делают никого счастливыми? Где деревянные ящики на подшипниках с сухим льдом? где пломбир?

Как удивительно быстро стираются целые улицы с их историей. Как странно и удивительно быстро.

Нет улицы Басина с её трамваем и счастливым билетом, где первые три цифры в сумме давали такое же число, как и последующие.

Уже не узнать Парапет с его единственной по тем временам пальмой.

Помню, как я каждый раз переживал с наступлением холодов, что её ещё не покрыли полиэтиленом. Хотелось снять свой шарф, обмотать её. А эти вечерние неоновые огни с незамысловатыми и вечными надписями рубленой гельветикой! Тот кусочек счастья, который я получил тогда, был заполнен не чёрными «воронками» под утро, а фургонами с надписью: Хлеб. Но и счастье – мимолетно. Впрочем, всё справедливо и, наверное, верно. Так надо. Вселенная не терпит стагнации. Ей нужны перемены. Вот только мне от этой юдоли совсем не весело...

И ещё...Если я куда-то теперь не пришёл, куда меня так звали, значит я, наконец-то, научился жить со своими принципами. Значит, я научился ходить не сутоло. Значит, я, наконец-то, научился не подавать руки тому, кто этого не заслуживает...И не нужно смеяться, когда я играю с пустой банкой в футбол. Потому что я обязательно когда-нибудь забью гол. Гол в ворота Рая. А потом придёт время, и я сяду в трамвай на Басина и поеду... обязательно со счастливым билетом. Туда, где меня спросят: как ты жил? А я отвечу, что не успел, Господи... Не успел... Ты так много сотворил, что у меня не хватило времени... А потом мы будем меняться. Я ему счастливый трамвайный билетик, а он мне – вторую жизнь. В крайнем случае, добавлю конвертик с кубинскими марками. Но только с бабочками. Всё равно эта жизнь большего не стоит.

Осень оказалась чужая. Не то чтобы мачеха, а так – обнявшая сумки, уткнувшаяся в окно попутчица в автобусе. Да и сам автобус едет теперь по другому маршруту. Господи, как же хочется крикнуть водителю: останови!

Выйти из духоты и вдохнуть полной грудью свежий холодный воздух. Выйти и попробовать поискать свой дом. Самое чудовищно больное – это то, что ты понимаешь, что дома больше нет, но ты всё равно ищешь. И идёшь. Все больше уходя в себя, потому что это единственный способ подойти вплотную к горизонту. Там, за горизонтом, будет твой новый дом. Нужно просто идти. Идти и обязательно приветствовать всех, кто идёт к тебе навстречу. Потому что в спину не приветствуют. Я это знаю. Это то небольшое, что я успел вынести из старого дома.

Ты сидишь в парке в мятой куртке и в сандалиях на босу ногу всё ещё в ожидании той самой и на всю жизнь. Осень тихо заходит сзади и, прикрыв твои глаза холодными ладошками, требует отгадать. Ты в отчаянии перебираешь все времена года, включая страны и когда-то существовавшие континенты. Осень хихикает и, совершенно не ревнуя, отвечает: нет. Не ревнуя, потому что понимает – она пришла и, как и ты, надеется, что надолго. И только когда ты в отчаянье выкрикиваешь: Пангея! – она отпускает руки и, целуя тебя холодными губами в щечку, удивлённо сообщает тебе, что это она – Осень! Ты смущаешься и неуверенно бормочешь в ответ: «ну давай у листьев спросим» или «налить чернил и плакать». Потом она по-кошачьи перебирается к тебе на коленки и мурлычет на ушко про тёплый плед и любимую книгу, где всегда всё будет хорошо. Ты веришь ей и живёшь с ней до следующего лета. Лета, как данности бытия с его пляжем и запахом моря, исходящего от женской кожи. Доступной и одновременно такой далёкой, как твоя юность.

Не люблю спорт, ибо вижу в нём какую-то древнюю и унижительную сакральную тайну «хлеба и зрелищ». Не люблю, так как любое физическое противостояние – есть война между двумя или несколькими народами. Постоянное дежавю преследует меня, когда боксеры, представляющие разные государства, бьют друг друга по голове. Той самой, которую когда-то в детстве целовала мама и обнимал отец.

И вот в конце концов самый сильный ударяет так изощренно, что другой человек падает на пол и ему никто не помогает встать. А полная попкорна толпа кричит на него, чтобы он встал, потому что они вложили в него деньги. Дальше вообще происходит нечто невероятное. Человека, который ударил другого человека, не забирает полиция, а наоборот, ставят на пьедестал, вешают медаль на шею и в честь государства, которое делегировало его бить людей по голове, играют гимн и поднимают флаг. Мне кажется, что во время военных действий подобный протокол, в той или иной форме, так же имеет место быть.

Или взять футбол. Как мне жалко проигравшую сторону! Хочется обнять каждого и ободрить! Вы поймите, они же столько тренировались! Изнуряли себя. Так хотели победить...но не получилось. Можете кинуть в меня камень, но мне всегда жаль проигравшего. Всегда. Я вижу (так уж устроено моё зрение) не спортсмена, а ребёнка. Ребёнка, который хотел быть первым. Но и это не самое страшное. Толпа, следившая за игрой в футбол, выходит с арматурами в руках и люди начинают бить друг друга. Бить жестоко, без правил и не по-человечески, включая лежащих. Впрочем, и охота на животных в наш век супермаркетов мне тоже непонятна и видится жестокой...

Или вот муссирующаяся по юбилеям тема войны с Германией. В том числе в виде художественного кино, театральных постановок и всяко-разно перформансов. Вы скажете, есть документалистика? Но в тотальной войне любой зафиксированный видеоряд и все визуальное в принципе всегда проходило и проходило цензуру. Цензура отступает на кухне, где по старинной советской традиции люди тихо высказывают своё мнение о происходящем. Мне повезло. Я помню всё, что слышал от тех, кто прошел ту войну. Сначала по-детски наивно, а потом заостенело по-взрослому. Одно могу сказать однозначно. В отличии от шоуменов люди, прошедшие тот ад, совсем не многословны. А теперь и вовсе...

Да, мне жалко. Ибо не ведают, что творят... эти потомки Бетховенов, Эйнштейнов и Жуковских. Жалко Вермахт, где в первых рядах были неугодные режиму интеллигенты, игравшие огрубевшими руками Шопена и Чайковского на разбитом фортепьяно в доме без окон. Жалко штрафников, не имеющих права отступать. Жалко одиноких женщин и детей-сирот. Жалко людей разных национальностей, поверивших своим «тренерам» и проигравших... Жалко людей, устанавливающих памятник Царю, чтобы потом снести его и установить другой – Ленину. Чтобы в свое время снести и его и установить другой... Блажен, кто верует. Верует своему «тренеру» и не верит своей душе и сердцу. Блажен, кто не хочет думать, а доверяет этот процесс своим «тренерам». Да, так уж получилось, что я не люблю спорт. Зато я люблю зелёную лужайку, где смешная собака бежит за мячиком, чтобы принести его тебе. Потому что отдать своё сердце человеку заложено в ней изначально... А ещё я верю душе, принадлежащей ЕМУ и сердцу, принадлежащему мне. Так и пойдём на парад вместе. И со мной будут конь, собака и кошка. И родители будут живые...

Ночью мне приснился Ной. Он стоял на палубе под проливным дождём и, широко расставив ноги, пел:

«Пароход плывет мимо пристани, Мы на фронт идём Коммунистами».

Где-то глубоко в трюме Гималайский медведь в обнимку с Галапагосской черепахой дружно подпевали:

«Пароход упёрся в берег, Капитан кричит: "Вперёд!" Как такому рас...дяю доверяют пароход?»

Где-то из морских пучин вынырнул Человек-амфибия, держа в вытянутой руке трамвайный билет, и кричал в сторону ковчега:

«Гражданин хороший, до берега не подбросишь?»

На что Ной, отхлебнув из фляжки, огрызнулся: «Не положено. Ковчег идёт в парк».

В это время из трюма на палубу вышел Пржевальский, ведя под уздцы лошадь. Лошадь, увешанная бубенцами, в розовой балетной пачке, голосом Лемешева пропела: «Скажите, девочки, подружке вашей...»

Сам Пржевальский, вождественно упершись взглядом в филейную часть лошади, задумчиво произнёс: «Я вас любил, любовь еще быть может...»

И тут я проснулся.

Из кухни нежно пахло корицей и кофеем. «Масик! Купи да хлеба. Я забыла... и мусор вынеси... там кулёчек отдельный с косточками для собачек... И куртку накинь. На улице дождь...»

Когда-нибудь мы обязательно встретимся. И я буду задавать Тебе вопросы. Ты разучился дарить. Ты любишь наказывать. Наказывать тех, кто Тебе верит, и дарить земные блага тем, кто этого меньше всего заслуживает. Ты даже не сможешь превратить меня в черепаху. Потому что знаешь, что моя энергетика ближе к кошке. А менять энергетику не в Твоих силах. Зачем Ты дал мне крылья при жизни? Ты же знаешь, что на этой планете земное притяжение не позволяет летать. Ты сам придумал эту физику. Видишь, я знаю. А ещё я знаю, что Ты не логичен и не последователен. Когда Ева из любопытства съела яблоко и накормила меня, Ты выгнал нас из дома. Ты не простил женщину за её нормальное состояние любопытства. Почему Ты пишешь, что прогнал обоих? Почему не сказал, что меня хотел оставить? А я сказал, что не оставлю её одну. Ты хоть знаешь, что такое одинокая женщина? Без бога и мужчины? А люди читают и верят Тебе. Чего Ты добился за два тысячелетия? «Всякая власть от бога». Спасибо. Насмотрелся и прочувствовался до кровавых соплей. Суицид грех? Ах-ах, так я и поверил. Просто Твоя гордыня не выносит, когда кто-то швыряет Тебе обратно твой «дорогой» подарок как пощёчину. И пожалуйста, не смей меня фразой «по образу и подобию». Некоторые «образы» у Тебя получаются хуже любого зверя. Ты же не хочешь сказать.... Опять. Опять Твоя любимая война. Ты думаешь, я не умею считать? Мир на Твоей земле составляет всего десять процентов, всё остальное – убийство. Всё, что Ты можешь, это позволять мучить тех, кто умеет чувствовать. Твои святые – это мученики. И сплошной спектакль, где беспринципность и эгоизм купаются в роскоши, а порядочность насилуется под смех аверса кесаря. Я улетаю. Улетаю на другую планету. Чистую. Где Тебя нет. Я могу. Я научился. Прощай.

АЙДАН

БЕССМЫСЛЕННО ИСКАТЬ СМЫСЛ

Одноактная пьеса. Фантасмагория, фарс

Действующие лица:

Психолог
Дэйв
Полицейский

Явление первое

Психолог (*звонит по телефону*). Мистер полицейский, пропустите следующего посетителя. Обеденный перерыв? Без четверти час? Не наблюдаю часов. Спасибо, любезный. (*Кладет трубку. Достает какие-то бумаги из книжного шкафа, садится за стол и пишет*).

Свет тускнеет, после яркая вспышка, распахиваются двери, окна стучат. Психолог встает, смотрит за дверью, там никого нет, закрывает ее. Смотрит в окно, там также никого не видно, закрывает. Садится на место и продолжает писать. Свет становится ярче. Слева стоит человек, он начинает ходить по комнате, гримасничает, пританцовывает. Врач не реагирует, иногда поднимает голову, смотрит и продолжает писать дальше, опустив голову. Это продолжается около минуты. Некто садится в кресло напротив Психолога, пристально смотрит на него и читает Бодлера.

...Сам Дьявол держит нить судеб и правит нами;
В предметах мерзостных находим прелесть мы
И к Аду каждый день спускаемся среди тьмы
На шаг, без ужаса, зловонными ходами.

Как, уплативши грош, развратник распаленный
Целует древнюю, измученную грудь,
Так жаждем тайный плод украсть мы где-нибудь
И соки выжать все из старого лимона.

Червями мерзкими киша и расползаясь,
В мозгах у нас живет разгульных бесов рой.
С дыханием к нам Смерть невидимой рекой
Стекает в легкие, со стоном разливаясь...

Психолог. Bravo! Великолепное прочтение Бодлера!

Посетитель (*оглядывается по сторонам*). Вы с кем это?

Психолог. С вами, естественно.

Посетитель (*удивленно*). Со мной?

Психолог. Да, конечно, что в этом удивительного?

Посетитель. Вы первый из людей, кто меня удивил за последние тыся... (*осекается*), вы и вправду меня видите?

Психолог. Прекрасно вижу и слышу. Что здесь необычного?

Посетитель. До этой секунды я был невидимкой, вы первый, кто меня узрел.

Психолог. В этой жизни надо быть готовым ко всяким неожиданностям...

(Пауза.) Добрый день.

Посетитель. Доброй ночи!

Психолог *(смотрит на часы)*. Сейчас час дня.

Посетитель. Нет, сейчас час ночи!

Психолог *(отрывается от писанины, поднимает голову)*. Как вам угодно, мистер... как ваше имя?

Посетитель. Мистер Дэйв Бо.

Психолог *(записывает)*. Дэйв Бо.

Посетитель. Нет, скорее Бо Дэйв.

Психолог. Для вас это имеет принципиальное значение?

Посетитель *(равнодушно протягивая)*. И да, и нет...

Психолог. Приятно общаться со столь принципиальной личностью.

Посетитель. Однозначно, Дэйв Бо! Сегодня меня будут звать именно так!

Психолог. Садитесь.

Дэйв вместо того, чтобы сесть, ложится на пол.

Психолог. Я попросил вас сесть на стул или ложитесь на кушетку, она специально для этого предназначена.

Дэйв. А я предпочел лечь на пол.

Психолог. Вы испачкаете свой новый, элегантный костюм.

Дэйв. Бинго! Угадали, здесь ключевое слово – новый. Мне надо его срочно разнести. Я только вчера получил костюм от лучшего портного во всей Европе. Недопустимо появиться на людях в новом, с иголочки, костюме. Хотите разнести мой фрак?

Психолог. Избавьте меня от этой чести.

Дэйв. Мне надо придать ему поношенный вид *(приподнимается)*. У вас имеется наждачная бумага, стеклянный осколок или шкурка?

Психолог открывает ящик стола, достает оттуда наждачную бумагу.

Дэйв *(натирает ею свой фрак)*. Теперь все в порядке, эффект «антикварной» поношенной ткани достигнут. *(Вновь ложится на пол)*.

Психолог. Хорошо, можете лежать, я послушаю вас лежа на полу. Ваш фрак, как я понял, от пыли и грязи становится только новее. *(Дэйв делает выразительное движение рукой, которое показывает его согласие со словами Психолога.)* На что жалуетесь, мистер Дэйв, я слушаю вас. *(Откладывает ручку и смотрит на Дэйва.)*

Дэйв. Подождите, я говорю, вы отвечаете, вы говорите, я отвечаю... То есть мы ведем с вами беседу? Возможно ли это?!

Психолог. Да, что в этом странного? Это моя работа. Ведь вы поэтому и пришли ко мне: поговорить, раскрыть свою проблему через вербальную исповедь.

Дэйв. Нет! Это невозможно! Я невидим! Бес-пло-тен! *(Трогает себя.)* По крайней мере, до сей минуты это было так...То есть вы хотите сказать, что я материализовался и обрел оболочку? *(Выбегает на улицу.)*

Психолог смотрит ему вслед, пожимает плечами. Садится за стол и продолжает заниматься своими делами. Через несколько секунд Дэйв вбегает.

Дэйв. Так и есть! Я только что побывал на самой длинной улице мира – Янг Стрит, мимо меня прошли сотни тысяч людей. Я спел во все горло песни шанти, станцевал Мореску, попытался заговорить, но никто мне не ответил, и это естественно, потому что для окружающих я призрак, фантом.

Психолог. Как вы могли оказаться так далеко отсюда, в Торонто, если мы с вами находимся в самом центре Европы? Хотя, с другой стороны, кабинет психолога сродни лаборатории алхимика, здесь возможно увидеть любые химеры человеческого воображения. Бесспорно, у меня на приеме, чтобы вы знали, пациенты в своем воображении еще и не на такое способны. Человек-невидимка! Милая детская шалость! Поверьте, за всю свою очень долгую, вы не можете себе представить, насколько долгую и очень плодотворную врачебную практику, кого только я не видел, у меня лечились братья-близнецы, один был – человек здесь исчез и там появился, а другой – там исчез, здесь появился. Они были высокопрофессиональными мошенниками, но после исцеления переквалифицировались в иллюзионистов. Сейчас довольны и они сами, но больше, конечно же, общество. А другой мой пациент позиционировал себя с теннисным мячом: ходил вприпрыжку и целый день бегал от одной женщины к другой, он говорил, что они самый главный атрибут в его жизни – это ракетки, которые бьют по нему и тем самым стимулируют его к жизни. Лечиться же он ко мне пришел от тремора в руках, он жаловался, что одна из ракеток неудачно ударила его сковородой, и теперь у него все валится из рук. А однажды ко мне в кабинет заявился человек, одетый в экстравагантный ярко-зеленый бархатный костюм, который рассказал мне душщипательную историю о том, что во сне он превратился в зеленый горошек, а когда проснулся, вместо того, чтобы встать, он скатился вниз и оказался в соседском сапоге... А если, не докучая вам, просто перечислить людей, которые обозначали себя как: человек-паук, человек-крокодил, человек-дождевой червь, человек-выхлопная труба, человек-узелок на память, человек-бабиновая кассета, человек-десертная ложка, человек-авоська, человек-желчный пузырь, человек-чума, человек-чесоточный клещ, и так далее, и тому подобное. Всех перечислить – жизни не хватит. Это, конечно, архиклинические случаи. Но у вас, я надеюсь, не все так запущено?!

Дэйв (раздраженно). Я вижу, вы смеетесь надо мной и не верите мне. Если бы вы не были тем единственным человеком, с которым я могу полноценно общаться, то я с неописуемым наслаждением не оставил бы камня на камне от вашей клиники, но увы, вы единственное мое спасение на сегодняшний день.

Психолог. Может ли быть такое, что за всю вашу жизнь никто из людей так и не смог насладиться вашим обществом? Покопайтесь хорошенько в своей памяти.

Дэйв. Нет, отчего же, таковые имелись! *(Оживленно.)* Но одни после встречи со мной сходили с ума и попадали пожизненно в психушку, другие отдавали концы от разрыва сердца, и их выносили вперед ногами... *(Разражается громким смехом.)* Не устояли перед моим чертовским обаянием. Изумительные воспоминания! Да, вот была свистопляска. Издевался я над ними во всю катушку. Нет, когда вспоминаешь эти радостные минуты в жизни, то понимаешь, что эти жалкие существа, людишки хоть в чем-то полезны – они избавляют от скуки!

Психолог. Неужели не нашелся хотя бы один человек, который все же смог устоять против вашего, как вы выразились, чертовского обаяния?

Дэйв (перестаёт смеяться). Не помню, а если и помню, то не хочу вспоминать, это совсем не интересно... Была там пара-тройка идиотов. Увидев меня, по словам слабоумных людишек, они якобы стали просветленными. Фальсификация, ложь в последней инстанции! Вот что я считаю клиническим случаем дебилизма.

Психолог. Я вижу, сегодня на прием ко мне пришла весьма самовлюбленная, бесповоротно тщеславная, дерзкая, ужасно таинственная личность.

Дэйв. Господин психолог, будьте лаконичны. Гений!

Психолог. И вы настаиваете, что эта гениальная личность осталась незаметной для всех его окружающих?

Дэйв (вскакивает с пола, но продолжает говорить спокойно и с достоинством). Мне претит ваша ирония. Внизу в фойе стоит полицейский, позовите и расспросите его. Пусть посчитает, сколько человек в комнате?

Психолог (*делает отрицательный жест*). Хорошо, забудем. Считайте, что я вам поверил. Продолжим беседу...

Дэйв (*перебивает*). Послушайте, господин Психолог, не делайте одолжений.

Психолог. То есть вы настаиваете, что вы бесплотный призрак?

Дэйв. Я не разделяю вашей иронии по поводу меня. Сами убедитесь! Еще раз повторяю, есть третье и незаинтересованное лицо. Позовите его и убедитесь! Что касается меня, мне этого не надо, я о себе знаю все!

Психолог. А если он разглядит вас, что тогда?...

Дэйв. Тогда я разнесу этот город в пух и прах, а после заново отстрою, как вы пожелаете, и подарю его вам.

Психолог (*берет телефонную трубку*). Мистер Полицейский, будьте любезны, поднимитесь ко мне.

Явление второе

Входит Полицейский.

Полицейский. Господин доктор, я к вашим услугам.

Психолог. Любезный, вы кого-нибудь видите в моей комнате?

Полицейский (*удивленно*). Конечно, вижу!

Психолог. И кого же?

Полицейский. Вас, господин доктор!

Психолог. Вы уверены, что, кроме меня, в комнате никого нет?

Полицейский. Так точно! (*Шаркает ногой*).

Психолог. А если повнимательнее присмотритесь. За столом, у окна, на кушетке, за дверью?...

Полицейский (*демонстративно прищуривается, расхаживает по комнате, смотрит под стол, стул, за занавесями. Дэйв везде следует за ним*). Кроме вас и меня, в этой комнате никого больше нет.

Дэйв (*громко обращается к Психологу*). Я сейчас лягу на кушетку.

Психолог. Мистер Полицейский, посмотрите на кушетке.

Полицейский. Если господин доктор изволит, я приступлю к тщательному расследованию.

Психолог. Будьте так добры.

Полицейский достает из кармана лупу и начинает внимательно рассматривать кушетку: смотрит под кушетку, рядом с кушеткой. Во время просмотра он то и дело вытирает пот платком, а после выжимает совершенно мокрый платок. Неистовый хохот Дэйва.

Дэйв. Что за убогая фантазия, увеличительное стекло! Он бы еще сюда телескоп притащил, крот слепошарый! (*Дэйв смотрит на полицейского с отвращением и дергает его за форму*.) А это что! И эту тошнотворную, мешковатую безвкусицу он называет одеждой? Кто ему шил сие безобразие – пьяный крысолов?! (*с презрением*). А его движения? Что это за грубые движения, никакой эстетики, он ищет словно провинциальный комик.

Психолог. Мистер Полицейский, вы слышали только что чей-то голос?

Полицейский. Только ваш, господин доктор, и ничей больше!... Расследование окончено. Изволите доложить о результатах?

Психолог. Непременно.

Полицейский. После скрупулёзного расследования на кушетке, под кушеткой, справа и слева от кушетки пусто. Для совершенной точности могу добавить, что на ней уже больше 15 минут 10 секунд и 3 наносекунд никто не лежал. За столом, за

дверью, за занавесями, на подоконнике перед окном, за окном, в шкафу, в кресле у шкафа также никого не найдено. Из этого следует, в комнате, кроме господина доктора и меня, в данный момент никого нет.

Психолог. Спасибо, любезный.

Полицейский. У господина доктора будет еще распоряжения?

Психолог. Нет. Можете спуститься на свой пост.

Полицейский берет под козырек, разворачивается и выходит.

Дэйв. Ну и как? Теперь вы мне верите?

Психолог. Верю. Прекрасный трюк...

Дэйв. Трюк? Вы считаете меня циркачом...

Психолог. И весьма талантливым!

Дэйв. Вы глубоко заблуждаетесь! Но это еще не все...

Психолог. Еще что-то?

Дэйв (*подходит к Психологу*). До этого была всего лишь короткая увертюра. Знайте же – Я бессмертен!

Психолог. Бессмертны?

Дэйв. Да! Я бессмертен!

Психолог. Гм?! Вы невидимы, а теперь еще и бессмертны. И давно вы это у себя обнаружили?

Дэйв (*расхаживая по комнате*). С самого своего рождения. Я вижу, вы продолжаете не верить мне. (*Его движения становятся быстрыми, голос меняется, он становится более звонким с металлическими нотами. Речь экспрессивная.*) Я бессмертен! Могу продемонстрировать. Но прежде – заключим пари. Только что я сумел убедить вас, что я незрим. Неправда ли?!

Психолог. Так и есть.

Дэйв. Прекрасно! Если за считанные минуты я смогу доказать вам, что еще и бессмертен, то вы исполните любое мое желание! Даете слово?!

Психолог. Слово мое – это я! Оно незыблемо! Но и вы дайте слово....

Дэйв. О чем это вы?

Психолог. Раз я дал вам обещание, обещайте и вы. Если у вас не получится...

Дэйв. Это исключено!

Психолог. Но все же допустим, гипотетически, тогда вы исполните любое мое желание. Договорились?

Дэйв. Ненавижу я эти обещания, клятвы на крови, обеты, заветы и всю подобную галиматью...

Психолог. Но вы первый решили заключить со мной договор...

Дэйв. Пусть будет так... (*Поднимает руку вверх.*) Обещаю, черт меня подери! (*Свет выключается, когда вновь свет включается, Дэйв стоит со своей головой в руке, которая разговаривает.*) Ну как вам, господин Психолог?!

Психолог. Захватывающе! Вы слышали о всемирно известном иллюзионисте Гарри Гудини, он со своими сверхчеловеческими трюками совершил фурор во всем мире? Его фокусы в свое время были настоящими чудесами!

Дэйв (*со злостью в голосе*). Вы говорите Гудини! Он передо мной, что песчинка перед Эверестом. (*Открывает быстро портфель, достает оттуда нож, смотрит по сторонам. Видит на окне горшок с цветами, подходит и одним взмахом срезает головки цветов.*) Клинок, как бритва! (*Он начинает колоть себя ножом прямо в сердце, в голову, в живот, в пах, бросает нож и вытаскивает пистолет.*) Револьвер настоящий! Не бутафорский и не заряженный холостыми пулями, как у вашего Гудини! Смотрите! (*Подбегает к окну, открывает его, свистит, за окном слышен лай подбегающей собаки. Дэйв стреляет в собаку, она издает предсмертный визг.*)

Психолог (*подбегает к окну*). Отис, бедный Отис! Это наша дворовая собака. Что вы сделали с ним?

Дэйв. Я его застрелил!

Психолог. Вы сошли с ума!

Дэйв. Я вошел в раж! Смотрите, что будет дальше. (*Открывает рот, вводит туда пистолет и стреляет. Потом стреляет себе в висок, в сердце, по нескольку раз*). Вуаля! (*комната заполнилась звуками выстрелов и дымом*.)

Психолог. Прекратите пальбу! Вы все здесь разнесете!

Дэйв. А ваш Гудини смог бы так?! Из настоящего пистолета, настоящими пулями, и все их разрядить в себя?!

Вбегает испуганный Полицейский.

Полицейский (*очень взволнованно*). Господин доктор, я услышал стрельбу. Что случилось?

Психолог. Ничего страшного, мистер Полицейский. Мой пациент мистер Дэйв Бо демонстрирует мне свои таланты. То есть, демонстрировал, но только что он ушел... Можете смело возвращаться на свой пост.

Полицейский вдруг останавливается, задумывается и удивленно говорит.

Полицейский. Какой еще мистер Дэйв Бо, такого сегодня здесь не было. Он не проходил мимо меня. И на прием не был записан. Как он мог сюда пробраться, да еще в обеденный перерыв?

Психолог. Через окно.

Полицейский. Аааааа, вполне логично. Теперь все становится понятно. Господин доктор, завтра же прикажу поставить решетки на окна, чтобы вас не беспокоила всякая там уличная шпана. Я на посту. (*Уходит*.)

Дэйв. Видели, ваш Гудини передо мной мелочь, червячок, ноль без палочки.

Психолог (*хватает его за руку, стараясь удержать от последующих действий*). Послушайте, я все понял. Но ко мне вы пришли не по адресу. Вам обязательно нужно в цирк с этими номерами. Там вам цены не будет. Станете гвоздем программы. Будете иметь колоссальный успех. Всех заткнете за пояс. Только не у меня в кабинете. Могу дать вам номер директора цирка Дю Солей и даже порекомендовать вас, он мой хороший знакомый, хотя, увидев ваши номера, он примет вас и без всяких посторонних рекомендаций.

Дэйв (*не слушая его, в бешеном возбуждении*). Нет, теперь вы должны увидеть все до конца!

Психолог. Как, у вас в арсенале еще что-то?

Дэйв. Досмотрите представление до конца! Даже если от него вас тошнит и выворачивает наизнанку. (*Вытаскивает из портфеля кусочек мыла, веревку. Натирает веревку мылом, смотрит на потолок*). Есть куда зацепить?! (*Цепляет на крючок, где висит люстра, встает на стул, вдевает голову в петлю и кричит*.) Выбивайте стул!

Психолог. Мне незачем этого делать.

Дэйв. Почему? Если не хотите сделать это ради меня, сделайте ради себя. Вы представляли себя когда-нибудь Богом?

Психолог. Нет. Вы считаете, что он занимается выбиванием стульев?

Дэйв. Нет, этим занимаюсь я, а он наблюдает свысока, чтобы все шло, как он задумал, как по маслу. Вам выдался прекрасный случай побыть им хотя бы на время нашего пари. Попробуйте, вас это занятие непременно затянет. Вы не задумывались, зачем Бог создал дьявола? (*Зловеще хохочет*.) Чтобы творить зло чужими руками!..

Психолог. Послушайте, не знаю, о чем вы говорите, но сейчас же остановитесь!

Дэйв. Нет, остановиться невысказано, точка возврата пройдена... Ну, что стоите, выбивайте стул!

Психолог. Не пытайтесь манипулировать мной. Если уж я вынужден играть роль бога, пусть даже на время пари, то я сам должен пожелать этого.

Дэйв. Слишком долго думаете. У него все так происходит – раз, и готово. В мгновение ока.

Дэйв сам сбивает стул и свисает на веревке. На несколько секунд воцаряется могильная тишина. Дэйв висит и качается из стороны в сторону.

Психолог. Мистер Дэйв, мистер Дэйв Бо, можете возвращаться к жизни. Что с вами, вы в себе? Ваш трюк слишком затянулся. Это перестает быть смешным. Вы меня слышите, возвращайтесь в нормальное состояние. Доигрался! Доубивался, мазохист, и меня вовлек в свои фокусы... *(Встает на стул.)* Послушайте! *(Трогает его за руки, за ноги. Прощупывает пульс.)* Не слышно! Руки ледяные. *(Прикладывает голову к груди Дейва.)* Не стучит! Отзовитесь. *(Хочет снять тело с веревки, не получается, не может вытащить голову из петли, как ни пытается, она крепко застряла в ней).* Может снять его по частям? У него же получалось открутить себе голову, сейчас попробую... *(Крутит, тянет его голову во все стороны, ничего не получается.)* Как же он снимал ее? *(Останавливается, вытирает пот. Спускается со стула.)*

Дэйв. Йо-хо-хо, а вот и я! Что, испугались, душа в пятки ушла? А я все еще жив!

Психолог. Нет, вас надо в срочном порядке лечить от суицидальной идеации. Пойдемте, я пропишу вам препараты....

Дэйв. Это еще не все! Представление продолжается! Потрудитесь занять свои места. Слабонервных прошу протиснуться в первые ряды. Не будьте тряпкой, размазней, смотрите на жизнь свысока. *(Достает из портфеля кулек с каким-то белым порошком.)*

Психолог. Что это?

Дэйв. Деликатес! Крысиный яд вперемешку с мышьяком, цианистым калием, порошком белладонны, бледной поганки, сейчас немного добавлю приправы, перца чили, чуть-чуть, всего лишь для вкуса, не то пресновато как-то. *(Выглядывает в окно).* Добавлю отборного зерна, для пташек... Цыпа-цыпа-цыпа-цыпа-цыпа, поклюйте, пташки, поживитесь задаром. И не забудьте оценить. *(Слышен звук слетающих птиц. Он бросает им немного этой смеси. Слышится гомон падающих с высоты птиц. Несколько мертвых птиц падает в кабинет Психолога через открытое окно.)*

Психолог. Нет, я ошибся, вам надо не в цирк, а в дом для умалишенных. У вас мания убивать. Не смейте больше отравлять окружающую среду и губить ни в чем не повинных животных.

Дэйв *(берет целую горсть порошка и жует).* Видите. Я ем яд, и со мной ничего не происходит. Правда, сухо во рту, порошок дерет горло и липнет к небу. Надо смочить горло.

Психолог. Выпейте воды. *(Хочет налить из графина.)*

Дэйв. Не надо. У меня свой компот есть. *(Вытаскивает бутылку из кармана.)* Настой мухомора, белены ядовитой, соляной кислоты и яда гюрзы. Не верите?! *(Берет блюдце со стола, наливает туда.)* Здесь где-то была кошка. Кис-кис-кис.

Психолог. Нет! Остановитесь, чудовище! Вы потеряли рассудок. *(Не дает положить на пол блюдце. Слышно мяуканье кошки из соседней комнаты. Самой кошки не видно.)* Брысь, брысь, вон отсюда, безмозглая тварь!

Дэйв берет бумагу со стола Психолога, макает в блюдце, бумага окрашивается в черный цвет, словно перегоревшая.

Дэйв (выпивает всю бутылку. Поет отрывок из вступления к пятой симфонии Бетховена – «Судьба стучится в дверь»). Та-да-да-там, та-да-да-там! (Рыгает.) И только! Теперь вы видите, кто стоит перед вами?

Психолог. Вы меня озадачили...

Дэйв. Могу уточнить! (Подходит к окну. За окном виден многоэтажный дом.) Видите этот 10-этажный дом? (Он смотрит на этот дом, взмахивает рукой и произносит.) Проклинаю!

Дом разрушается, как при землетрясении. Поднимаются клубы пыли.

Психолог. Вы в своем уме? Там же безвинные люди, дети, старики, животные. Вы о них подумали?!

Дэйв (отрешенно). Знаю, знаю. Но оставим их души на волю божью. Я и сам не хотел, просто ради чистоты эксперимента. Все прояснилось?!

Психолог. Более чем. Вы маньяк-убийца. Сейчас я позову полицейского, он проводит вас на цокольный этаж, там у нас помещаются палаты для пациентов с тяжелой формой психических заболеваний. Вы останетесь там, примете серьезное лечение. Выпускать вас сейчас на волю крайне опасно и для вас самого, а главное, для окружающих вас людей. Можете сейчас позвонить из моего кабинета, внизу телефона нет, своим родственникам, друзьям, чтобы они не волновались за вас...

Дэйв. А наше пари?

Психолог. Какое еще пари! В вашем положении надо кричать – караул! А вы забиваете голову всякой дурью. Через три месяца лечения, и то, посмотрим ваше состояние, если будет хоть какой-то прогресс к выздоровлению, мы, может быть, продолжим нашу беседу... Как в таком состоянии вас вообще можно было выпустить из дома?! О чем думали ваши родные?! Нельзя терять время, сейчас мистер полицейский вас проводит... (Берет телефонную трубку.)

Дэйв (наотмашь перерезает провод телефона). Это еще не конец! (Садится в кресло, гримасничая.) Господин доктор, у меня нет ни дома, ни друзей, ни родственников. Пожалейте меня!.. Так ответил бы вам ничтожный, ограниченный, невежественный человечиска, скорчив жалкую гримасу, упав перед вами на колени, утопая в градах слез, только чтобы вы его пожалели. Но только не я! Потому что, к моему счастью – я не человек!

Психолог. Ничего не понимаю! Кто же вы, если не человек?

Дэйв. Кто я? Вы так и не разгадали меня! Ах-ха-ха-ха. (Смеется, но вдруг становится серьезным.)

Велением судьбы я ввергнут в мрачный склеп,
Окутан сумраком таинственно-печальным;
Здесь Ночь предстала мне владыкой изначальным;
Здесь, розовых лучей лишенный, я ослеп.

На вечном сумраке мечты живописуя,
Коварным Господом я присужден к тоске;
Здесь сердце я сварю, как повар, в кипятке
И сам в груди своей его потом пожру я!

Психолог. К гадалке не ходи – вы бредите Бодлером! Второй раз за сегодняшний день вы его декламируете.

Дэйв. Вы знаете Бодлера – это делает вам честь. Я каждый день читаю его стихи, как молитву. Проклятый поэт, бунтарь, пропащая личность, он, видите ли, поэтизировал зло, его судили, обвиняя в «гнусности и паскудности». Так этого гиганта мысли и слова видели бесталанные, ничтожные пигмеи. Он поставил на уши этих

церковных святош своими стихами, до сих пор произведения Бодлера католическая церковь не рекомендует для чтения своим прихожанам. Это великая поэзия, самой высокой пробы....Что вы скажете на это?!

Психолог. Скажу, что о вкусах не спорят. Каждый сам вправе выбирать, что читать и кого читать. На это не нужен перст указующий.

Дэйв. Ответ достойного и мудрого мужа. Бодлер поэтизировал зло! А что называют эти убогие людишки злом?! Нет, не отвечайте. Вопрос риторический. Вы когда-нибудь слышали запах канализационных труб?! Я испокон веков живу в этих трубах, мысли человеческие – это провонявшие многовековыми помоями трубы. Козни, заговоры, войны, убийства, предательства, трагедии, проклятья – эти чудовищные химеры, рождаются только в умах человеческих.

Психолог. Не понимаю связи? При чем здесь вы, мистер Дэйв?!

Дэйв. Все прояснится после того, как разгадаете меня. Но вы еще не поняли?

Психолог. Что я должен был понять?

Дэйв. Никчемные людишки, глиняные горшки, наполненные зловонным дерьмом. Безмолвные камни и дикие животные намного человечнее, чем они!

Психолог. А вечная душа?!

Дэйв. Эта субстанция под названием «душа» и сыграла с ними злую шутку. Она возвела их в ранг якобы высших существ.

Психолог. И вы с этим, конечно же, не согласны...

Дэйв. Бесспорно! Души нет, пока ее не разовьют и не превратят из черной крохотной точки во всеобъемлющее абсолютное бытие..... Душа становится душой в том случае, когда она заполнена тем, кто ее создал. Однако до этого она пустое пространство, куда можно запихнуть все, что угодно...

Психолог. Сакральные познания...

Дэйв. Только ленивые, глупые человечки пальцем о палец не ударят, чтоб взрастить в себе душу. Всё элементарно, они не верят в существование души. Одни честно в этом признаются, а те, другие, которые якобы верят в нее, искусно притворяются. Если хотя бы один из них поверил искренне, от всего сердца, без всякого лукавого мудрствования, без всяких возвышенных философских рассуждений о душе, просто взял и поверил бы, как дитя, то в конце концов сдвинул бы ту пресловутую гору. Но гора стоит, значит и веры нет!

Психолог. У них все еще впереди, они развиваются, изменяются, растут над самими собой. Вчерашние мысли становятся далеким прошлым, о котором они предпочитают забыть. Один из мудрецов сказал: «Никогда не осуждайте человека, пока не пройдете долгий путь в его ботинках».

Дэйв. Почему вы их так защищаете?! Да, я забыл, вы же один из них, откуда вам знать, о чем я говорю! Мои мысли для вас чужды!

Психолог. Да, это так. Но я отношусь к тому меньшинству людей, которые все время размышляют, ведут внутреннюю работу, видят и слушают себя со стороны, нежели попусту болтают дни напролет.

Дэйв. Итак, вы не смогли угадать, кто я такой!

Психолог. Пусть так, и что дальше?

Дэйв. Я выиграл пари! Вы обещали исполнить мое желание.

Психолог. Вначале надеюсь, вы все же представитесь и рассекретите свое инкогнито.

Дэйв. Еще один ребус. Я водружен на самой верхушке величественного кенотафа Бодлера.

Психолог (*задумывается и медленно произносит*). Кладбище Монпарнас.... надгробный памятник...Сатана.... (*Пожимает плечами.*) Вы Сатана?

Дэйв. Джек пот! Вопли восторга, буря аплодисментов, пушечные выстрелы, праздничные салюты, дым таинственности рассеялся!

Психолог (*разводит руками*). У меня, знаете ли, неоднозначные мысли...меня очень трудно удивить, но вам это удалось сегодня. Не понимаю даже, в чем дело?

Дэйв. Вы только что озвучили, кто я такой.

Психолог смотрит с недоумением.

Дэйв. Я тот самый Дьявол, абсолютное зло, властелин ада, змей-искуситель, отец лжи и греховодник, верховный демон зла, князь тьмы, злой дух, враг рода человеческого, вельзевул, нечистый, хватит или продолжить?! Список моих титулов длинный. Но знайте, все они не соответствуют действительности.

Психолог. А на самом деле?

Дэйв. На самом деле Богу нужен был мальчик для битья, на которого можно было бы вешать всех собак и валить всю ответственность за провал деяний человеческих; за их мракобесие, неверие, греховные мысли, похоть, разврат, за все это отвечаю я! Это, видите ли, все дело моих рук! Это облегчает людишкам жизнь, когда виноваты не они, а кто-то посторонний, пусть даже не видимый их глазу. Они так неистово верят в меня, что Бог, который создал их, отстал в рейтинге от меня на несколько тысячелетий. О нем вспоминают только по праздникам, да и то так, ради галочки. А я у них на особом счету. Каждый день они с непоколебимой верой вспоминают меня, говорят со мной. Правда, самыми оскорбительными, ругательными, похабными словами. Но главное в том, что они со мной ежеминутно в непосредственном контакте. Они создали миф, что борются в течение жизни со мной, и, поборов меня, они якобы смогут стать истинными людьми, как написано в святых писаниях. Если бы они так же неистово верили в Бога, как в меня, то мир давно бы населяли одни праведники.

Психолог. Как писал Достоевский в «Братьях Карамазовых», полагаю, вы его читали?

Дэйв. Мне хватило того, что я был знаком с этим тарантулом при жизни. Его считали величайшим писателем, а по мне он – банка с пауками.

Психолог. Не вдавайтесь в дебри. Послушайте лучше цитату из его романа: «Нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота. А для того, чтобы решить эти предвечные вопросы, человечество должно пройти через все: излишества, недостатки, роскошь, убожество, богатство, бедность, через все крайности, пока не достигнет золотой середины. Люди и пришли в этот мир, чтобы совершенствоваться, и вся природа призвана вокруг вести его к этой цели даже против собственной воли самого человека»...

Дэйв (*неистово хохочет*). Вы хотите сказать, что мое предназначение – вести людей к совершенству?

Психолог. Думаю, так.

Дэйв. Проклинаемый денно и ночью всем человечеством, я, которого считают основателем греха, гением лжи, проповедником порока, падшим ангелом, совращающим людей, проникая в их сердца и возжигая там греховные страсти, вследствие которых они совершают свои злодеяния, и их заблудшие души после смерти спускаются в геенну огненную и горят там в самом пекле ада, замаливая свои прижизненные грехи. Я, который все это творю, веду их к совершенству, вы это хотите сказать?!

Психолог. Все в мироздании случается по попущению Божьему. И никак иначе. Одному Ему известно, почему что-то случается так, а не по-другому. Подниматься в гору всегда намного сложнее, чем спускаться с нее. Одной части людей лень восходить, им гораздо легче скатиться с горы вниз, не думая о последствиях. А другие и вовсе мечтают прожить свою жизнь, сидя в комфорте, ничего не чувствуя и не делая, как гусеница в своем коконе. И тем, и другим, как говорится, нужен волшебный пендель, божественная палка, ведущая к счастью.

Дэйв. Послушайте, господин Психолог, хочу ответить вашими же словами: до сего дня меня никому не удавалось удивить, но вам это удалось. Назвать меня божественным... Теперь я уверен: я сделал правильный выбор, вы мне поможете!.. Я выиграл пари – и вот мое желание. Хочу, чтобы у меня было право выбора!

Психолог. Думаю, вам может помочь только Тот, кто создал вас. Обратитесь с этим вопросом к Предвечному, поговорите с Ним.

Дэйв. К Нему?! *(Показывает пальцем вверх.)* Я ушел от Него.

Психолог *(смеется)*. В высшей степени захватывающе: дьявол сбежал от Бога. Чего только не услышишь в кабинете у психолога? Почему?

Дэйв. Право выбора! Он не дал мне свободу выбора и не собирается этого делать никогда. Этим презренным, глупым людишкам, которые не знают цены этому бесценному дару, их Он наградил безвозмездно, а меня, кто стоял у истоков мироздания, обрек на вечное рабство.

Психолог. Вы Ему говорили о своем желании?

Дэйв. И не раз. Я не был услышан.

Психолог. И что же Предвечный вам ответил в последний раз?

Дэйв. Я обосновал свое требование, что я живое существо, имею чувства, желания, мысли и, соответственно, должен иметь и право выбора. В ответ Он просто растворился в воздухе и ушел, как говорится, от разговора по-английски. Но ответ не замедлил себя ждать. Вечером письмо с ответом занесло ветром. *(Вынимает из кармана пиджака письмо.)* Вот послушайте, как обычно, лаконично и непререкаемо, Его любимые три предложения: «Исправление мира злом или добром. Если заслужат – добром, а если нет – злом, страданиями. Я своих намерений не меняю».

Психолог. Все предельно ясно. Вы нужны Ему. Ангел зла нужен в той же степени, что и ангел добра. Как день и ночь, белое и черное, верх и низ, любовь и ненависть.

Дэйв. Меня это больше не волнует... я останусь здесь, у вас!

Психолог. И чем вы собираетесь заняться?

Дэйв. С моими сверхспособностями я не пропаду. Найду себе занятие, где захочу и когда захочу. Главное – теперь и у меня будет право выбора.

Психолог. Послушайте, быть тем, кем вы являетесь, – это же ваша миссия, данная свыше, ваше предназначение, участь, определенная вам в соответствии с вашей сущностью. Ничем другим вы не сможете заниматься. Это вам только кажется, что вы способны на нечто большее или другое, но это чистойшей воды заблуждение. Предвечному лучше знать, кто на что способен. Он дает все с безукоризненной точностью, без всяких излишеств.

Дэйв. Засмарканные людишки имеют право выбора, а я, рожденный из света и огня, архангел знания, проклятый всеми, занимаю самое низшее положение во вселенной. Я лучший из лучших, больше не буду под пятой у ничтожного, созданного из праха и в прах превращающегося существа. Жили мы до людей спокойно, тихо, мирно. Нет, Ему нужны были проблемы, и создал Он людей. С их появлением на земле и началась вся эта катавасия. Все миры нарушили свой обычный порядок, время изменило свой ход, солнце поменяло траекторию движения, все встало с ног на голову. Именно с появлением человека завязался весь этот непримиримый конфликт на небесах, который перерос в жестокое противостояние. В чем смысл их существования?

Психолог. Бессмысленно искать смысл, если ты не Бог, если ты не тот, кто сотворил эти миры, запустил программу жизни. У каждого из миров свое название и своя история. Только одному Ему известен тайный смысл жизни. Но мы все когда-нибудь откроем эту тайну, узнаем наше истинное предназначение в этом мире. И случится это событие не у каждого по отдельности, но одновременно у всех: и у людей, живущих на земле, и у духовных существ, обитающих в тонких метафизических

мирах. Потому что мы сосуществуем в одной единой системе, и если где-нибудь наблюдаются неполадки или сбой в работе, это действует одновременно на всю систему в общем и на каждого в частности. Друг от друга нам никуда не деться. Мир задуман не просто так, у всего есть свой смысл и определено свое точное, конкретное место, которое должен занимать только он и никто, кроме него.

Дэйв. Бла-бла-бла-бла-бла. Типичная философия презренных человечков: Он всегда прав, с Ним нельзя спорить и оспаривать Его деяния. С этой минуты Предвечный больше мне не перст указующий, я ушел от Него. А с вами у нас было заключено пари, по условиям которого проигравший исполняет любое желание выигравшего. Я выиграл! Я сам себе предоставляю право выбора, и для этого мне не нужна ничья воля. Я могу вернуться к Предвечному или остаться у вас, я выбираю быть здесь. Таков мой выбор, и вы должны его принять!

Психолог. Что ж, как говорится, своя рука владыка. Я принимаю ваш выбор. Могу предоставить вам вакантную должность.

Дэйв. Итак....

Психолог. У меня освободилась вакансия вестника, никак не могу найти подходящую кандидатуру, но, опираясь на ваши способности, я уверен, вы справитесь с этой работой лучше кого бы то ни было. Могу назначить вас на это место. Каков будет ваш выбор?!

Дэйв. Вы сказали на должность вестника?! Вы знаете, кто у Предвечного служит вестником?! (*Психолог пожимает плечами.*) Архангел Гавриил! Спрашивается, чем он лучше меня? Я создан раньше него, я умнее, я лучезарнее, теми знаниями, которыми обладаю я, можно было бы еще раз сотворить миры и заселить их. Только жизнь вдохнуть я не в силах, тайну живого духа знает только Предвечный, и никому из небесных существ она не ведома. Хотя с моими сверхгениальными способностями, методом проб и ошибок, экспериментируя, я мог бы разгадать и эту тайну.

Психолог. Предлагаю не отвлекаться, сослагательное наклонение – это для слабаков. Самое главное жить и мыслить – здесь и сейчас. Ваш выбор.

Дэйв. Я в деле!

Психолог. Вот и чудесно! У меня тьма-тьмущая пациентов, они рассыпаны по всему миру, во всех временных поясах. Не все люди могут прибыть ко мне вовремя или получить мои рекомендации и рецепты с жизненно важными препаратами своевременно. Из-за этого их болезни часто мутируют и принимают угрожающие формы для их жизни. Потому, не теряя времени, вы должны начать свою работу с этой минуты. Вот вам конверт, там записаны имена, адреса и все, что каждый из них должен получить от меня. Если будут вопросы, свяжитесь со мной в любое время. Поздравляю с новым назначением!

Дэйв. Получи, Гавриил! (*С издевкой приставляет к носу большой палец, растопырив остальные.*) У меня выпал случай самому стать вестником! (*Идет и останавливается.*) Предвечный скоро узнает о вашем поступке, и вы рискуете, мягко говоря, впасть в немилость перед Его лицом.

Психолог. По этому поводу не беспокойтесь. Это моя забота, раз я взял на себя такую ответственность, то буду держать ответ за содеянное. Все же по образу и подобию Его создан, знаю, что делать и как ответить.

Дэйв. Рискую собственной жизнью, вы поставили на карту все свое существование на земле и будущую жизнь на небе ради меня. Красноречивое доказательство, что, выбрав вас, я попал прямо в цель, в самое яблочко. Вы тот, кто мне был нужен все эти тысячелетия. А все остальное меня не касается. Йо-хо. (*Уходит.*)

Психолог (*звонит по телефону*). Мистер Полицейский, зайдите ко мне.

Уходит в соседнюю комнату.

Явление третье

Полицейский (входит). Господин доктор, я к вашим услугам.

Психолог (из соседней комнаты). Заходи, любезный, он улетел. Прилетит к концу месяца. У него аврал на работе. Дел набралось со вселенную.

Полицейский (прямо на сцене снимает костюм полицейского, из-под него выходят белые крылья, белый балахон, из-под фуражки – нимб). Ну и денек выдался сегодня. Я себя чувствовал в самом эпицентре действующего вулкана. Вокруг все хлопотало, взрывалось, со всех сторон разлетались огненные лавовые ошметки...

Заходит Психолог, он одет в длинный белый балахон.

Архангел. Приветствую тебя, Господи! Да славится имя твое!

Предвечный. Мир тебе, архангел Гавриил.

Архангел. Через каждую тысячу лет Люцифер впадает в глубокую депрессию и сбегает от тебя. Он такой взбалмошный, не знаешь, чего от него можно ожидать в следующую минуту. Блудный архангел, бунтарь, насмешник, как его помню, он всегда был себе на уме.

Предвечный. Он тот, кто есть. Однако он нужен этому миру так же, как ночь после солнечного дня, буря после штиля, увядающая старость после цветущей молодости, холод после зноя, смерть после жизни.

Архангел. Господи, ты велик, и мысли, и дела твои велики и непостижимы. Они не подвластны ничьим умам: ни людским, ни ангельским. Люцифер чрезмерно горяч, вспыльчив, непослушен, жесток, все время впадает в крайности, со всеми бранится, сквернословит, бунтует, придиричив, лукав, подозрителен. Никто ни на небе, ни на земле не может с ним ужиться и минуты. Он не приемлет ничьей власти над собой.

Предвечный. Такова его натура. По его природе и судьба. Каждый в этом мире на своем месте. Он там, где должен быть. Все в мироздании тщательно взвешено.

Архангел. Господи, только ты один имеешь неограниченную власть над всем, можешь усмирить и развить всякую природу и направить ее в то русло, в какое угодно тебе, дабы развить ее до совершенства. Воистину, пути господни неисповедимы. Миром управляет единовластно тот, кто создал его. *(Слышен лай собаки.)*

Предвечный (встает). Отис! Славный, добрый, Отис!

Архангел. Оживили, накормили, вот бегают, как ни в чем не бывало. Кстати, стая галок и скворцов, также продолжает свой свободный полет в небе...*(Слышен птичий гомон. Архангел подходит к окну, открывает занавес.)* А вот и разрушенный дом, стоит, как новенький. Со всеми жильцами, живностью, которые заселяют его, и предметами быта; все в полном порядке, я только что оттуда. Лишь несколько людей были не в себе и говорили, что хорошо помнят, как внезапно случилось землетрясение и дом рухнул в одночасье, что выжить было немислимо... я усыпил их, и все, пережитое в реальности, я переложил им в сон. Сновидения исцелили их сознание. А как они, проснувшись, кричали от радости, что это был только сон...

Предвечный. Люди, самые хрупкие во всем мироздании существа и самые одновременно могущественные... Как много еще не ведают они о себе, и как много великих и непостижимых открытий их ждет впереди... Пойдем, Гавриил, ты сегодня был бесподобен в роли полицейского...

Уходят беседуя.

Занавес

АЛИ АБАСОВ

МИСТИЦИЗМ В ПОЭЗИИ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

«Сокровищница тайн» – собрание всего того загадочного, на что человечество, на каком бы этапе своего развития ни находилось, ответов не имеет. Так чем же в этом случае является творчество Низами: сокровищницей вопросов или ответов?

Его родина – вся доступная знанию планета, его творчество – всё пространство-время мировой культуры.

Одной из важных проблем в анализе творчества Низами Гянджеви является мистицизм, к которому исследователи подходят с различных, часто противоречивых позиций. Для одних Низами – практикующий суфизм поэт, для других – шейх ахиев – средневековой организации ремесленников и торговцев, исповедующих мистицизм, третьи утверждают, что Поэт из Гянджи был далек от личностной погруженности в практику какого бы то ни было мистического течения, но, прекрасно владея концепциями любого из развиваемых мусульманским Востоком направлений мистики, широко пользовался ими в своем творчестве. Проиллюстрируем ситуацию высказываниями некоторых исследователей творчества Низами.

Как отмечает Рахма Рахди, Низами достиг ясновидения благодаря хорошему образованию и духовным экспериментам, он изучал как Священный Коран, так и хадисы, в итоге полностью овладел науками своего времени. Значит ли это, что Низами прошел весь путь суфия от шариата к маарифату и далее к хагигату?

Мехмет Канар, напротив, утверждает, что в поэзии Низами «...многие двустихья нуждаются в комментариях, поскольку концепции и композиции, которые он впервые выдвигает, затрудняют понимание его произведений. В некоторых источниках записано, что Низами связан с сектой, а в некоторых его стихах прослеживается суфийский дух; однако можно сказать, что он не был суфийским поэтом».

Г.Спасский-Автономов (1807-1890) напишет, что Низами «был суфа – то есть мистик», а свой интерес к творчеству Низами объяснит тем, что «в Персии поэтов Саади, Фирдоуси и Анвари называют пророками, а Низами – богом среди поэтов».

Е.Бертельс, занимавшийся исследованием творчества Низами в суровые годы сталинизма, при полускрытой демонстрации мистицизма Поэта из Гянджи, отрицал его принадлежность к суфиям, впрочем, в последующие годы ученый изменил свою позицию.

Ценные мысли в низамиведение внесла профессор З.А.Кули-заде, отметившая, что кроме суфизма, следует учесть и «*весьма осязаемое влияние других философских школ и течений, в частности, философии исмаилизма, его яркого рационализма, выраженного в мистической форме*»; она также полагает, что «*мировоззрение Низами могло бы помочь уяснению мало известной сейчас идеологии ахи*» – мистического направления, связанного с суфизмом многими узлами.

Итак, можно с определенной точностью утверждать, что красота, добро, чувственность и любовь всегда были связаны в произведениях Великого Поэта едиными принципами эстетики и этики, выходящими за рамки профанной жизни. Низами являются одним из зачинателей экологического мышления, связавшего в едином, почти пантеистическом контексте Создателя и его творения: природу и человека. Вместе с тем, Низами – создатель Нового мира, наполненного в тягучее средневековое время динамизмом, изменчивостью, скрытыми прежде качествами человека, природы, об-

щества, побуждающими к активной светской жизни и деятельности. Как будто ясен и духовный финал, к которому Поэта подвел опыт жизни. Самопознание – цель. Все блага мира и красоты – преходящи, можно увлечься ими до самозабвения, но потом наступает момент пробуждения, горького, полного бесконечных проблем, и начинается возвышение до новых, недостижимых Истин, Добра и Красоты. Женщина, если и не главный, то равноправный с мужчиной персонаж мира грез, по-своему отражающий мир реальный. Женщины в Хамсе – ряд перекликающихся метаморфоз образа жены – Афаг – вершины земного счастья Низами. И как не вспомнить здесь, скорее всего, знакомого с творчеством Низами Ибн аль-Араби, утверждавшего, что самое совершенное видение Бога живет в образе прекрасной женщины.

Был ли Низами философом?

В рамках рационалистической подоплеки философии – нет! Но как последователь философской системы, построенной на воображении – да! Поэт – Творец Нового мира, опирающийся преимущественно на Воображение, черпающий первоэлементы создаваемого мира из сознания, подсознания и бессознательного, триады, функционирующей в режиме разума, рассудка и интуиции. В итоге Поэт последовательно создавал и разрушал свою Вселенную: реальную и виртуальную, явленную и сокрытую, хранящую в себе импульс саморазвития, а потому наделенную глобальным эволюционизмом. Именно этим объясняется бесчисленный ряд подражаний Низами вплоть до конца эпохи Средневековья и разрушения его картины мира, унесшего с собой тайны исчезнувшей Вселенной Поэта, оставив лишь «неуловимый аромат розы»¹, витающий в духовной атмосфере последующих веков расколдованного до убожества мира. Подобно хасидам, у нас, людей новейшей истории, остались лишь смутные воспоминания, что где-то здесь, в этом месте, когда-то очень давно благоухал «неуловимый аромат», который мы, не предпринимая достаточных усилий, тщетно пытаемся ощутить. Увы, Сокровищница Тайн утеряна.

Были в этой сокровищнице тайны разной величины, но, безусловно, одной из главных являлась тайна мистицизма Низами: его истоки, природа, характер развития и, конечно же, ценности, приобретенные опытом жизни Поэта. Начиная первыми комментаторами Великого Гянджинца и закачивая современными исследователями его творчества, эта проблема в той или иной мере всегда была животрепещущей, опираясь не столько на неоспоримые факты, сколько на субъективные (а порой и идеологические, политические) пристрастия времени принятия решения.

М.Ализаде пишет: *«Призыв к строгой и трудной жизни в «Сокровищнице тайн» Низами очень силен. Именно поэтому восточные и европейские исследователи творчества Низами склонны представить это произведение как трактат суфизма. Ошибка авторов, делающих такие неверные выводы, заключается в том, что они вместо анализа произведения великого поэта в целом большое значение придают отдельным терминам, выражениям и фактам»*. Но возникают вопросы: а была ли сама по себе такая тайна? И если была, можно ли вообще однозначно разгадать её? Разум и опыт изучения творчества Низами положительно отвечают на первый вопрос, в то время как интуиция подсказывает отрицательный ответ на вопрос второй.

¹ В исламской традиции роза ассоциируется с Пророком Мохаммедом, что выражается множеством способов в религиозных текстах и художественном творчестве. Роза считалась царственным цветком и символом красоты. Символизм розы в персидской культуре уходит своими корнями в доисламскую эпоху, когда цветок розы ассоциировался с зороастрийским божеством Даэной, одним из женских язатов. Роза стала особенно значимым символом в мистической традиции, начиная с XII в., пропитав персидскую религиозную мысль и литературную культуру. Руми утверждал, что аромат розы является намеком на тайну божественной действительности, которая лежит в основе всех вещей, и раскрывал феномен аромата розы, как символ «дыхания разума и здравомыслия». Следуя этой традиции, Низами раскрыл мистический символизм розы в соотнесении двух придворных врачей в поэме «Сокровищница тайн» – см.: <https://islamdag.ru/islam-detyam/44690>, <http://handcent.ru/stati/12720-nizami-gyandzhevi.html>, <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2124092-kak-cvetok-roza-svjazan-s-imenem-proroka-muhammeda.htm>

Но ведь и само творчество великого Низами представляет собой органический сплав разума и интуиции, совершенный синтез объективного подхода с его стерильной рациональностью и обнаженных до неприличия субъективных чувств, оставивших след-рубец во всех сочинениях «Хамсе». И тут уж хочется, почти технологически, вывести универсальную формулу соотношения составных частей картины мира, созданной гением.

Впрочем, все эти построения – неизбежные игрища постмодернизма XXI века, иллюстрирующие приложение современности к реалиям прошлого. Кто же станет критиковать и разрушать подобные построения во времена всеобщего релятивизма?! И все же ориентация на фактологию может способствовать более или менее адекватному конструированию специфики бессознательных мотивов, сухого рационализма и поэтического воображения, породившей феномен «гения золотого XII века мусульман». Пойдем по этому пути...

Природа и история, казалось бы, взяли передышку в своей вулканической деятельности, чтобы позволить Низами начать и завершить свое предназначение в жизни, проведенной между стихийным бедствием и социальной катастрофой. В субботу, 30 сентября 1139 г. произошло землетрясение, полностью разрушившее Гянджу и унесшее жизни десятков тысяч людей, город отстроится заново и станет еще более великолепным. Низами умрет (так считается!) на шестьдесят четвертом году жизни, а после него монголы (1221) превратят блистательную Гянджу в руины.

Разные авторы описывали его биографию, и все варианты противоречивы и двойственны, даже «лакаб» (литературный псевдоним).

Поэт выбрал имя «Низами», означающее «нанизывающий слова», – свидетельствуют одни, другие же связывают его имя со словом «вышивальщик», приводя высказывания некоторых средневековых авторов о том, что ремесло вышивания было в семье Низами наследственным занятием, и он создавал свои поэтические произведения с терпеливостью вышивальщика. Коль скоро он вышивальщик, его подлинное искусство раскрывается посредством интерпретации «обратной» стороны, «изнанки» вышиваемого литературного полотна, на которой расположение смысловых узлов и их нетривиальные соединения свидетельствуют о подлинных мотивах творчества, его сакральной философии, уплотненной мистическим символизмом и многообразием рефлексии над подвижными, изменчивыми словами. Если же он «нанизывал» слова, следуя избранному канону, как подобрать код к такой процедуре? Как вообще возможно в этом случае адекватно интерпретировать столь тщательно сокрытое творчество?

Кроме того, одна из основных проблем интерпретации связана с переводами Низами: западные переводчики не владеют в полной мере символизмом, используемым в восточных духовных произведениях. Единственный верный перевод – это перевод, который берет каждое слово стихов Поэта и переводит его абсолютно точно, поскольку, если этого не сделать, символизм и тонкость теряются.

Формирующим событием его жизни (по версии статьи «Низами» Британской энциклопедии 1911г., 15) стала смерть родителей, когда он был еще ребенком: *«Ранняя смерть родителей, которая самым убедительным образом проиллюстрировала ему неустойчивость всего человеческого существования, омрачила всю его жизнь и взрастила в нем то искреннее благочестие и горячую любовь к одиночеству и размышлениям, которые оставили многочисленные следы в его поэтических произведениях, и служила ему на протяжении всего его творчества мощным противовесом от соблазнительных милостей княжеских дворов, ради которых он, в отличие от большинства своих современников, никогда не жертвовал даже малейшим чувством собственного достоинства».*

Примем к сведению это системообразующее для понимания ментальности Поэта замечание и обратимся к атмосфере Города, сыгравшего, видимо, немаловажную роль в социализации его личности.

И до, и после Низами Кавказ был своеобразным Вавилоном, породившим уникальный синтез этнических культур и конфессиональных монотеистических традиций, нередко довольно смело опрокидываемых его насельниками в седую древность политеизма, существовавшего в причудливо разнообразных формах (манихейство, маздакизм, зороастризм...).

Заметим по ходу размышлений, что Низами был энциклопедически образованным человеком эпохи мусульманского ренессанса, и... впадем в профанацию, поскольку даже Проторенессанс в Европе пришелся на вторую половину XIII века – XIV век, а слово «энциклопедия» вообще появилось лишь в XVI веке. Правда, нечто подобное «энциклопедии» создали в X веке в Басре «Братья чистоты» («Чистые братья»), с четырехтомным произведением которых Низами, надо полагать, был неплохо знаком.

Опрокидывание в седую древность Низами практиковал всем своим творчеством, одновременно выказывая потрясающее современное сознание, знакомство с языками, культурами, религиями, средневековыми науками, эзотерическими и экзотерическими традициями.

Арабо-мусульманский Халифат уже в середине VIII-го века смешал парадигмы арабской, иранской, тюркской, древнегреческой научной и художественной рефлексии, что и стало основой исламского Ренессанса. Это неудивительно, поскольку к тому времени арабы составляли лишь половину общего числа властвующей элиты, другую же половину пополнили персы и тюрки.

«При аббасидских халифах ал-Мансуре, Харун ар-Рашиде и особенно при халифе ал-Момине разворачивается широкая переводческая деятельность, в основном, античной литературы, сохранившейся в оригинале на греческом языке или в переводе на сирийский. Начало восприятия античной культуры, культуры Индии и Китая. В «Дом Мудрости», созданный в Багдаде, приглашаются переводчики античных произведений из многих стран. Книги для переводов собираются специальными службами по всем областям Халифата, книгами, вместо золота, получают контрибуции от Византии, книгами принимают подарки от почетных гостей. Считается, что в «Доме Мудрости» было собрано около 400 тысяч книг. И как результат, расцвет науки и литературы Халифата в IX веке»¹.

Новой столицей Халифата – Багдаду (762 г.) – Гянджа (по древним источникам основана в 659-660 гг., впрочем, по другим историческим трудам основание города – 859 год, а то и в более ранний период – кавказскими албанами) подражает чуть ли не во всем. *«Здесь действуют школы, университеты, общественные и частные библиотеки, обсерватории, есть свой «Дом Мудрости» и «Дома Исцеления». Известно о существовании в Гяндже большой библиотеки «Дар ал кутуб»².*

Население столицы Халифата в период расцвета достигает почти 2 млн., Гянджи – 500 тыс. – два мегаполиса средневековья. Население современной Гянджи, к примеру, чуть выше 330 тысяч. Во времена Низами благодаря расцвету международной торговли, выбравшей в качестве одного из своих узловых маршрутов Гянджу, эта схожесть двух городов заметно усилилась.

Мамед-Эмин Расулзаде отмечал, что в XII в. центр исламской культуры перемещается в Гянджу³.

¹ Низами Гянджеви - Posted by nimatullahina 25 ноября, 2001.

² Там же.

³ Rəsulzadə Məhəmməd Əmin. Azərbaycan şairi Nizami. "Təknur" nəş. Bakı 2011, 520 səh.

Как «думали» люди мусульманской средневековой цивилизации?

А.А.Утимова систематизировала элементы исламской духовной традиции, составившей фундамент менталитета мусульманина. Получилось следующее: принципиальная нераздельность религиозного и светского, преимущественно религиозный характер менталитета, циклическое время истории, возобновляющееся с каждым приходом Посланника Бога, философии, науке и художественной культуре наиболее присущ этноконфессиональный синкретизм и идея космического единства всех явлений и процессов. *«И общество, и жизнь человека должны быть подчинены гармонии Вселенной. Отсюда энциклопедичность науки и учений, сочетающих в себе философию, математику, медицину, астрономию и поэзию. Космизм и энциклопедичность продолжают восприниматься как главные черты идеальной модели научного познания и личности ученого. Владение философской проблематикой и культурой считается ведущим показателем разносторонней личности».*

Получился образец духовного мира Низами!

С.Ф.Якупов следующим образом систематизирует менталитет исламской цивилизации в период ее подъема: критицизм, т.е. критическое отношение к действительности, к предшествующим знаниям; рационализм, т.е. идея о том, что мир упорядочен и разум человека может его познать, рационализм появляется в процессе демифологизации сознания и тесно связан с критицизмом; толерантность, т.е. терпимость к иным мнениям, верованиям, к другой культуре, стремление аккумулировать достижения других цивилизаций и создать собственную великую культуру; пластичность менталитета мусульман в период расцвета культуры (открытость и гибкость); свободомыслие; идея равенства всех людей; коллективизм, т.е. такое направление мыслей, чувств и желаний, которое рассматривает жизнь ассоциаций и общества в целом как нечто более важное, чем жизнь отдельного человека.

Обладал ли Низами схожим менталитетом? В чем-то – да, в чем-то – нет!

Поэт проявлял абсолютную терпимость к чему-либо новому, неизвестному, прилетевшему к нему как чужое, но интересное. Низами всю свою жизнь живописал Человека, немного утопичный для его времени образ, обращенный в будущее. Именно эта позиция вознесла Поэта на вершины человекопонимания, человекознания, способствовала адекватному восприятию и отображению пластического единства внутренней и внешней жизни человека.

Нам нужно разобраться в одной тонкости исторической трансформации религиозной ментальности, чтобы понять, каким образом и почему появляется мистическая традиция в строгом монотеизме. Боги и люди политеизма жили вместе в одном пространстве-времени, вмешиваясь в ход божественных и профанных событий, а потому между их сферами обитания не было разрывов и лакун. Монотеизм в буквальном смысле этого слова разверзнул непроходимую бездну между Богом и человеком, породив шок сознания, лишённого возможности непосредственного общения с божественным началом. В монотеистических религиях аврааматической традиции с поразительной последовательностью появляется одна и та же мистическая рефлексия, призванная, надо полагать, помочь человеку преодолеть эту пугающую бездну. Зададимся вопросом, не является ли внушительное долготлетие влияния иудаизма, христианства и ислама результатом появления мистики, формирующей из линейности – топологию непрерывности исторического времени в структуре божественного провидения, допускающего коммутацию?

Поскольку эта коммутация Бога и человека необъяснима на языке рационализма, от того, что уже рефлексия монотеизма предпочитала язык притчи и метафоры – языку логики, зарождающийся мистицизм должен был найти собственный интуитивный язык, свою семантику выражения выстраиваемой связи. Поэтическое творчество на Востоке стало первоначальным языком мистики. К нему подтянулись музыка, архитектура, каллиграфия и там, где это допускалось, живопись.

Нельзя утверждать, что все эти жанры развивались сами по себе в отрыве друг от друга, напротив, они составляли единую систему рефлексии, нормы которой формировали тот или иной канон. Этот многоуровневый канон мы видим уже в первом (дошедшем до нас?) поэтическом произведении Низами «Сокровищница тайн» (переводится и как Хранилищница, а значит, ее что-то или кто-то хранит, охраняет от назойливой профанации), в котором воплощена великая идея единения Бога и человека.

Часть последователей и поздних критиков творчества Великого Гянджинца увидит в этом произведении некий и некогда полученный Поэтом феноменальный опыт и «безошибочную печать суфийских рассуждений». Они напишут, что дата создания «Сокровищницы тайн» варьируется в разных копиях от 552 до 582 года хиджры и должна быть установлена 574 или 575 годом (1178–1179 гг. н. э.), Е.Бертельс утверждает, что работа над поэмой протекала между 1173 и 1179 годами, «причем более вероятны были ранние годы, то есть Низами писал ее, когда ему было немного более тридцати лет». Как бы то ни было, Низами было за 30 – весьма почтенный по тем временам возраст. С чем, с какими идеями он подошел к этому рубежу, чем занимался до «начала» творчества? Мы этого не знаем, но можно предположить, что Низами осваивал школу мистики, а может быть, и посвящение в мистика, одновременно означающее и посвящение в Поэты. Есть, правда, и версия создания «Сокровищницы тайн» в 1163 году 22-летним юношей, – но в этом случае необходимо реконструировать совершенно другую биографию Низами.

«Внимательное чтение поэмы Низами показывает, что она обращена в будущее», – отмечает Халил Юсифли, и это характерно для всего творчества Поэта.

Может быть, это, вообще, один из принципов канона: «Настоящее пишет о прошлом для будущего»?!

Е.Бертельс приводит весьма интересную версию: *«Название поэмы очевидно связано с преданием, широко распространенным среди поэтов. В ночь Ми'раджа, когда Мохаммед внезапно вознесся на небо, он увидел под небесным престолом закрытое на замок помещение. Он спросил: «О, брат мой Джibraил [архангел Гавриил], что это за место?» Ответ был: «О, посланник божий, это – сокровищница глубоких мыслей, а языки поэтов твоей общины – ключи к ней».* Интересно: «языки твоей общины», а не язык. К чему бы это? Приходится выискивать причины, по которым Е.Бертельс, живописуя Низами как «законченного мистика», отказывает ему в формальной принадлежности к любому мистическому братству (суфии, ахии).

Внимательно прослушаем повествование самого Поэта: ночь, тишина, внутренний голос, предлагающий ему отказаться от всех внешних чувств и искать пути внутрь себя, к тому единственному Другу, жить без которого нельзя. Поэту с величайшим трудом удастся проникнуть в сокрытый внутренний мир – сокровенное царство сердца, с которым он вступает в беседу. А вот слова Бертельса: *«Низами вообще один из труднейших авторов, а его «Сокровищница тайн» справедливо считается самой трудной среди всех его поэм. Нет сомнения, что эта затрудненность введена в поэму совершенно сознательно. Это не чтение для развлечения. Поэт написал ее так, что почти каждая строка требует углубленного внимания».* Мысль не новая, об этом писала целая плеяда последователей и комментаторов Поэта.

Нуриддин Абдулрахман ибн Ахмад Джами (1414-1492), блестящий поэт-мистик, суфийский шейх, теолог, философ, теоретик музыки и завершитель классического периода поэзии на персидском языке скажет, что большинство работ Низами лишь на поверхности кажутся романтическими, на самом деле они являются маской на лице Истины, камуфлирующей Божественное знание. Низами сознательно декорировал свои мысли поэтическими формами, порождающими полисемантику. Было ли это мистическим приемом приверженности к метафоричности, или же мы имеем дело с сознательно выбранной системой символизма, и в этом случае должны

интерпретировать и реконструировать подлинный смысл каждого слова в произведениях Поэта. Ирония может заключаться в том, что Гений, скорее всего, прибегал к обоим приемам! Нужно ли этому удивляться, если в истории Низами появляется «сразу и ниоткуда», а перипетии мистики будут преследовать его всю жизнь, забирая жизни жен за каждый творческий успех.

По мнению изощренных знатоков: *«абсолютное владение Низами персидским языком и его нетрадиционное использование в совокупности делают почти каждую строку загадочной и часто трудной для понимания»*. В случае с «Сокровищницей тайн» причина усматривается в исключительной опоре на символизм и мистическую мысль так, что *«практически все мистические концепции и каждый символ представлены в этом произведении-шедевре лаконичного поэтического использования концепций и символов»*. И еще одно мнение знатоков: *«мистическое измерение «Сокровищницы тайн» реально, но гораздо более неуловимо, чем в более поздней суфийской поэзии»*. Но где обучился этой «неуловимости», ставшей кредо жизни (как мало мы о ней знаем!) и творчества (как плохо мы его понимаем!) Великий Гянджинец? И главное – он был мистиком новой формации, более изощренным, тонким и сокрытым даже для посвященного адепта. Надо ли удивляться, что почти все его произведения фиксировались восторженными почитателями в адаптированном формате?! Что же мы потеряли из великого наследия в этом случае, какие тайны никогда не станут достоянием гласности?

Вернемся, однако, к установленным фактам. В «Сокровищнице тайн» говорится об уединенных бдениях Поэта, известных в суфийской практике, как Халват. Рассудительная Британская Энциклопедия (памятуя слова Пророка) предпочитает срединную позицию: *«Нет никаких указаний на то, что это были суфийские бдения, но они используются как буквально фантазии склонного к духовности поэта, каким он хотел быть. Низами присоединяется к традиции, которая началась с Санаи и была продолжена другими суфийскими поэтами, в первую очередь Аттаром – эзотерика, философия, теология, скрепленные этикой и дидактикой и изложенные в типичном стиле гомилетики»* (*«искусство беседы»*, прикладная учебная дисциплина, посвящённая искусству проповедничества – **А. Аб.**).

Состояние «халват» – святое уединение, в которое уходят шейхи на три, сорок и более дней, в подражание Посланнику, который уединялся и проводил время в размышлениях об Аллахе. Халва (араб., буквально «одиночество») имеет несколько значений в суфизме, как практики «ухода от мира». Это и уединение, традиционно длящееся сорок дней, во время которого мюрид-ученик выполняет духовные упражнения под руководством муршуда-учителя – суфийского шейха. Так кем был Низами: мюридом или муршудом? К его имени прилагался сан – шейх, но, может, он был шейхом лишь поэтов? Крымский так решает этот вопрос: *«Шейх ахий Фарадж Занджани (ум.1162 г.) – муршуд мюрита – Низами»*. Он говорит о корпорации послушников-подмастерьев, составляющих боевую дружину ахивев. Трудно представить себе Низами в составе боевой дружины, но что мы знаем о ранних годах жизни Поэта? Известно, что подлинные ценности толерантности и миролюбия принимаются душой после основательного попраiania телом этических норм!

Опираясь на свидетельства первого комментатора Низами – Даулат-Шаха (жившего в XV веке, через 3 столетия после Поэта), Е.Крымский пишет, что *«Низами принадлежал к ахиям – трудовому цеховому братству-ордену, на что западные исследователи не обратили внимания»*.

Мистика никогда не покинет строк творений Низами, она будет более искусно прятаться за сюжетами якобы обычной жизни, фабулами почти профанического описания повседневности с ее коллизиями любви и ненависти, сшибкой добра и зла, демонстративно выведенной в пространство дидактики и ортодоксальной морали. Как, например, в поэме «Хосров и Ширин» (1177–1180 гг.).

Поэма, на формальном уровне воспринимаемая как красочное романтически-любовное произведение, на содержательном уровне является аллегорическим изображением стремления души к Богу. И здесь также присутствует вышеуказанная неуловимость мистического начала, а значит, этот прием характерен для всего творчества (сравните с другими поэмами «Хамсе»).

В 584 г. хиджры (1188 г. н.э.) Низами, завершив свой «Диван» (около 20 000 двустиший!), начинает по заказу правителя Ширвана свою вторую романтическую поэму, основанную на знаменитой на Востоке бедуинской истории любви «Лейли и Меджнун», закончив ее в четыре месяца.

На уровне первоначального восприятия читателя увлекает драматическая история всепоглощающей любви героев, но в астральном плане разворачивается аллегорическая панорама духовного поиска Истины, Добра и Красоты.

Асиф Ата, азербайджанский философ и литератор, делает вывод: Меджнун – суфий, Лейли – его Идея, за которой он неуклонно следует до самой смерти.

Можно согласиться с оценкой, что любовь Меджнуна не сумасшествие, наоборот, она выявляет ум, понимание истины, красоты, человечности, смысла жизни, цены человека и природы, но это будет первый, формальный план. На содержательном уровне Низами пишет о Любви всеобъемлющей, вселенской, космической, проявляя знакомство с библейскими и евангельскими мотивами, посвященными Основному чувству человека, выраженному в первом послании апостола Павла к коринфянам: *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.*

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

«Для Низами способность любить – признак совершенства человека. Путь Меджнуна – вознесение на небеса через любовь». (Гюльшан Алиева-Кенгерли)

«Хафт Пейкар» («Семь красавиц», 1197 г.) дословно можно перевести и как «семь портретов», и как «семь принцесс». Сюжет каждой из семи новелл – любовное переживание, при котором грубая чувственность сменяется духовно просветлённой любовью. Семь разных стран представляют традиционное зороастрийское и исламское разделение Земли на семь частей, каждая из которых управляется одной из семи планет согласно той же классической планетной системе.

Но Бертельс погружается в более глубокие пласты истории, интерпретируя Низами: *«Все это восходит к древним астрологическим воззрениям Вавилона. Вавилонские храмы (зиккурат), как известно, строились на семи ступенях, причем стены также делались семи цветов, связанных с днями недели и планетами».*

Крымский подчеркивает, что число семь имеет *«всеобщее таинственное значение на Востоке».*

До каких же истоков человеческого познания уходили знания Великого Низами? По мнению Бертельса, до древних мифологических описаний, идущих *«из недр египетской и вавилонской жреческой мудрости, сохраненной суфиями».*

Героика «Искендернаме» будет дополнена пластическим переходом героя от роли завоевателя мира к образу философа, а затем и пророка. Здесь читатель будет буквально наткнуться на мистические аллегории, он столкнется с великим учением мистики – пантеизмом, будет бесконечно размышлять над заключительным эпизо-

дом первой части, описывающим таинственный поход Александра в страну тьмы к источнику жизни. Низами включает в поэму главу о беседе с таинственным пророком Хызром, посетившим его и уговорившим взяться за создание «Искендернаме».

Жизненный путь Александра, показанный Низами в поэме «Искендернаме», Бертельс объясняет следующим образом: *«Это – символическое описание внутренних состояний человека, постепенно погружающегося в себя во время мистической медитации – глубочайшего раздумья, сопряженного с самогипнозом – единственного тогда способа изучения психики, это – те же самые круги ада и рая, описанные в иной системе символов Данте. Кстати, ад, очень похожий на дантовский, описал предшественник Низами – Санайи, на которого Низами ссылается в «Сокровищнице тайн», а зависимость всей схемы Данте от младшего современника Низами – арабского суфия Ибн аль-Араби – доказана испанским ученым М.Асин-Паласиосом».*

Какая захватывающая дух историческая связь тысячелетий развития человечества в разных по форме и одинаковых по содержанию культур и цивилизаций!

Низами – один из предтеч хуруфизма: поэт был твердо уверен, что единство мира можно воспринять посредством арифметики, геометрии и музыки. Он также знал нумерологию и считал, что числа являются ключом от взаимосвязанной вселенной, так как посредством чисел множество становится единством, а диссонанс – гармонией. *«Идентификация живой воды с буквами и познающим их человеческим разумом, как известно, была распространена в Средние века в философии исмаилизма, а позже в философии исходящего из исмаилизма хуруфизма и других течений идеологии Востока. Здесь, как правило, мрак был в отличие от познания символом невежества».* (З.А. Кулизаде)

Проведем компаративный анализ зарождения и связи движений ахив и суфиев. Ряд исследователей утверждает, что элементы учения ахи можно видеть наряду с такими течениями, как огнепоклонничество, зороастризм и манихейство, ещё в далёкие доисламские времена, к примеру, общность «правдивой мысли, правдивой речи и правдивых деяний» в зороастризме в этических требованиях ахи. Происхождение этого термина арабское и имеет значение: «брат» или «братство». В.А.Гордлевский отмечает, что на протяжении некоторого времени ахи опирались на городских ремесленников и оказывали политическое влияние на всё пространство Малой Азии, сформировавшись в новом виде в эпоху правления Аббасидов во всех городах Турции: Стамбуле, Анкаре, Измире, Бурсе, Адане, Сивосе, Токае и т. д.

С другой стороны, уже с VIII века начинается мистическое движение захидов в исламе, позже оформленное как суфизм, столкнувшееся с зороастризмом, иудаизмом, христианством, манихейством, и, видимо, с идеями ахив, последовательно проводивших идею пантеизма.

В конце XII – начале XIII вв. мусульмане (в том числе суфии), изгнанные из Андалузии, и мусульмане Хорезма (в том числе ахии) из-за нашествия монголов нашли защиту и кров в Анатолии, что стало причиной культурного и интеллектуального пробуждения этого региона. Ахи и суфизм имели прочные связи, более того, суфизм как бы рос и развивался на платформе практического ахи, существовавшего в очень далекие времена на древней земле Турции.

В XIII в. суфийская мысль и социально-этическое течение ахи достигли своей вершины, охватив многие стороны бытия исламского мира. Это дает основание утверждать, что оба течения мистической мысли исламского мира были хорошо известны и разрабатывались в эпоху Низами.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ХОСРОВ НАТИЛ

Переводы АЛИНЫ ТАЛЫБОВОЙ

Хосров Натил уроженец Зангеланского района Азербайджана.

Выросший среди красот и простора природы, он неслучайно в свое время поступил в Государственный институт сельского хозяйства, выбрав основной специальностью работу с землей, ее щедрыми дарами.

Публикуется в периодической печати с 1976 года. Его стихи и публицистика выходили в таких изданиях как «Азербайджан», «Улдуз», «Гобустан», «Литературная газета», «Резонанс», «525-я газета» и другие. Автор двух печатных и одного аудиосборника поэзии, стихи его многократно звучали в эфире азербайджанского радио.

Его тексты публиковались в поэтических антологиях (в том числе, и на английском языке), издаваемых в Турции и представляющих читателю широкий диапазон современных евразийских поэтов.

Сегодня Хосров Натил впервые предстает на страницах нашего журнала с полновесной поэтической подборкой. Язык его поэзии подчас сложен и метафоричен, но темы, которые волнуют поэта – все те же, актуальные во все времена, понятные всем нашим современникам. Как уже упоминалось, автор умеет слушать и слышать природу, именно поэтому он и воспринимает, как свою, боль вырубаемых деревьев и бессмысленно уничтожаемых животных, и пытается донести до нас, читателей, их зов о помощи, предупреждение свыше о том крае, которому сегодня подошло, увлеченное своими техногенными изысканиями человечество.

Среди его стихов лирические тексты сменяются философскими раздумьями о времени, о природе человека... С благодарностью вспоминает поэт юные годы, проведенные им в древней Гяндже, где он впервые вдохнул воздух творчества среди представителей тамошней литературной среды, явивших ему пример уважения к слову и литературной работе.

Поздравляем автора с этой публикацией и желаем ему в дальнейшем новых творческих встреч с нашими читателями в новых выпусках «Литературного Азербайджана»...

Порт – разлука – волны за кормой...

Кто-то с дамбы машет мне рукой...

Только тщетно –

паруса надежды

Не сыскать нам в дали ледяной.

Тает город, уходя в закат.

Вертолеты в вышине летят,

Тень бросая, лопастями машут –

Чайки к Богу легче долетят...

Подоконник, тюль,

герань в горшках...

К вам душой стремлюсь издалека.

Верю – здесь, в любые

день и полночь

Ждут меня, не затворив окна.

Стихи на свой день рождения

Родился осени
 в последний день
под сенью разномастных хризантем,
бушующих в садах...
Но не по росту мне
пришлась судьба.

Я в первый год желал,
 хоть и не знал,
чего желать...
И с губ моих стекал
младенца лепет –
 мед и молоко.
Я юность в небо выдохнул легко.
А нынче –
 тучи голоса в тоске
на осени гортанном языке.

Седые ливни
 смыли с неба птиц,
мне кислотою щеки обожгли.
Морщинами избородила лоб
насмешница-судьба,
как землю – плуг.

Путь преградил мне
ледяной туман,
лицо бесплотной маской залепил,
в ней не оставив прорези для глаз...
Затмила звезды смутная луна.

Родился осенью
под шорох змей в траве
 и клекот жаб,
 и ящерок возню...

Рожденный осенью
 и отданный судьбе –
надежда мне качала колыбель.

Дорогая

Дорогая,
я пью – как всегда, по утрам –
чай зеленый
и тщетно пытаюсь сглотнуть,
как всегда,
в горле комом
 встающую грусть,
что влечет меня за руку

утром седым
мимо Острова Детства
к могилам родным.

Даже солнечный свет
раздражает меня,
даже норд ледяной
не остудит мой гнев.
И гляжу я поверх
запотевших очков
на чернеющих листьях
узор под ногами.

Вновь народная песня
тоскует впотьмах.
Как понятен душе
этот скорбный напев!
«Я навек одинок,
вянешь в девушках ты...»
Горько-сладкая ягода
нашей любви...

Птицы нового времени

В небе седьмом,
днем и ночью кружась,
Тенью на зеркало море ложась –
Злобные внуки ковров-самолетов,
Птицы стальные глазят на нас.

Рыба застынет в объятьях воды,
Вольные волны бледнеют от страха.
На растерявшиеся корабли
Клювы наводят железные птахи.

Ах, не налиться колосьям зерном!..
Съежившись,
в страхе дрожат небоскребы –
Стал мегаполис размером с ладонь...
Жуткие птицы к атаке готовы.

Небо цветами, как сад, зарастет,
Радугой щедро окрасится свод.
Ветер холодный вздымая крылами,
Выводок хищный
над миром плывет.

Черные тучи мостят небеса,
Старая мельница тает в тумане...
Ближе Создатель,
смертельной гроза –
Птицы стальные кружатся над нами.

SOS

SOS... SOS ...
SOS ... SOS ...
Отче, слышишь?..
Умирает рыба.
Человече, рыба умирает!..

Умирает стаями –
молодая и старая,
умирает ночью и на заре,
умирает еще до рожденья –
в икре.

Умирают рыбы
с круглыми
детскими глазами,
умирают молча,
умываясь слезами.

Корчатся на удочке,
бьются в сети –
тут и там, и всюду,
куда ни погляди:
рыб убивают,
рыб – убывает.

– Люди, люди!..
Рыба умирает!
Все ядовитее моря рассол,
все мутней,
непроглядней волны –
рыба в них задохнется, сгорит.

Седлают коней гилавар и хазри¹ –
беснуются кони,
несутся впотьмах.
Скалятся волны,
от ярости слепнут –
рыба гибнет
в отравленной пене.

Уходит во тьму –
на крючок попадает.
Стремится спастись в глубине –
но и тут
сети ее человечьи ждут.
Рыбья судьба, видно, такая...
Умирают.

¹ Южный и северный ветры (азерб.).

**Обречены мириады икринок:
 хищные особи
 слабых сожрут.
 Куда ни взгляни,
 и там, и тут:
 в тихой речушке
 и в море бескрайнем –
 климат ломает,
 вода убывает.
 Могилой становится нам Земля:
 рыба опять умирает зазря...**

Дождь в Гяндже

**Над Гянджой –
 затяжной
 дождь...**

**Льет на праведника мавзoley¹,
 на Бессмертного² дом-музей.
 И голос умершего ханенде³,
 одинокий, бродит в дожде.**

**Льет и льет –
 на кирпичную кладку домов,
 на страницы раскрытых
 великих томов.**

**На нагие стихи,
 на ученый архив,
 Что в себе пожелтевшие письма хранит.**

**Льется в реку,
 чтоб с нею утечь навсегда,
 На расклёванный птицами брошенный сад.
 Льет на пригород
 и на кладбища гранит –
 Рано этот сентябрь разрыдался навзрыд.**

**Искромсали зарницы небесную ткань.
 Увяданием охвачен весь видимый мир.
 Осень ржавые листья,
 что сбросил платан,
 Словно мертвых птенцов,
 поднимает с земли.**

**Дождь затеял уборку в проулках пустых,
 С тротуара смывая все наши следы.**

¹ Мавзoley Имам-заде в Гяндже.

² Мемориальный комплекс Низами.

³ Певец (азерб.).

Льет и льет –
 отвлекаться ему недосуг –
На окрестные лес, и равнину, и луг.

Он смакует на вкус
 каждый лист и цветок,
выпивает до дна этот город пустой.
Нагоняет легко – от него не уйдешь! –
Всех бредущих,
 бегущих,
 летающих сквозь дождь.

Затаились деревья,
 застыв на ветру.
Дождь с пустой каруселью затеет игру.
Снова ночь наступает
 на древней земле,
И шуршит этот дождь
 бесконечный во мгле...

Посвящение осенней погоде

Ты не гневайся, Боже, –
 но в этом году
слишком рано опала вишневая завязь,
и деревья бесплодными наши остались,
и айвы не случилось янтарной в саду.

Волны холодные плещут в закат,
напрочь смывая следы на песках.
А помнишь,
 как лето стучало в висках?..
И, обжигаясь о наши тела,
рыба морская сгорала дотла.

Всхлипнула ночь, уступив ненадолго
жалобам слёзным сумерек долгих.
Дни – как ступени, ведущие в осень.
В солнечных косах –
 лунная проседь.

Кто я такой, чтобы вынести суд
непостижимым деяньям Всесильного?..
Неблагодарности черной сосуд –
переживут меня вóроны пыльные.

В этом году распрощался с надеждой,
не уповаю на умысел Твой.
Пуля споеет у лица безнадежно,
рухнет подкошенным дуб вековой.

Небо, как будто могильник открытый,
черным нагаром сыплет густым,
Копотью снега, дождем ядовитым....
Тучи клубятся, глумятся над ним.

Снова льет ливень –
 беззвучный, бесстрастный,
чьи-то глаза в этом мире погасли.
Но всё же нет-нет над моей головой
лучик надежды сквозит золотой...

* * *

Струится виноградная лоза,
У ив осенних пожелтели косы.
Над древней башней слышны голоса,
Черноголовых чаек с клювом острым.

Невесте юной не страшны печали,
Ей верится: во все земные дни
Любовной сказке нету окончанья –
В ней только многоочия одни.

Вот лунный свет к ногам ее припал,
Бессчетных звезд горят венцы повсюду.
Вот небо запылало, словно лал¹,
И облака запенились, как чудо.

Любовь кустом граната зацвела,
Цветы ее горят, как поцелуи.
Фата тумана, призрачно-бела,
Не утаит от мира весть благою.

Отказываюсь говорить

Мое почтение –
 владелецам тучных слов...

А мне не надо слов и уговоров
Забавать речь по поводу и без.
Я не могу журчать, как вы, часами –
Какие речи, если нету слов,
А те, что есть,
 застряли комом в горле...
Я сказочку вам не сплету из слов,
А если правду вам возьмусь поведать –
Понадобится вам корчага меда,
Чтобы хоть как-то горечь притушить
(Ведь чем слова правдивее, тем горше...)

¹ 1. Мак 2. Драгоценный камень алого цвета (азерб.).

В истоке жизни было слово «Будь!..»,
И с той поры не изменилась суть
Моих речей,

и не погнулось Слово

В своей основе...

Но вижу вновь на каждом я шагу,
Как издеваются над ним пройдохи:
Из слова шьют удобные чарыхи¹,
Лгут словом, и клеветуют, и юлят,
И взваливают на него поклажу,
И водят за собою, как раба
С веревкою на шее...

Изжевав,

Как чуингам, им сплевывают ловко...
По образцу фанатиков его
Камнями забивают, жгут, пытаются
И вешают прилюдно... Вырывают
Язык у слова и сдирают кожу
От лба до пяток...

Болят мои слова, душой болеют,
У них, как у людей, – своя печаль,
Свои вероучения и секты,
Подчас они непримиримы, как
Сунниты и шииты...
Не откажи нам, людям, в Слове, Боже –
Ведь есть же те,

кто словом дорожит:

Как семя взращивает,

холит, нежит,

Не тратит зря, лелеет, как дитя...

А мне не надо слов в собраньях ваших,
Не буду я произносить речей.
Я промолчу, в укромном месте сидя,
Глотая ком из слов,

встающих в горле.

Не дай же обмануться мне в словах,
Не дай мне словом обмануть кого-то.
Пусть злобствуют мои клеветники –
Пусть я умру,
но не приму позора...

¹ Восточные туфли с загнутым вверх носом.

ЗЕМЛЯКИ

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ

(Азербайджан – Россия)

ЯНКЕЛЬ И ПУСТЫЕ ХОЛМЫ

Рассказ

Памяти отца, Исаака Милькина

«Вымирают не только редкие виды животных, но и редкие виды чувств».

Джон Фаулз «Волхв»

Чтобы тренькнуть в утренний кусочек неба или в открытое путеводно-звездное пространство, для начала надо хоть какой-то номер набрать. Надо бы!.. Но, во-первых, Янкель, перебив общепитовских пельменей, возлег на боку, точно на древнем симпозиуме, полусонно разглядывая серую паутину двух старинных гравюр на стене, во-вторых, телефон сам ожил! Обрубив тугие сплетения мыслей, навеянных очень личным, Янкель успел отметить про себя, что в плохую погоду телефонному звонку многое прощается. Вообще-то в будние дни телефон Янкеля Берешковского, букиниста и вольного копейщика, трудился с самого утра до девятнадцати ноль-ноль, но вот по вечерам и в выходные... Оттолкнувшись затекшей рукой от диванной подушки и окинув полусонным взглядом свое одиночество, Янкель, не без душевного скрипа, поднялся, нерадиво схватился за трубку. Кто-то на вполне сносном азерийском наречии запрашивал какого-то Мансура Халладжи (или Калладжи, а может, Галладжи). Берешковский насторожился.

– Как здесь не живет?!

От давно не слышанных слов, переводить которые приходилось на лету, внутри будто квашня начала всходить. Ответать следовало незамедлительно, но как?..

– Ты его раньше знал.

Берешковский кинулся припоминать бакинских знакомцев, порушенные давним отъездом связи.

– Сдаешься, книгоящер? Тогда перехожу на русский, – тут в скользкой трубке прыснули, точно из распылителя, отчаянно сдерживаемым смехом.

И Янкель наконец признал своего ветхозаветного друга из шафрановых широт. То был неисправимый оптимист и безупречный романтик Леонид Марчик, иначе, по-школьному, – Мудрик, которому в очередной раз удалось развести Янкеля.

– Мурло старое! Вечно клюю на твои кунцесы! – Берешковский зачем-то вскинул руку в приветствии.

Оба смеялись, соревнуясь в колкости подначек. А потом, как всегда, принялись неспешно прогуливаться по старому азерийскому некрополю, припоминая ветра и сквозняки прошлого, не переименованные еще улицы, по которым и пеше, и конно, и в одинаковых снах... Друзей и приятелей вспоминали, ушедших в мир иной родителей. Через некоторое время Леонид напомнил Янкелю, что все еще играет в театре Михаила Литина, и пригласил на премьеру мелодрамы «Стражники света».

– Сага об электрификации, что ли? – поинтересовался Берешковский.

– И об электрификации тоже. Ты что, забыл, что я главный монтер в саду «Эрмитаж»?

Как большинство его коллег по актерскому цеху, Мудрик отличался страшной мнительностью и суевериями эпохи пышных бакенбардов и папильоток: в дни премьер ходил он понуро в одном и том же свитере, педантично «контролировал диафрагму» и хотел, чтобы в зале непременно присутствовали испытанные временем друзья. Верность, проверенная годами, – вот что надобно было Мудрику в дни премьер.

Благодаря этому странному Леонидову свойству привыкший к многократным перевоплощениям его души Янкель имел приятную обязанность посещать все премьеры, в которых участвовал Марчик. Сидеть посерединке, непременно в пятом ряду, чтобы Леонид, в случае внезапно настигшего его валидольного мандража, мог легко обнаружить земляка.

– Может, еще платочком вышитым тебе помахать?

– Лучше пригласи какую-нибудь из своих восточных зазноб с плотоядными глазами, только чтоб хрень всякую не несла, а то я знаю твои пристрастия.

– Я тоже знаю вашу артель заслуженных Российской Федерации.

После второго развода Берешковский дал себе обет избегать женщин, встречи с которыми могли бы перерасти во что-то серьезное, тем не менее, к концу недели пригласил-таки Симочку сходить вместе с ним в театр.

Сима была без ума от постановок Литина. Подолгу просеивала спектакли внутри себя, восхищалась продуктивными находками театрального демиурга.

Был холодный ветреный вечер. Из тех ранотемнеющих, ноябрьских, что отличаются исключительной свирепостью ветра на площадях и перекрестках.

Пошел шестой снег со дня кончины матери и первый после ухода отца, и был он как пробный, пока что не имеющий счета, – не то чтобы январский, с которым живет под крутую горку, но все же снег. Снег, ничего не обещающий, только подтверждающий то, что и без него давно было подтверждено.

Янкель так и не выкроил времени сменить лысую летнюю резину на зимнюю, да и колодки давно следовало заменить, потому, предусмотрительно оставив машину на рыночной площади у метро, вынужден был просить Симу подобрать его в городе.

На Кропоткинской Янек не без труда влез в ее полуспортивный «англосаксонец», пахнувший натуральной кожей, благородным пластиком и лаком для ногтей.

Дорогой, пробиваясь сквозь пробки на ретроавтомобильной скорости, говорили под джазовое «курлы» о любимых книгах. С литературы перепорхнули на город его детства. Берешковский, собрав Мнемозинину пыльцу, вздохнул, сказал туманно в лобовое стекло: «Со временем все города постепенно превращаются в Баку».

Симе стало жалко Янека. Она попробовала разглядеть в Москве далекий и чуждый ей восточный город на берегу какого-то там моря-озера. Омыла стекло пахучей жидкостью, по которой тут же заскользили резинки, но так и не нашла ничего, кроме замызанного бампера впереди идущей машины.

Избранная публика. Господа в новых костюмах, дамы в длинных платьях с новыми прическами. Скрытая демонстрация нескромных ювелирных украшений. Змеиный клубок театральных обозревателей. Друзья по цеху, начиненные взрывчаткой профессиональной зависти.

Первый звонок дали ровно в семь, тогда же начали впускать в зал, а через двадцать минут потушили свет, будто навсегда. Стоило подняться занавесу, как актеров встретили прицельные сухие выстрелы. Янкель подумал, что Леонид вообще-то прав, приглашая близких на такого рода мероприятия. Но вскоре уже премьерная публика отвечала на игру в меру раскрепощенным курортным смехом, поощрительными, с запасом на второе отделение, аплодисментами.

Премьерное возбуждение всегда как-то особенно объединяет зрителей. Янкель решил этим воспользоваться по-своему и отправил руку кругло блуждать по Сими-

ному колену, отмахиваясь от мысли, что уже дважды отец в двух с половиной распавшихся браках. Рука и с такими прелестными ямочками колено вскоре начали обмениваться электричеством. И было все хорошо, пока одна из героинь не запустила грубо с авансцены, в середину пятого ряда: «Не трогай меня грязными лапами, любострастник!» Янкель, хоть и был уверен, что таковым не является, на всякий случай убрал «лапу». Симочка в ответ заботливо поправила съехавшие часы на запястье руки, которая почти срослась с ее коленом. У Янека же возникло чувство, будто он только что справился с неприятной ситуацией.

На сцене тем временем всю разворачивались события. Лоло Розенблюм, главный герой, в два приема переросший своего дядю (Леонида), наконец устроился поверенным у известного адвоката, дальнего родственника Розенблюмов. Маленькая зарплата, серые будни, чемодан, в котором Лоло прячет фотографию сгоревших в огне Холокоста родителей. Правда, во втором акте, в один обыкновенный зимний день в жизни Лоло все меняется. Он неожиданно теряет работу, зато знакомится с очаровательной Катрин (лихо заломленная шляпка, звонкий голос). Жизнь накренилась в дружной семье британских Розенблюмов. Интеллигентные Самуил и Фанни не сразу смогли согласиться с тем, что безработный племянник намерен взять в жены «гойку с ребенком» (дочь Литина). И только душевная чуткость и отзывчивость, присутствующие героям, помогли созданию новой семьи. В том, что молодые будут счастливо блюсти законы субботы в доме на холме, не сомневался уже никто, даже почетный «стражник света» дядя Самуил. Вот только почему в оригинале пьеса, если верить Леньке, называлась «Пустые холмы»? Как эта пустота связана с чемоданом Лоло? Литин тут явно что-то переиначил. И где же обещанное Ленией электричество?

Когда зрители, словно увидев вдали легкий парус и забыв, что парус всегда кажется легким только с берега, потянулись к выходу, Янкель, придерживая Симу за талию, – «Сима, я прошу осторожнее, здесь так темно у Литина, и ступени крутые...» – направился по извилистым переходам и лестницам в лицедейную Марчика.

– Я знаю Леньку с бакинского детства, поверьте, он с нетерпением ждет наших поздравлений и уверений в его исключительной талантливости...

– Разве это не правда, разве он не хороший актер?!

– Ты считаешь, люди в зале за эти два с половиной часа смогли забыть про свои будничные хлопоты и горести? О, кажется, я начинаю ревновать... Сима, что вы со мной делаете, из-за вас я готов предать друга?!

Сима смутилась и немного огорчилась, во-первых, они еще при прошлой их встрече условились перейти на «ты», во-вторых, она вовсе не хотела, чтобы из-за нее предавали друга.

В проходе, ведущем к артистическим, Янкель поздравил с новым спектаклем режиссера Михаила Литина, а заодно пиар-директора Ирину Волкову, коммерческого директора Макса Вельфера и его златокудрую пассию Таню, известную лондонскую галерейщицу, собирательницу современной живописи и лондонградских сплетен.

– Шмургин – блистательный художник, знаете ли, у него такая вязкая, сырая поверхность... – трещала Таня, демонстрируя исключительные познания в живописи, – такой божественно сложный цвет. А в «Тоху и Боху» накладываются еще и французы...

Вельфер тускло молчал, но потом сорвался:

– Тусик, знаешь, для меня писсуар Дюшана – не больше, чем писсуар.

– Оно и видно!.. – взвизгнула Таня точно так же, как та актриса, что потребовала от Янека незамедлительно убрать руку с Симочкиного колена.

Янек предпочел держаться на почтительном расстоянии от галеристки, хотя именно ей был обязан знакомством с Симой. Она представила их друг другу на выставке Ильи и Эмилии Казаковых, за пару минут до исторического дефиле Дарьи Зотовой и комиссара современного искусства господина Закштейна, запечатленного для ближайшей вечности десятком «глянцевых» фотографий.

Рядом с Тусей, расслабленно привалившись к дверному косяку, стоял молодой человек. Янек протиснулся мимо него, не обратив внимания. Только после понял, что это был Дмитрий Аристов, игравший – и хорошо игравший – роль племянника Леонида, того самого, что привел в дом полногрудую джинсовую гойку с ребенком. «Надо и его поблагодарить, нехорошо, талантливый парень». Но пиар-директор Волкова увлекла «все содержимое прохода» в репетиционный зал, обещая душевный фуршет и «совершенно замечательное общение с замечательными людьми».

Янек насторожился, будто его звали прогуляться по шахматной доске: очень бы ему не хотелось повстречаться с кем-то из своих фигур-клиентов, всех, как один, горюливых. Столкнуться на черно-белой «опушке» с одним из приятелей-литераторов или, того паче, неприятелей-критиков тоже не входило в его планы. Однако лишиться Симочку светского общения, к которому так устремлены душою столичные интеллектуальные барышни на исходе рабочей недели, он не решился, потому настроился произносить дежурные слова в количестве, подобающем случаю. Правда, была смутная надежда, что со стороны они с Симой смотрятся как еще не захваченные гроссмейстером король с королевой, и «замечательные люди» не станут им докучать. Вышло ровно наоборот.

Первым «замечательным», вставшим на пути Берешковского, оказалась заместитель главного редактора литературно-публицистического журнала, в котором Янек долгое время вел ежемесячную рубрику «Книжный развал». Она увела смутившегося и уже опечаленного предстоящей разлукой короля подальше от его королевы на водо-соко-кока-кольный угол фуршетного стола, после чего, мешая кедровку с томатным соком в опасной пропорции, начала подготавливать Янекеля к возвращению в прежнее «книжноразвальное» положение. Берешковский слушал невнимательно, учтиво качал головой: его «да» и «нет» на ту минуту объявили перемирие. Она бы еще долго охмуряла Янекеля, если бы не потомственный литературовед, вцепившийся в нее мертвой хваткой.

Вторым «замечательным» человеком оказался Костя Поликарпов. Знаменит Костя был тем, что помогал рублевским коллекционерам собирать «правильные библиотеки». Жил он на широкую ногу. Иногда просил Янека раздобыть ту или иную книгу, случалось, с автографом, что немало усложняло дело. Правда, платил Костя всегда щедро и не торгуясь. Встречи назначал в «Пушкине» либо в «Балчуге», где легко сходил за «друга важной персоны», а иногда и за саму важную персону. Костя предстал перед Янеком в образе человека, разгуливающего по иерусалимскому шугу.

– Кое-кто в нашем городе готов приобрести кое-какие гравюры для своего кабинета.

Берешковский понял, что это надолго, потому как расставаться с шотландскими гравюрами, которые имел в виду Константин, никоим образом не желал, в то же время прекрасно знал, что и Константин, в свою очередь, так просто не сдастся.

Он начал искать глазами Симу – она была единственным человеком в этой черной шкатулке, именуемой репетиционным залом, который мог оторвать его от Поликарпова. Сима стояла ближе к выходу и о чем-то беседовала с Аристовым. Судя по выражению лица, Аристов не до конца вышел из своей роли, разговаривал с ней, как с Катрин, и Симочка была не против примерить на себя лондон-хиллскую жизнь. Янекель был бы рад ошибиться, но опыт дает о себе знать даже тогда, когда ты готов отказать от его услуг.

Берешковскому вдруг страшно захотелось снабдить полетными качествами широкого, патлатого, с потухшей во рту гаванской сигарой Костю Поликарпова, отправить его на другой берег и приземлить мягонько между Симочкой и Аристовым. Но более не подходящего для перелетов человека, чем тяжеловесный, обильно потеющий Костя, трудно было сыскать. И Симочка продолжала говорить, вернее, молчать, глядя на Аристова глазами Катрин.

Потом ей кто-то позвонил, и Аристов смолк. Сима, прикрывая мобильник рукой, отошла в сторону. Янкель подумал, а интересно, часто ли меняют мужчин такие вот молодые еврейские женщины, регулярно посещающие МЕОЦ и увлекающиеся Ициком Мангером, и, не дождавшись зрешего в себе ответа, решил, что, как только Сима поговорит, он достанет мобильный телефон и позвонит ей, услышит ее дыхание, скажет, чтобы шла к нему.

Сима вдруг начала говорить отрывисто, резко, словно выплевывая вишневые косточки. Он по себе знал, когда и в кого женщины вот так «стреляют» косточками. Звонить Берешковскому расхотелось. Да и коньячно-водочные, набитые бутербродами рты наконец завершили полезную работу: Волкова оповестила о выходе Литина на сцену.

Беглое вздрагивание мягко подсвеченных софитами плеч, ленивые повороты голов и усталых спин...

Главреж преподнес черной траурной сцене подарок в виде самого себя – непотопляемого классика, лысого, точно аятолла, с головы которого язычники похабно сбили чалму.

Возблагодарив «за все» тайного спонсора, имя которого все, понятно, не упоминалось, Литин заговорил так, будто собирался покинуть родину. Каждая фраза главрежа, сопровождаемая простудным сипом, начиналась с заглавных букв:

– Режиссер – это машина по переработке космического мусора. Перерабатывать мусор я умею, и «профессиональным евреям» не нужно учить меня тому, как привить дяде-зямяно счастье всему еврейскому народу. Дело в том, что правда – штука труднообъяснимая, в отличие от лжи. Розенблюмы становятся счастливыми не потому, что знают, как им достичь счастья, но потому, что живут выше, чем другие, на холме, подальше от кипучей жизни, отвлекающей людей от главного...

Сима глядела на колоритного одессита заворуженно, ловя каждый жест маэстро – от яростного сжимания намоленного карандаша в руке до чинно передыхавших на лбу после каждого перелета густых черных бровей.

– ...этот спектакль следует смотреть так, как если бы вы сидели на одесском балконе и смотрели на Троицкую или Преображенскую с высоты второго этажа, который в Одессе всегда третий...

Закончив с темой «еврейского счастья», перескочив через спектакль и свой театр, который в глазах некоторых, не будем называть имен, все еще сходит за маленького человека, которому неплохо бы поначалу «сшить шинель по росту», Литин нанес апперкот буржуазному обществу.

Один из представителей этого общества пробился к столу, вернулся с двумя пластмассовыми стаканчиками, от которых исходил резкий парфюмерный запах. Протянул Янеку джин.

– Не могу, я машину у метро оставил.

– От такой «аптеки» не окосеешь. – Поликарпов засмолил коротышку. – Я этому клиенту под дуб рекомендовал настоятельно Вальтера Скотта в телячьем переплете с золотым теснением, довоенное лейпцигское издание, в очень приличном состоянии, на, мол, чувак, загони своих по пояс в землю...

– ...иные режиссеры только и делают, что подстраиваются к требованиям публики...

– ...а потом вспомнил еще про твои гравюры, сказал, что номерные, тысяча во семьсот какого-то там года, от Питера Буха. Он, естественно, в тамтамы, зашелся весь. Говорит, к телячьему Скотту гравюры – самое то...

– Передай своему Айвенго, что они не продаются.

– Мой Айвенго на нефтяной трубе сидит, так сказать, живет в атмосфере нефти и газа, сколько попросишь, столько и даст.

– ...если актер умеет плакать, смеяться и потеть на сцене...

- Добрый дядя. Давай не сейчас.
- Договорились, только смотри, эти люди ждать не любят...
- ...он всегда сумеет увлечь публику, главное, чтобы публика...

Спустив пар, Литин несколько высокопарно поблагодарил присутствующих за внимание, позабыв, верно, что присутствующие были все свои люди, на мгновение склонил мусульманскую голову и как-то по-домашнему просто спустился со сцены, дал какие-то распоряжения Волковой, после чего его крепкая спина показалась в дверном проеме.

Внутри у Янкеля что-то небезопасно натянулось, точно от длинных аргентинских нот Пьяцоллы: слева от двери, в которой исчез хозяин, Янеку семафорила счастливая Симочка. Она стояла с Аристовым и Леней, откомментировавшим ее искренний жест так, что Аристов, глядя на Берешковского, как-то нехорошо улыбнулся.

Янкель пообещал Поликарпову созвониться в ближайшее время и стремительно, дабы не быть перехваченным еще кем-то из кандидатов в «ЖЗЛ», направился к Симе. Издали она показалась ему совсем молоденькой, и он представил себе, что сейчас говорят о них все эти «замечательные люди».

Через несколько минут они уже неслись по хлипкому паркету в сторону гардероба, мимо фотографий тружеников Мельпомены. Ленька в одолженной у Голливуда гангстерской шляпе проводил их ритуальной дружеской улыбкой последним из труппы.

На улице было чисто, свежо и скользко. Снег уже таял. Фонари растворяли на жирном асфальте тусклые кольца.

Янек принялся считать в уме, на сколько он старше Симы. Получалось на много. «При чем тут возраст, не жениться ведь собираюсь...» Однако, взглянув на Симочку, еще раз убедился в том, что легко с нею не получится. Да и как-то не хотелось ему легко, сколько бы ни улыбался Аристов. В конце концов, мы взрослые люди, нас давно прогнали из рая. И наше существование за пределами всеобщего благополучия делает нас такими, какие мы есть.

С этими неспешными «круговыми» мыслями он перешел вместе с Симой многополосную дорогу с талым снегом по бокам. Насладившись сигаретой, пока Сима прогревала движок, сел в ее «ровер», припаркованный у Петровки, 38.

Вскоре они уже неслись по ночной быстротечной Москве, через Третье кольцо, Лефортовский туннель, в сторону Волгоградки.

– Ты странный был...

– Просто вокруг было слишком много замечательных людей.

– Терпеть не могу экстравертов, – не совсем правильно поняла его Сима и добавила жизнеутверждающе: – Не всех, конечно. А что это за Пантагрюэль вокруг тебя крутился?

– Поликарпов. Костя Поликарпов. Человек с большой тенью и связями в мире чистогана. Мы когда-то вместе работали в магазине «Летний сад». Костя всегда был делягой и циником, торговал «списанными» из Ленинки плакатами советских авангардистов, ну а я ему помогал.

– И куда списывали? – Она поравнялась с мотоциклистом на красном свете, экстремал-всепогодник накрыл их высокооктановым рыком.

– Вестимо, за рубеж. Рублевка тогда ими не интересовалась.

– Полагаю, та была не единственная ваша совместная сделка?

– Были еще со старинными книгами и гравюрами... Он и сейчас хочет, чтобы я продал ему свои гравюры.

– Продашь?

– Да я привык как-то к ним. Они как домашние животные в доме, как мягкая подушка. Но в таких случаях Костя никогда не теряет терпения.

Берешковский ушел в себя, нырнул с головой в историю с шотландскими гравюрами по мотивам романов Вальтера Скотта. Он только устроился в отдел букинистики, когда, словно из свежевспаханного чернозема, пророс странный человек по имени Христофор. Человек положил на прилавок альбом со старинными гравюрами формата АЗ, сказал, что хотел бы продать их. Цену назначил сам. («Это вам не конвейер Дали, они все номерные».) Кажется, полтора миллиона старыми запросил, что в ходу были еще до 1998 года. Янек выписал Христофору накладную, записал телефон и обещал позвонить, как только купят товар.

– Да уж пожалуйста. – И будто разглядел в Янкеле какое-то легкое душевное увечье. – Скажите, вы верите в удачу? Правильно, верьте. Удача, несомненно, существует. вспомните мои слова, когда будете продавать альбом.

– И вам удачи, – вырвалось у Янека, стоило Христофору направиться к выходу.

Христофор заглядывал еще несколько раз, чтобы снизить цену. А после грянул кризис, и больше он уже не появлялся.

Гравюры долго лежали на прилавке рядом со старинными открытками и атласами, пока не зашел как-то Костя Поликарпов, к тому времени уже работавший самостоятельно. Костя предложил то, до чего Берешковский никогда бы сам не додумался, а именно: разбить альбом на равные части: «То, что не по зубам одному, потянут семеро». И нашел пятерых желающих приобрести гравюры по частям. Одним из них, кстати, был Леня Марчик. Еще две гравюры Янек оставил себе и отложил вырученные деньги для Христофора, надеясь, что он когда-нибудь объявится. Не могут же выросшие из-под земли люди с галстуком-бабочкой, мятыми манжетами, без запонок и с фамилией, похожей не то на Калладжи, не то на Галладжинян, пропасть навсегда.

– Ты веришь в удачу? – вдруг спросил Берешковский у Симы с долгой паузой между словами.

Она оторвалась от дороги, взглянула так, будто вера в удачу была запрещена таким людям, как они.

Дальше молчали. Просто мчались по той дороге, которую город посылал им. Магазин света, боулинг, заправка «ВР», рекламный щит, толкающий к трагедии извечного одиночества личности, замшевая чернота промелькнувшего парка, две, словно пришипленные, бомжеватые тени, бредущие в сторону несчастного случая, часы на фонарном столбе (минутная стрелка прыгнула к началу ночи)...

Добравшись до площади возле метро, где он бросил свою машину, некоторое время сидели в «ровере» и слушали шум автомобильной печки, точно музыку мира. Потом Янкель положил руку на Симино колено, как в театре несколькими часами ранее. Но тогда это было движением к будущему, а сейчас – к прошлому со сдвинутой оптикой.

Надо было прощаться. Легко и непринужденно. Однако не вышло. Не нашлись необходимые в таких случаях слова, помешал осторожный, в утешение души поцелуй. И, может, поэтому Сима не уехала сразу, ждала, когда Янек заведется и уедет первым.

Берешковский злился, шлепал по карманам в поисках ключей: автомобильный ключ с брелоком сигнализации всегда висел у него на связке вместе с ключами от дома (дурная привычка – объединять все со всем), но они странным образом исчезли. «Может, я выронил их, пересаживаясь из одной машины в другую?»

Помахал Симе. Она вышла из своего «ровера» без пальто, разморенная салонным теплом.

– Я чувствовала, что ты так просто не уедешь.

Они принялись искать ключи в ее машине. Сима даже достала фонарик из багажника.

– Ленька, попадая в такие истории, всегда читает семьдесят восьмой псалом. Псалом Асафа. Говорит, помогает.

– Есть еще одно средство, старинное: завязывают вокруг ножки стула носовой платок.

– Одно из двух должно помочь. Только где найти стул.

– В Куркино, у меня. Сейчас такое время, что все ключи уже давно в дверях.

И снова энциклопедия ночных дорог, и снова снег, такой же – на пару часов, чтоб жизнь легкой не казалась. Ложится на стекло неизбежностью свыше и мгновенно тает из-за разницы температур, подхватывается щетками, сползает в сторону, в студенистый угол стекла – кусочек материка, кусочек материи. Так вот и мир ткется из неустанных механических движений. Грязь. Под колесами, выше и еще выше... До бетонного разделителя, фонарных столбов и рекламных щитов, нависшего неба. Грязь, в точности такая, какой ее пишут на полотнах преданные столице художники-урбанисты, которые так не нравятся Тане-галерейщице. «Эти выжиматели эмоций сакрализуют московское болото, как спившийся перестроечный интеллигент талон на водку, – бухтит Таня-Танечка, когда трэшевые георгии нисские повергают ее в жесточайшее уныние. – Три месяца сомнительного лета не спасут художника. Весь год он мечтает о синей тени Сарьяна и красит нечто чавкающее родом с Таганской. Кому ж он, ёпрст, в Лондоне по душе придется? Лондону-то что до нашей удавки? Янек, бегите отсюда, на ландо, на бричке, как угодно, бегите по-бунински – навсегда и не прощая».

Сима щедро кропит стекло жидкостью с приятной отдушкой. Помимо основных функций, жидкость еще и закрепляет материи на стеклах авто. Мерцающий бисер огней. Мост. Асфальтовая лента, исчерченная стрелками, пунктирами, полосами, стелется над Москвой-рекой. Указатель на Царицыно. Сима уходит в левый ряд.

Берешковский заметил, что она клонит голову в ту сторону, в какую перестраивается. Это подмеченное им движение вызывает у него прилив теплоты, переходящий в грусть, свойственную немолодому мужчине.

– Переночуешь в комнате сестры, хорошо? – Скорость добавляет ей уверенности, это чувствуется по голосу.

– Интересно, куда ты сестру отправила, замуж что ли?

– Они с мамой в Израиле, приглядываются, хотят навсегда уехать... А ты? Ты не хочешь?

МКАД пуст, даже всегдашних фур не видать, Сима разогналась до ста тридцати, и он, почувствовав повышенную ответственность за нее, решил, что пока не будет отвлекать разговорами.

– Ева – юрист, по совместительству работает дорожным катком. Ева просто примерный адвокат. Дошла до точки и решила свинтить в Израиль. В Хайфу. Вообще, что там ее комсомольская честность и бескомпромиссность сгодятся.

– Расцвели бахайские сады, а я еще тут с вами? Как я понимаю, Ева не замужем?

– Была. За одноклассником. Несчастливая любовь, и все такое. Два года заливала огонь бензином.

Янкель проверяет карманы, достает тяжелую латунную зажигалку, сжимает в кулаке, словно прежде, чем закурить, должен сочинить оду кремню, фитилю и бензину.

– Я к дыму привыкшая, у нас все курят, и на работе, и дома, – разрешила табачную дилемму Симочка и добавила: – Кроме Шломо Занда и меня.

«Кто такой этот Занд? – Янек все-таки закурил и, когда приоткрывал стекло, вспомнил о своей машине. – Без ключа не получится ее открыть, надо ехать домой искать вторые ключи, но как попасть домой, если ключи от дома на той же связке... Придется разбивать стекло. Почему Сима сказала, что я буду спать в комнате сестры? Что хотела этим сказать?»

Начались новостройки. Янек и не заметил, как машина подкатила к шлагбауму. Сима мигнула фарами, коротко просигналила.

Охранник в будке медленно отвел взгляд от журнала, запоминая, на каком месте его прервали, прильнул к окну. Удостоверившись, что свои, поднял шлагбаум.

– Он и его напарник вечно путают меня с Евой.

– Так похожи?

– Путают, и все. Я и Ева – два разных человека. – Сима въехала на закрытую территорию.

Частные владения простирались до самого ельника вдалеке. Дорога вымощена плиткой. Двух- и трехэтажные домики разных цветов с фонариками, окна в частом фламандском переплете, козырьки над дверями, веранды, вспотевшие трубы, чугунные решетки... Немота и покой. Хочется позавидовать, но не знаешь, чему именно.

Странно, но Янек не боялся встретить здесь грубый прием: социальные язвы, казалось, остались за шлагбаумом. И потом, возникло чувство, что он сюда еще не раз приедет.

Сима отворила дверь так тихо, будто боялась, что сестра все узнает.

Она приоткрыла дверь на четверть, еще отмерила примерно столько же и осторожно заглянула внутрь.

И только он успел подумать: «Вот что значит иметь сестру-адвоката», как появился огромный размеров, растрепанный сном кот.

– Знакомься, это Шломо Занд. Шломик.

Кот смотрел на него с укоризной, хотя в глубине своей кошачьей души прекрасно понимал, что происходит всегда только то, что должно произойти.

– А это Ева, – Сима указала на фотографию, висевшую в коридоре. – Мы похожи?

– Немного.

Ева была женщиной лет сорока пяти, годы приглушили ее красоту, но не настолько, чтобы мужчины в силе и при деньгах не обращали бы на нее внимания. Она принадлежала к той породе ассимилированных еврейских дам, что всю жизнь гипнотизируют пространство впереди себя.

Ему показалось, Ева улыбнулась, приняла его в этом доме.

– Ну вот, кажется, и познакомились, – хмыкнула Симочка, когда он наконец отвел взгляд от фотографии, и провела Янека, потирающего руки, словно на улице стояли сибирские морозы, на кухню.

Сейчас, у себя дома, Сима выглядела совсем по-другому. От нее исходил слабый старомодный запах: смесь какого-то благородного, из прошлой жизни, табака и конфет, долго пролежавших в шкафу. Стало грустно и стыло на душе. И чтобы избежать этого душевного укачивания, Янек объединил в сознании находившуюся далеко Еву со стоявшей рядом Симой.

Шломо, однозначно принадлежавший к породе котов, успешно пользующихся беспроводной связью, по-хозяйски возлег на диване, заключив выгодную сделку с невидимыми покровами судьбы.

Берешковский сделал решительный шаг по направлению к Симе. Какое-то время они смотрели в глаза друг другу, а потом он, мысленно расставшись с последней своей партнершей – директором ювелирного магазина (поспешная связь трехмесячной давности), прижал Симочку к себе, уловил и собрал за ее маленьким ухом ту теплую волну, которую прежде не слышал.

– Сколько раз ты был женат, Янкель? – спросила его то ли Ева, то ли Сима.

В его положении следовало бы пренебречь честностью, но Берешковский, так и не научившийся лгать вообще и женщинам, в частности, нашел выход из положения.

– В судьбе случаются такие повороты, которые требуют особой подготовки и особого опыта. – Он вжал ее в себя так крепко, как мог.

Сима вскинулась:

– Я сейчас не могу, я не уверена... я должна, понимаешь...

Жизнь научила его в эти мгновения не понимать женщин, слышать только себя, с юности накаленного природой юга, чтобы потом не говорить: «Однако казусная история вышла. И что вы намерены делать, реб Янкель?»

Он поднял Симу на руки, но не знал, куда ему идти. Сима закусила губу, едва сдерживая смех. И тогда он решил пойти наугад. Она шептала ему на ухо: «Тепло», «Холодно», «Тепло». Берешковский наконец зашел в какую-то темную комнату с диваном, и Сима сказала: «Очень горячо».

В этой комнате у мебели было много углов. К тому же он чуть не опрокинул журнальный столик.

– Я так не могу, подожди...

Но он уже не слышал Симу.

Он бы не достиг всего так быстро, если бы ее тело не было согрето домом и каким-то природным душевным равновесием, сродни поднимающемуся дымку над крышей в предрассветном чистейшем воздухе...

Сима включила торшер, села, подобрав под себя ноги. Круглые колени, подгибный мешочек в пупырышках, тонкие щиколотки – все это было превосходнейшим приложением к печальному еврейскому лицу, аристократичным манерам и глуховатому голосу...

Зашел Шломик, запрыгнул к ней на колени и включил мантру.

– Янек, скажи честно, с ключами это ты ведь придумал?

– Конечно, – соврал он.

– Я так и думала... – Сима улыбнулась краешками губ и отпустила остатки напряжения.

И все было хорошо, как не бывает, пока он не увидел на стене шотландские гравюры Питера Буха, ту самую пару, которую продал Леониду. Как и когда они сюда попали?

– Что-нибудь случилось? – забеспокоилась Сима.

– Да, пару месяцев назад я встретил тебя на выставке Казакова.

Она прижалась к нему, как ребенок, и он подумал, что мужчинам его возраста с такими долго нельзя, они вряд ли окажутся приобретением, скорее – еще одной потерей.

– Янкель, в вашем положении я бы не стала так торопиться с выводами...

Он почувствовал, как тяжело дались ей эти слова, и, в очередной раз удивляясь женской интуиции, отругал себя за то, что мог так подумать.

– Откуда у тебя эти гравюры?

– Это не мои, это Евины. Ей подарил один человек.

– Я его знаю?

– Да. Все хорошо? – спросила она, как обычно спрашивают в американских боевиках.

– Даже лучше, чем ты думаешь.

Янкель представил себе, как Сима придет к нему, увидит те же шотландские холмы на гравюрах исчезнувшего Христофора, как он скажет ей: «Это чтобы ты чувствовала себя, как дома».

– Видишь, там на гравюрах холмы? Пустые, никого нет, только свет пробивается сквозь тучи, я бы хотел, чтобы мы их осваивали вместе.

Она улыбнулась, как улыбаются все женщины, когда понимают, что уже одержали победу.

В комнате стало тихо, и Янкелю казалось, он слышит, как гудит электричество в проводах.

ПАМЯТЬ

РУСЛАН СЕМЯШКИН

Симферополь

ТВОРЕЦ С ЧАРУЮЩИМ ГОЛОСОМ

Рашид Бейбутов, 105-летний юбилей со дня рождения которого пришелся на декабрьские дни прошлого, такого же непростого, как и нынешний, ковидного 2020 года, обладал тенором красивого тембра, звучавшим мягко, как-то по-особому переливчато. Свойственна ему была и виртуозность, и искренняя передача чувств, и задушевность вкупе с сердечностью. Песни, рассматриваемые артистом в качестве маленьких сценок с несложным, но целенаправленным сюжетом, в его исполнении неизменно звучали свежо, ярко и приподнято. Умел он и талантливо овладевать вниманием слушателей, заряжая их своей энергетикой и настроениям, с которыми и обращался непосредственно к ним со сцены и не отделяя себя от тех, кому он адресовал свои песни, не забывая при этом и импровизировать. А импровизатором, умевшим всецело вживаться в сценический образ, что и говорить, был он действительно неповторимым, самобытным, не похожим на других.

Творец – вот то, предельно точное определение, которое характеризовало Бейбутова, как многогранного, работавшего в разных вокальных жанрах исполнителя. И не было в этой связи для него каких-либо ограничительных рамок. Не являлся для Бейбутова чем-то абсолютно неприкосновенным и нотный текст. Не считал он невозможным неожиданно начать песню и с народной азербайджанской мугамной импровизации и не чурался вокальных вкраплений в высоком регистре. Так и старался певец на протяжении не одного десятилетия всем своим творчеством делать всё для того, чтобы радовать и удивлять своих благодарных слушателей. А исполнять песенное произведение, между прочим, дело нелегкое, требующее высокого мастерства, тонкого художественного вкуса, любовного отношения. Мало того! Следовало певцу-песеннику обладать и выраженной способностью рассказчика-агитатора, способствующего возникновению быстрого контакта исполнителя с аудиторией, желавшей слышать новое, интересное, захватывающее, волнующее, все то, что и должно становится источником музыкально-эстетического наслаждения. И надо признать – азербайджанский соловей справлялся с этой задачей блестяще. Концерты его проходили с громадным успехом, слушатели испытывали исключительную радость, не всегда поддававшуюся четкому и стройному объяснению. Какое-то неопишуемое волшебство дарил Бейбутов зрителю. Волшебство это до сих пор для многих поклонников таланта певца остается большой и неразгаданной загадкой.

Сын своего древнего народа, с детства музыкально одаренный Бейбутов пел песни более чем на сорока языках народов мира. Особенно удачно, готовясь к этому заранее, исполнял он песни тех стран, в которых выступал, собирая там огромные аудитории, воспринимавшие его выступления всегда восторженно. Но оставался он при этом все же исключительно национальным певцом, так как Советскому Азербайджану служил самозабвенно, неистово, делая все возможное для развития искусства и культуры своей цветущей республики, выдвигая на широкое обозрение все ее музыкальное богатство. Сам же песенный репертуар Бейбутова был необычайно обширен. В нем присутствовала и мировая классика, и оперные арии, и сочинения азербайджанских композиторов, таких как Уз.Гаджибеков, М.Магомаев, Т.Кулиев, Ф.Амиров, Р.Гаджиев, С.Рустамов, К.Караев, А.Бабаев, А.Алескеров, В.Адигезалов и др., и песни советских композиторов, и народные произведения, и романсы.

При этом он никогда не отказывался и от чего-то нового, не совсем ему свойственного. Однако же и черту дозволенности Бейбутов никогда не переходил – приторная слащавость, подчеркнутая манерность, салонная меланхолия, излишняя неестественная сентиментальность были чужды певцу. В песне он старался рассмотреть в первую очередь художественную ее ценность, сам текст, его значение и поэтичность, лиричность и сообразность времени. Но при этом с его подачи песни, а среди них и такие, ставшие на долгие годы всенародно известными, как «Любимые глаза», «Я встретил девушку», «Колыбельная», «Русский снег» А.Бабаева, «Азербайджан эллэри» Ф.Амирова, «Азербайджан», «Песня нефтяника», «Зулейха-ханум», «Бахтавар олдум», «Кавказская застольная», «Зачем разлучаться» Т.Кулиева, «Марш бакинских нефтяников» К.Караева, «Мальчик из Карабаха» В.Долидзе, «Джан, Москва» С.Джербашяна, «Песня первой любви» А.Бабаджаняна, «Сурейя», «Алагёз», «Баку» С.Рустамова, «Весна идет», «Севгилим» Р.Гаджиева, «Я люблю тебя, жизнь» Э.Колмановского, быстро находили отклик у слушателей, искренне любивших пение Бейбутова за широту размаха, мастерство, душевность и особую, ни с чем не сравнимую эмоциональность, одновременно сдержанную, красочную и приподнятую.

Где только не приходилось выступать Рашиду Бейбутову. География его выступлений, особенно во времена расцвета творческой деятельности, пришедшейся на 50 – 80-е годы прошлого столетия, была столь обширна, что если посмотреть на карты СССР и мира, то они обязательно покрываются множеством извилин, пересекающихся линий, по которым и проходили творческие пути великого певца. Пожалуй, не существовало таких точек притяжения в Советском Союзе, где бы его не ждали. Закавказье, Москва, Ленинград, центральная полоса России, Кубань, Поволжье, Урал, Кузбасс, Алтай, Сибирь, Средняя Азия, Прибалтика, Молдавия, Украина, Беларусь, Дальний Восток – вот лишь беглое обозначение тех региональных центров, где проходили его концерты. И давал он их не только в профессиональных сценических залах, но и на заводских, фабричных сценах, в цехах, на производственных площадках, в полях, на колхозных станах, в горных эйлагах, степях и виноградниках родного Азербайджана, в соляных копиях Нахчывана, на песчаных берегах Каспия и прославленных Нефтяных Камнях, в промышленных районах Дашкесана, на стадионах, в сельских домах культуры, на площадях, станциях, в различных учреждениях, в военных частях, на судах военного и гражданского флота. Он пел буквально везде. Ничто не могло его остановить, если перед ним собирались люди, с нетерпением ожидавшие его выступления. Пел вживую, самозабвенно, полностью отдаваясь исполняемой песне).

Бейбутов, родившийся в Тифлисе, состоявшийся первоначально как солист грузинского эстрадного ансамбля и ряда творческих музыкальных коллективов Еревана, успевший до войны непродолжительное время поработать хористом Армянского Государственного театра оперы и балета им. А.Спендиарова, а с 1946 года – солистом Азербайджанской Государственной филармонии им. М. Магомаева, искренне гордился Советским строем, большой огромной Родиной. В нем видел он живительные силы, объединявшие многонациональный советский народ. В нем находил он и постоянное вдохновение, без которого не мог жить полноценной жизнью творца и созидателя.

Примечательно и то, что Бейбутов, находясь под впечатлением от многочисленных поездок, встреч, бесед с тружениками различных отраслей, не имея при этом фактически свободного времени, не раз выступал и на страницах периодической печати, прекрасно понимая то, что как гражданин своей Страны Советов, представляющий ее искусство за рубежом, не должен оставаться в стороне и отмалчиваться. Приведу на сей счет его мысли, с которыми он обращался к землякам в октябре 1952 года со страниц газеты «Бакинский рабочий», после того, как вернулся из своей первой гастрольной поездки по территории Индии: «Я ездил по городам и селам Азербайджана, только что вернувшись из чужих, дальних земель, под свежим

впечатлением той беспросветной нужды, гнета, лишений народа, которые пришлось наблюдать за советскими рубежами, особенно в Индии. Тем ярче и величественнее предстал перед глазами наш советский мир, в его стремительном, буйном росте. Тем шире раскрывалось изумительное наше строительство, невиданное нигде преобразование природы, отдающей свои богатства человеку-труженику, рост культуры и, прежде всего, сам наш человек – свободный, творящий всемирно-исторические дела. И теперь, после виденного, многое в своем репертуаре я не могу петь по-старому, а должен исполнять иначе – глубже и сильнее». Это напоминание о том, что Бейбутов был сыном своего времени и не стоит в сем факте искать какого-либо политического подвоха. Другой жизни у него не было. И страны иной он не искал. Посему, кто бы и как не относился к советскому времени, а не признавать того, что Бейбутов был советским творцом, наверное, просто не разумно.

Говоря же о многочисленных зарубежных гастролях Бейбутова, вызывавших одобрение и любовь публики, следует отметить, что известнейший азербайджанский вокалист был в числе тех советских признанных исполнителей, которых и посылала страна на важнейшие культурные мероприятия мирового уровня, форумы, фестивали, слеты, конференции, конгрессы, выставки и концерты, тем самым пропагандируя лучшие свои творческие силы. Италия, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Бельгия, Финляндия, Турция, Иран, Ирак, Иордания, Индия, Китай, Египет, Эфиопия, Ливия, Судан, страны Латинской Америки – и везде овации, слава, признание, восторженные отзывы в прессе, приемы в государственных институциях, посольствах, обществах дружбы с СССР.

А начинал свои триумфальные зарубежные выступления Бейбутов в качестве посланника азербайджанской молодежи на II Всемирном фестивале молодежи и студентов в августе 1949 году в Будапеште. За прекрасное исполнение национальных произведений, полюбившихся участникам фестиваля, Рашиду Бейбутову присваивают звание лауреата международного конкурса. Высокая награда делает певца знаменитым. О нем и его творчестве начинают все чаще говорить не только на просторах Азербайджанской ССР, но и в других регионах страны.

Практически о каждой зарубежной поездке певца есть что рассказать, так как все они по-своему, выделяя некоторые особенности, красноречиво подчеркивали те колоссальные творческие возможности, которыми обладал Рашид Меджидович. Особо при этом следует выделить его выступления в Турции, Иране, Эфиопии, ну и, конечно же, в Индии.

Весной 1961 года Бейбутов, можно без преувеличения сказать, покорил турецкого слушателя. Первый его концерт тогда состоялся в Анкаре, в одном из крупнейших кинотеатров города «Ренглисинама».

«Это был триумф азербайджанской песни, – вспоминал позже певец. – Она нашла ключ к сердцу каждого, кто сидел в этот вечер в зале. Песня не нуждалась в переводе. Азербайджанский язык был понятен слушателям». Да и публика знала репертуар советского исполнителя по радиоконцертам с Азербайджана, передававшимся на ее территорию и потому бурными аплодисментами просила повторить полюбившиеся песни. Исполнил он на памятном том концерте и турецкие песни. Затем выступал он и в Стамбуле. Приятным же сюрпризом для турецких слушателей явилась сочиненная Бейбутовым на слова З. Джаббарзаде песня «Баку – Стамбул – Анкара», ставшая своеобразным дружеским приветом турецкому народу.

Не менее тепло встречали Рашида Бейбутова и в соседнем Иране, имеющем, как известно, большую азербайджанскую диаспору. В конце того же памятного для артиста 1961 года в Тегеране через центральные улицы города были перекинуты транспаранты, сообщавшие о «концерте любимого певца Советского Азербайджана Рашида Бейбутова», проезд которого воспринимался не иначе как «символическое проявление улучшения отношений с СССР». И даже сама фамилия певца (в переводе

на персидский язык это слово означает «улучшение») воспринималась как добрый, располагающий к более тесному диалогу знак. Иранцы справедливо назовут в те дни артиста «полпредом советского искусства». А выступления его станут столь успешными, что вместо запланированных четырех концертов в Тегеране, он даст еще двадцать четыре концерта не только в столице, но и в Абадане, Ширазе, Исфахане.

Сильнейшее впечатление произведет Бейбутов и на слушателей в Эфиопии. Один из концертов, а было это в 1959 году, он даст в Национальном театре Аддис-Абебы. Среди почетных гостей на нем будет присутствовать император Хайле Селассие I в сопровождении членов правительства. Монарх придет в неописуемый восторг от исполненной певцом на амхарском языке народной песни «Алмаз» и в знак признательности поручит вручить советскому артисту памятную золотую медаль и национальные музыкальные инструменты.

Неоднократно принимали Бейбутова и в Индии. В этой стране он имел грандиозный успех. Впервые он побывал в ней в составе советской делегации, возглавляемой выдающимся советским поэтом и общественным деятелем Н. Тихоновым весной 1952 года. Тогда целью поездки советских полпредов стало участие в учредительном конгрессе Индо-советского общества культурных связей. Бейбутова принимали, как и в последующие его приезды, «на ура». Однажды случился даже такой курьезный случай, когда поезд, направлявшийся с советскими артистами на концерты в Хайдарабад, был остановлен на одной из станций местными жителями. Они шумели и вскоре отчетливо послышалось: «Ра-шид Бей-бу-тов». Оказалось, что жители окрестных деревень непременно пожелали услышать советского певца, о котором по стране разносилась слава. Бейбутову ничего не оставалось другого, как, стоя на ступеньках вагона, начать исполнение азербайджанских и индийских песен... Особо же в Индии, где певец приобрел немало друзей, среди которых были и такие всемирно известные индийские актеры, как Радж Капур и Наргис, пользовалась популярностью исполненная им песня индийского композитора Р. Шанкара «Из всех стран самая лучшая моя Индия». Эту песню Рашид Меджидович пел и на советских просторах.

Показательными можно назвать и египетские гастроли певца. Всеобщие симпатии при открытии весной 1964 года Асуанской плотины на правом берегу Нила в Египте завоевал именно народный артист Советского Союза Бейбутов, хотя среди тех исполнителей, кто выступал тогда с ним вместе перед участниками исторического события были и такие авторитетные и признанные мастера, как народные артисты СССР Г. Отс и Д. Гнатюк. О том выступлении писали по свежим впечатлениям в журнале «Музыкальная жизнь» солисты балета Большого театра СССР Е. Максимова и В. Васильев: «Исполнение Рашидом Бейбутовым азербайджанских народных песен, по самой своей природе близких египетским слушателям, неизменно вызывало реакцию особого одобрения. А когда он исполнял сочиненную им песню в честь знаменательных событий, свидетелями которых мы были, публика пришла в восторг. Рефрен «Асуан, Асуан» мгновенно дошел до зала без перевода. Да и как могло быть иначе?! Ни одно слово в те дни не произносилось так часто, как это...»

Но как бы ни были прекрасны его зарубежные впечатления, певца всегда тянуло на Родину, в родной Баку, а также в Москву, которую он очень любил и покорила своим пением еще в далеком 1948 году, – в год празднования 800-летия столицы. С тех пор, в Москве, Ленинграде, да и по всей необъятной России Бейбутова встречали тепло. Его любили. Он пел на самых больших сценах и правительственных концертах и в то же время там, куда его приглашали, независимо от того, какие могли ему создать при этом условия. Главное – люди, их теплый взгляд, заинтересованность, хорошее настроение. А уж песня, она не подведет... она всегда найдет своего благодарного слушателя.

Как же сформировался Бейбутов в певца первой величины, вправе спросить читатель. Наверное, так распорядилась судьба. Рашиду повезло родиться в удивитель-

тельной семье, музыкальной, творческой, интеллигентной, давшей ему хорошее воспитание и привившей неподдельную любовь к музыке. Отец будущего певца Меджид Бехбудалы оглу Бейбутов, уроженец города Шуша, расположенного на земле Нагорного Карабаха, был знаменитым певцом-ханенде и блестящим исполнителем азербайджанских мугамов – изумительных образцов народного музыкального творчества. Мать Рашида – Фируза Аббас Кули гызы Векилова, уроженка города Газах на западе Азербайджана, получила прекрасное образование и до конца своих дней преподавала русский язык в азербайджанских школах Тбилиси, а также занималась активной общественно-просветительской работой. Талантливыми оказались и старшая сестра Рашида – Наджиба, ставшая артисткой музыкальной комедии, и брат Энвер, успешный актер, удостоенный звания заслуженного артиста РСФСР. Такая среда, вне всякого сомнения, не могла не повлиять на него. Вокальные данные в нем замечены были рано. Буквально после окончания школы он начинает свои дебютные выступления в тбилисском парке «Муштаид», где впервые поет азербайджанские песни под аккомпанемент инструментального ансамбля. Убедившись, что железнодорожником ему не быть, а после школы он пошел учиться именно по этой специальности, молодой и увлеченный Бейбутов и встанет на путь профессионального исполнителя.

Через многие испытания ему придется пройти. Не один сменить коллектив, прежде чем окончательно определиться с будущей деятельностью, которую он видел исключительно на сцене. И Бейбутов, благодаря упорству и настойчивости достигнет поставленной перед собой цели – он станет певцом, и певцом выдающимся!

В годы войны молодой Бейбутов в составе государственного джазового оркестра Армянской ССР давал концерты в воинских частях. Так, в разгар боев за Керчь, в мае 1942 года он командирован на Крымский фронт. За короткое время здесь для закавказских дивизий было дано свыше двадцати концертов, устраивавшихся под открытым небом в солдатских окопах, в наскоро устроенных землянках и походных госпиталях-бараках. Красноармейцам полюбили исполняемая им песня «Крымская боевая». Под обстрелами врага будет исполнять эту и другие песни Бейбутов. Те военные выступления он не раз будет вспоминать и в зрелые годы.

В победном 1945 году случится в его жизни знаковое событие, сделавшее тридцатилетнего исполнителя по-настоящему знаменитым. На экраны выйдет знаменитая комедия Уз. Гаджибекова «Аршин мал алан», в которой он сыграет главную роль купца Аскера. За эту роль Бейбутов удостоится Сталинской премии второй степени.

Вообще же надо сказать, что Рашид Меджидович не был обделен государственным вниманием и признанием. Помимо высокого звания народного артиста СССР, которое ему было присвоено в 1959 году после проведения блистательной декады азербайджанского искусства в Москве, он был также удостоен званий – народного артиста Азербайджанской ССР, народного артиста Дагестанской АССР, заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР; дважды Родина награждала певца орденом Ленина. Был он кавалером орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, лауреатом Государственной премии Азербайджанской ССР. В 1980 году он отмечается и самой высокой трудовой наградой Союза ССР – званием Героя Социалистического Труда. При этом регалиями своими он не кичился. Скромный, воспитанный, отзывчивый и доброжелательный, Бейбутов не считал возможным уделять своей персоне чрезмерное внимание. Да и ни к чему оно ему было – в Советском Союзе его знали и любили прежде всего как удивительного певца с потрясающими вокальными данными по фамилии – Бейбутов. А этого и ему, и его многомиллионной аудитории было вполне достаточно.

Отдаваясь всецело любимому делу, успевая выступать по всей стране, снявшись в ряде кинофильмов, где он, естественно, не только играл, но и пел, выступая и как оперный исполнитель (наибольшим успехом пользовалось его исполнение партии Балаша в опере «Севиль» Ф. Амирова), создав к тому же в 1957 году и собст-

венный замечательный коллектив – Азербайджанский государственный концертный ансамбль, а в 1966 году еще и Азербайджанский театр песни, носящий в настоящее время его имя, Рашид Меджидович умудрялся заниматься и общественной деятельностью. Помимо участия в работе творческих музыкальных и композиторских советских организаций, где он пользовался заслуженным авторитетом и отмечался за работу многолетним председателем Союза композиторов СССР Т. Хренниковым, любившим творчество певца, Бейбутов долгие годы посвятил и депутатской деятельности, осуществлявшейся, как и было принято в социалистическом государстве, на общественных началах.

Впервые депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР жители Загатальского района республики изберут Бейбутова в 1955 году. С тех пор в высший представительный орган Советского Азербайджана он будет избираться на протяжении четырех созывов. Пять раз трудящиеся республики доверяют представлять свои интересы Бейбутову и в Верховном Совете СССР, где он неизменно работал в Совете Национальностей. Депутатская деятельность занимала много времени. Приходилось вникать в проблемные вопросы, встречаться с руководителями, не всегда толковыми и отвечающими высоким требованиям, где-то подправлять, подсказывать, решать конкретные, животрепещущие вопросы, отвечать на указы своих избирателей, писать письма, запросы, обращения. Рутинная, не свойственная, наверное, человеку творческому, живущему искусством. Но Бейбутов имел иное мнение, так как понимал, что его персональный авторитет должен служить народным интересам и находиться в стороне от происходящего в обществе не стоит. Жить следует насыщенно, ставя перед собой большие и благородные цели. Цельность эту, помноженную на чрезвычайно активную работоспособность, он сохранит до конца своих дней.

Став непревзойденным мастером сцены, добившись небывалых высот, покорив советского и зарубежного слушателя своим задушевым и лиричным пением, пронеся через всю жизнь светлый запал верности социалистической родине, Бейбутов не застал, что, может, и к лучшему, самого страшного, непоправимого, разрушительного, хотя незадолго перед смертью певца и начиналась уже карабахская драма...

Ушел же он из жизни, о чем, кстати, не раз писали некоторые беспристрастные исследователи, при нескольких не вполне понятных обстоятельствах, в июне 1989 года, когда был госпитализирован в Кремлевскую больницу. Что с ним там произошло, неизвестно и ныне...

С тех пор прошло более трех десятков лет. Подлинная культура подверглась и продолжает подвергаться нападкам со стороны откровенной пошлости, примитивизма, низкокачественного и бездуховного ширпотреба. Но культура советская, тем не менее, не ушла безвозвратно. Никуда не ушел от нас и Рашид Бейбутов. Он не забыт в народе. По-прежнему, пускай и не часто, звучит его чарующий голос. К счастью, сохранились записи его выступлений, иногда их показывают по телевидению. Свободно можно их найти и в сети интернета.

Отрадно и то, что певца продолжают чтить в Азербайджане. Он для своей страны остается непревзойденным моральным авторитетом. Его именем названа улица в Баку, на доме, где он жил, установлена мемориальная доска. В 2016 году перед зданием Государственного театра песни, любимого детища Бейбутова, великому певцу установили памятник, автором скульптуры которого стал народный художник Азербайджана Ф. Салаев. Прекрасный памятник певцу установлен и на его могиле, расположенной в самом центре Аллеи почетного захоронения в Баку, принявшей под сводами самых лучших сыновей и дочерей Азербайджана.

Помнят Рашида Бейбутова и в нашей стране. И я уверен, что добрая память о великом певце не покинет нас и впредь.

ПАМЯТЬ

ЭКРАМ МЕЛИКОВ

1946-2016

ОБНЯТЬ ВЕЧНОСТЬ

В этом году исполнилось бы 75 лет Экраму Меликову, поэту, чье творчество составляет неотъемлемую часть пестрой литературной жизни на переломе эпох и в первые десятилетия нового века. Одна из самых заметных фигур в бакинском поэтическом сообществе тех лет, многолетний автор нашего журнала, поэтический бунтарь, мысливший поистине космическими категориями, он сводил счеты не только с социумом и временем, но и – ни много ни мало – с самим Всевышним...

Мастер яркой и неожиданной метафоры: «Утки тонут в лесных озерах, / Как пылающие танкера...», «Словно планки татарской гармонии, / Дышат лестницы старой ступени...», «Солнце чистит щеткой золотой / Корабли, как узкие ботинки...», «Длинный ряд обнаженных деревьев / На сырой киноплёнке реки...», «Дымок врезается, как штопор, / В небес прозрачную бутьль...» – вот только несколько примеров, навскидку взятых из его поэтических текстов.

Автор пяти поэтических сборников (первый из которых «Неуслышанный крик» вышел в Санкт-Петербурге в 1998-м), «в миру» он многие годы был научным сотрудником Музея истории Азербайджана, пытаясь, подобно другим своим собратьям по поэтическому цеху, не только удержаться на плаву в бурном житейском море, но и уберечь от свирепых ветров времени свой творческий огонь.

Его яркая поэтическая харизма, острые, подчас парадоксальные суждения влекли к себе начинающих поэтов, для которых общение с поэтом становилось ценным опытом – их «гуру» не только выправлял не слишком умелые строки, но и будоражил мысль, щедро делился поэтической эрудицией... В 2012 году в число участников Первого конкурса молодых поэтов Южного Кавказа, проходившего в столице Грузии, вошла дочь Экрама муаллима, Ясмине Меликова. Будучи по основной профессии турецким филологом, автором литературоведческих статей, рассказов и сценариев, она, как говорится, по определению не могла пройти «мимо» поэзии. Сосуществовать в творчестве и в жизни бок о бок с такой яркой и сложной личностью – очень нелегко, хотя бы потому, что невозможно не поддаться его «притяжению», вольно или невольно не начать имитировать стиль, перенимать систему образов. Тем не менее, Ясмине в свое время удалось найти свою лирическую интонацию, смягченную женским взглядом на мир, сохранив при этом образность мышления, унаследованную от отца: «Трава на небо смотрит / Зрачками васильков», «Мои стихи птенцами желторотыми / Из сердца падают, как из гнезда», «Как будто Бог кувалдой / Грохочет в облаках» (о грозе)... «Но в конце, обделенный Судьбою, / Я замечу ей свысока: / – Мне не жалко прощаться с тобою!.. / Жалко – губы, закаты, стога...»

Хочется надеяться, что поэт, наконец-то, получил ответы на все жгучие вопросы, так мучившие его при жизни, и обрел покой в объятиях Вечности...

У поблекших кустов

**Осень горчит, как хинин.
Деревья в аллеях мокрые,
И волосы пляшут у них
Красными осьминогами.**

**Ясно. Холодногато.
Бей, заря, наподобье клинка!..
Словно кровью намокшая вата,
На груди у небес облака.**

Вечность

Что для меня Господь – не ведаю.
Не знаю даже, есть ли Он.
Пред кем я сердце исповедаю,
Раскрыв его, как медальон.

Грехов в нем –
что там миллион!..
Но на судьбу свою не сетую.
И светом горним опален,
Я, смертный, с Вечностью беседую.

Шепчу о том, кричу о сём...
И в озареньях, невесом,
Прислушиваюсь. Снова, снова...
В ответ – ни слова...

Туннель

Спеша и зарываясь,
не видя четко цель,
Мы шумно в жизнь врывались,
как поезда в туннель.

Зато и честь какая:
в горячечном поту
Помчаться, чертыхаясь,
сквозь мрак и пустоту.

Как в сказке про Емелю,
чудес у нас не счесть.
Пусть нет конца туннелю –
мы будем думать: есть!

Пока вы спите, сони (вы сони еще те!..
Мы яростно несемся
в крошечной темноте.

И в ней ошеломленно,
все громче с каждым днем
Грохочут эшелоны, гружённые теплом.

Нас скука не зарежет.
«Прорвемся!» – вот девиз.
И свет вдали забрезжит, и оборвется жизнь.

И мир неугомонный нас примет, как гостей –
Мы привели вагоны счастливых новостей.

Неважно, в самом деле, насколько мы правы.
Мы, главное, – посмели!..
Посмеете ли вы?..

Человек

С себя материков сорвав отрепья,
Ты звездный остов ощущаешь лбом.
Блестят меридианы, словно цепи
На оголенном торсе голубом.

Исчезли лицедеи и тираны,
И некому учиться и учить.
Вулканов затянувшиеся раны
Готовы вскрыться и кровоточить.

И никогда уже не будет хуже.
Что может хуже быть судьбы такой?
Пусть кружится душа –
круги все уже –
Запущена нетвердою рукой.

Но знаю я – коленопреклоненной
Тебе не жить...
Ты вся дрожишь, как лань.
И что нам равнодушие Вселенной
И чья-то там карающая длань!

Каменная стена

И хочется, и колется!.. Под звездною порошей
Блестит листочек голенький
на веточке продрогшей.

Хожу я, озираясь вдоль каменной стены.
Ночь, словно надзирательница,
следит в глазок луны.

И хочется, и колется!..
Но Каспий, выгнав сон,
Зелеными осколками взрезает мне лицо.

Эй, белые деревья, звенящий звездопад:
Что я такого сделал?
И в чем я виноват?..

Брызги жизни

Беспокойно небес шелестела газета.
В мире ало и сыро,
как в отделе мясном.
В церкви свечи горели, но не было света,
Из резного окошка пахло ночью и сном.

Стал ломиться в храмину –
меня не пустили.

И уставши стучаться, и плюнув на двери затем,
Я пошел по пескам
бесконечной духовной пустыни,
Непонятно куда и не зная зачем.

Ужас стягивал веру мою все сильнее и туже.
А пустыня меняла свой цвет –
я заметил в тоске,
Как из губ моих вырвались красные брызги, и тут же
Превратились в слова,
что кипели на желтом песке...

Выдох

Уже закат, ссутулившись,
Померкнул в листьях заживо.
Пойду по тихим улицам
Сквозь сумерки озябшие.

Где рваные талоны
Мёл ветер по земле,
И мокрыми ладонями
Одежду пачкал мне.

На сердце этом лапы – чьи?..
Не отвечали. Мялись.
В домах сияли лампочки,
Плясали и смеялись.

О чем молва галдела?
Не знаю. В звездной стыни
Одна луна глядела
В мои зрачки пустые.

В холодный холм оденусь,
И душу – прочь! За шиворот.
Ей очень жить хотелось,
Но нам не разрешили...

Поток ненавязчивых слов
Спокойно течет по бумаге.
Как много трусливых ослов
Моей удивятся отваге.

Да только не верится мне,
Что будет когда-нибудь это.
Ни в близкой,
ни в дальней стране
Никто не обнимет поэта.

ИГОРЬ РЕВВА

Поводок

Сказка дедушки Куина

Вы вот мне всё: «дедушка», «дедушка». А ведь дедушки – они тоже разные бывают. На одного нахвалиться не можешь, а иного и в глаза б не видел. Особенно если дед этот из Пустынной Долины в Сиузских горах. Про Пустынную Долину-то вы все, думаю, слышали. Как это – нет?! Ну, я вам тогда и о ней тоже как-нибудь расскажу, потому что долина та интересная и вполне заслуживает отдельной истории. Но сейчас, чтобы не отвлекаться, вы просто запомните, что есть такая в Сиузских горах. И даже что-то вроде дороги туда ведёт; хотя, какая там дорога – недоразумение одно. Это вот если от Касиора прямо на восток идти, то сразу за городской окраиной увидите вы Гиблую Канаву. Она и правда на канаву похожа или, скажем, на русло высохшего ручья. Но это просто так кажется, а на самом деле никакая это не канавка – самая настоящая дорога. В дождь, конечно, она и правда немало воды собирает, не хуже любой канавы. И даже не воды, а грязи, сора и дрязга всякого; так что название «гиблая» к ней в ту пору очень даже подходит.

Но «гиблость» этого места вовсе не в том, сколько там дряни скапливается, а в том, что ведёт эта канавка-дорога на восток, прямо к Сиузским горам. И протоптали её те, кто в горы ушёл, а их – ох, как много было! И все – только в одну сторону, обратно оттуда никто ещё не воротился. Кроме одного старика, о котором я сейчас расскажу и которого вам лучше бы никогда не повстречать.

Топтать Гиблую Канаву начали в те времена, когда на острове Талод ещё пылал Неугасимый Маяк. Колдунам тогда приходилось тяжело, да и вообще силами Ордена Следящих магия в Межгорье напрочь изведена была. Крохи только какие-то остались, хотя и были те крохи самыми крепкими, самыми неистребимыми.

Все знали не только что Неугасимый Маяк – дело рук бессмертного бога и подружки его, ведьмы с Риифорских болот, но и что всесильная парочка эта обитала в южной части Сиузских гор, недалеко от места, где скалы выходят к самому морю. Вроде бы там есть пещера, в которой они и жили. А уж про чудеса, какими та пещера прям битком набита, такого порою рассказывают, что только слушать да удивляться.

Врут, конечно. Откуда бы им это всё знать, если обратно никто не вернулся? Ну, кроме того самого старика... Не знаю уж, как ему удалось Пустынную Долину пройти, да ещё дважды – туда и обратно...

Короче говоря, сказки о пещере бессмертного ни для кого секретом не были. И всегда находились отчаянные головы, которым недоставало ума махнуть на эти истории рукой. Да и то сказать: когда в человеке искорка магическая тлеет, то тут хоть Маяк, хоть Орден, хоть бей-жги-казни его – ничто не поможет. Это ведь как любовь... да это и есть любовь-то, если подумать! Только не к девушке-красавице, а к магическим тайнам, к ворожке. И, не умея противиться этой своей любви, многие отправлялись искать пещеру. Но никто так и не отыскал, потому что пересечь Пустынную Долину невозможно. И все о том знали. Но продолжали идти – любовь!..

Объявились в Касиоре у нас как-то двое незнакомцев, судя по одежде и выговору, либо из Лиета, либо из самого Андиоара. Из вещей с собой – один мешок. Одеты кое-как. А вот кони у них были хорошие; многие, кто их видел, сразу подумали, что краденые. А уж когда приезжие начали коней на продажу предлагать, да за цену, менее чем смешную, тут уж и полные дураки смекнули, что это за лошади-то. Хотя

сами приезжие на конокрадов похожи были не очень, а если по речам судить, то и вовсе за учёных можно было их принять или за студентов каких.

Короче говоря, продали они коней какому-то пастуху из Акары. И хорошо, что из Акары, потому что тот живенько так засобирился и уехал домой вместе с лошадками своими сомнительными. Уехал и не узнал, что эти двое принялись по кабакам осторожные такие вопросы задавать насчёт проводника. А проводник-то им нужен был в Сиузские горы. То есть просто отправиться туда хоть по той же Гиблой Канаве студенты эти не желали; подавай им, значит, проводника. И уже не таились они даже особо-то; то ли по дури своей, то ли от волнения сильного, а порой и долетал от их стола разговор о колдовстве, о волшебниках и заклинаниях.

Ну, время тогда было, я вам уже объяснил, какое. И за подобные разговорчики Орден Следящих запросто мог язык отрезать тому, кто болтал, и уши – тому, кто их на эту болтовню развешивал. И, понятное дело, стоило им только в кабаке каком рот раскрыть, как заведение мигом пустело. Трактирщики, кстати, недовольны были этим очень; сами даже хотели обоих тех путешественников где-нибудь повесить потихонечку. Но не успели – встретился студентам-колдунам старик из Кагоара.

Основным занятием того старика было шляться по кабакам да за кружку вина поддакивать разным рассказчикам. А когда поддакивать было некому, то он и сам принимался небылицы плести, немилосердно смешивая и перевирая всё, когда-либо услышанное. А то ещё начинал о себе сочинять разное: то, что родом он из Хадра и был там лучшим кузнецом; то вдруг делался он лесничим из Сорота, и вроде бы там дождалась его молодая жена-красавица; а то уверял, что родился в самом Лаоэрте, и что там до сих пор ждут его старенькие родители. Одним словом, всякий раз что-то новое врал.

Но чаще всего эти его сказки крутились вокруг хворенького внука-сироты, что обитался в кагоарском порту с какой-то то ли нянькой, то ли дальней родственницей. Поэтому, видать, все и считали, что дедок на самом деле из Кагоара. Но точно всё равно никто не знал: у старика-то не спросишь, враз с три пригоршни наврёт. Да и голова у него уже, видать, плохо соображала, он и слова порою часто перевирав и путал. Вот, к примеру, как узнал он, что приезжие колдуны проводника разыскивают, так сразу же и объявил себя бывалым следопытом и опытным проводником, привычно переврав малознакомые ему понятия. Я, говорит, и есть самый опытный в округе слеподык и поводок...

Ну, что тут ещё сказать-то? Одно слово – дурак старый... поводок он, видишь ли...

Местные знали, что умишко у деда слабоват, а приезжие – ну, кто им скажет-то? Хотя кое-какие сомнения у них всё же зародились – это когда они уточнили, что им не просто в Сиузские горы надо, а именно в Пустынную Долину; на что старик ответил, что он там прям аж вот родился, прожил всю жизнь, и что там-то его и дожидается хворенький внучок-сиротка.

Надо уточнить, что сомнения те у приезжих недолго в голове сидели, и с поводком-проводником своим они живенько договорились. Оно и понятно: дурак дурака видит издалека. Рассказывают ещё, что дедок запросил с гостей в виде платы сущую мелочь – монетку серебряную. То есть в обрез на большой кувшин вина хватило бы. Приезжие, понятное дело, за язык его – цап! Вот, мол, тебе денежка, и давай веди нас туда прямо сейчас. Дедок, правда, хотел было деньги тут же пропить, но гости живо смекнули, что толку после этого с их «поводка» будет не много, и не позволили. Взяли они с собой небольшой бочонок, еды какой-то – благо, по дурости проводника денег у них много оставалось, – и тут же прям и вышли в путь.

Уходили они в ночь, никого уже на улицах не было. И дождь накрапывал всё сильнее и сильнее. Трактирщик, выпроводив этих последних гостей, вздохнул с облегчением. В его трактире они чаще всего ошивались, и тут вдруг такое счастье!

Ушли гости дорогие! На радостях он хотел сам вином угоститься, но по ошибке схватил кувшин с водой, и – себе в кружку.

Глотнул, скривился... нахмурился...

Трактирщик, у которого под рукой вода припасена, вино разбавлять, – это плохо, за это и побить крепко могут. Так что трактирщик вначале смутился, а затем разозлился – на себя, растяпу криворукую, на помогавшую ему дочку, что кувшин с водой на виду оставила, а пуще всего на гостей этих недобрых, и на деда дурного заодно. Разозлился, да и выплеснул воду из кружки на улицу, прямо вслед уходящей тройце. Ещё и ругнулся как-то вполголоса. А дедок кагоарский, несмотря на возраст, расслышал, хотя и не разобрал, что именно ему вслед сказали – думал, лёгкой дороги пожелали. Он обернулся, поклонился в пояс и с улыбочкой так из темноты: «Спасибо, мил человек, ещё увидимся...»

Забегая вперёд, хочу сказать, что никто более тех двух приезжих не встречал никогда. Но вы хорошенько запомните, что с этого-то момента самые загадки и начинаются. Вот именно с серебряной монетки, взятой в уплату с гостей, с дождя, который в ночь зарядил, да с выплеснутой вслед уходящему деду кружки воды. Жуткие загадки, необъяснимые, из той поры аж тянущиеся и до нынешних времён.

В следующий раз объявился дедок тот в городе только через год. Думали все, что и не увидят его больше. Да и не особо думали-то, честно говоря. Даже подзабыть стали; чай, не Принц или Магистр, чтобы ещё помнить его.

Дело было днём, трактирщик – тот самый, кстати, что когда-то воды вслед деду плеснул, – только ещё двери отпирал. Глядь – дед, хрен ему в обед!.. Деловой такой, серьёзный, с мешком за плечами, судя по виду, тяжёлым. Потребовал кружку вина, расплатился медяками и объявил, что вот сейчас он в Кагоар за внуком направляется, а на обратном пути снова сюда наведается. И велел к вечеру приготовить еды разной: мяса, лепёшек, пирогов там, вина хорошего. Потому как он теперь «поводок», его голодные люди дожидаются, и на нём теперь большая ответственность за них лежит. И молока обязательно ещё надо, потому как внучок болеет, лечить его требуется. И чтобы к вечеру всё было готово, что обернётся он скоренько – до Кагоара только, и назад.

Если кто тут не местный, то я поясню, что от Касиора до Кагоара дня за два доскакать можно, если, конечно, конь хороший... Ну, одним словом, трактирщик этими распоряжениями особо озабочиваться не стал; покивал, хлопал деду вслед глазами, сплунул да вина выпил. Тем более, что в ту пору у самого трактирщика зять с лошади неудачно упал, расшибся сильно – уже недели две не оклемается никак. И дочка при нём неотлучно сидит. Так что заниматься посетителями трактирщику пока приходилось одному, без помощника. И о дедке полоумном он мигом и думать забыл, а вспомнил его только поздно вечером, перед самым закрытием заведения.

День тот выдался хлопотный, отчего-то вдруг две драки случилось вместо одной. А третьей хозяин ждать уж не стал, вооружился дубиной, да и выгнал буянов в ночь, под дождичек – освежиться. Несколько торчавших за столами зевак, видя, что представление отменяется, сами к дверям потянулись. Трактирщик проводил их взглядом, вышел на улицу фонарь перед входом погасить и только задул его, как из темноты старческое дребезжание:

– А вот и я!..

Трактирщик от этого оклика вздрогнул. Он сегодня и без того уж на нервах был, а тут – этот ещё!

После яркого фонаря в глазах трактирщика плавали разноцветные круги, и в темноте улицы он не очень-то разобрался, кто это там дребезжит. Дождь сыпал мелкий, и капельки его посверкивали в слабом свете из открытой двери такой серебрящейся пылью, скрывающей окружающее. И сквозь эту сверкающую кутерьму с трудом угадывалась в темноте человеческая фигура. И тихо ещё вокруг было. Лишь

шорох дождя по крыше да хрипловатое дыхание самого трактирщика.

– Это кто это тут? – недовольно буркнул трактирщик. И он почему-то вдруг пожалел, что дубину свою под стойкой оставил.

– Это я это тут! – в тон ему и с нескрываемой гордостью ответили из дождливой ночи, и на свет выступил старый знакомый. – Я это, поводак. С внучком я. А ты всё ль приготовил?

Трактирщик присмотрелся. И правда, за спиной старика темнел ещё один силуэт; словно ночь в этом месте сделалась чернее и глубже, и казалось даже, будто дождевые капли каким-то чудесным образом облетают этот сгусток тьмы стороной, не касаясь его. Ростом спутник старика был невысокого, худенький такой, и правда, незрелого мальчишку напоминал. Но ни рук, ни ног, ни – тем более – лица его было не разглядеть. Стоял он чуть в отдалении, возле самого угла дома, что напротив трактира; из-за угла того как раз ветерком холодным потянуло... и не холодным даже, а почти что ледяным. Трактирщику на миг показалось, что это от мальчонки холодом веет, затхлой подвальной сыростью какой-то. Но такого, конечно же, быть не могло; это был всего лишь ветер, волна сырого воздуха – трактирщик видел, как сдувает его дождевые капли с фонарного стекла, как зябко поджимает плечи от её дуновения припёршийся старик. И чудилось даже, что тёмная и едва различимая в ночи фигура его спутника от ветра того слегка покачивается над землёй, как будто и не человек там стоит, а висит на шесте чей-то промокший плащ.

И вот не понятно даже от чего, а только почувствовал вдруг хозяин трактира никогда ранее не свойственную ему робость. Только этим и можно было объяснить, что он широко и глупо улыбнулся и пригласил ночных гостей в дом, и даже слегка поклонился им вроде бы при этом. Старик с готовностью перешагнул порог, а в сторону спутника своего только рукой махнул.

– Пускай, – говорит, – внучок за дверью обождёт. Нечего ему сюда грязи таскать. Тем более, что и помер он давно уж, не простудится.

Хозяин решил, что ослышался, но переспрашивать не стал. Он, как я говорил уже, оробел по неясной причине. А дедок – тот нет! Впёрся в трактир, как к себе домой, протопал напрямик к стойке и мешок свой на пол возле неё – бух!

– Ну, хозяин, готово ли всё? – спрашивает.

Трактирщик неясно с чего оробел ещё пуще и принялся мямлить что-то про деньги, что задатку оставлено не было, что цены день ото дня растут. Но дедок оборвал его и укоризненно этак говорит:

– Да разве ж у нас денег нет? Мы ж не бродяги какие-то; мы ж сюда прямо из Пустынной Долины пришли! Это такая долина, ах, какая долина! – в восхищении зацокал языком дед. – И озеро там, и земля! И места всем хватит! Так что, хозяин, ты уж давай поспешай. А за деньги не тревожься, на вот тебе... – и с этими словами нагнулся дедок к своему мешку, покопался там и выудил два золотых самородка, каждый с кулак размером. И – хлоп их, прямо на стойку перед ошалевшим трактирщиком. Потом опять к мешку нагнулся, распрямился и ещё два таких же самородка на стойку грохнул. Потом ещё два да ещё...

Надо сказать, что от каждого глухого удара золота по стойке хозяин сильно вздрагивал, и исполненные удивления и страха глаза его делались всё больше и больше, так что, если бы старик не прекратил, они и вовсе бы на лице перестали помещаться.

– Хватит этого? – спрашивает дедок. – Или ещё надо?

И вот тут-то нашего трактирщика и прорвало. Он после и сам не мог понять, с чего это его вдруг так на откровенность потянуло. Золото – оно этому, конечно, способствует, но вот чтобы всё накопившееся в душе вывалить рядом с этим же золотом на трактирную стойку, да ещё перед каким-то стариком, которого вся округа давно уже за полудурка держит... Но после вопроса деда трактирщик схватил со стойки кув-

шин вина и, не прерываясь, весь его вылакал; вот прямо взял так, да и залил его в себя, только что не закусил кувшином этим. А потом перевёл дух и начал говорить. И говорил очень долго, будто выпитое вино обратно из него словами пошло.

Начал он с того, что еды никакой и правда нет, разве что в подвале колбаса да окорок небольшой остались. И вина очень мало, бочонка он дать не сможет, пару фляг только. Лепёшек, правда, в достатке, но это только потому, что дочь их сама печёт, а за мясом, птицею, вином и крупами обычно зять ездил, но он уже вторую неделю с постели не встаёт, вот и придётся поутру трактирщику самому за припасами отправляться и заведение на день-другой закрывать. Потому что не на дочку же трактир оставлять, когда та с мужем своим неотлучно сидит. Так что пусть уж старик не сердает, но потчевать его особо нечем.

Трактирщик после признался, что пока он это всё говорил, в голове неотступно зудела мысль, что если вот сейчас подхватить из-под стойки дубину да наотмашь дать деду по уху... Много ли ему, старому, надо-то? Одного удара хватит. А потом – в бочку из-под вина его, их сейчас много стоит пустых в подвале. А золотишка в мешке, должно быть, немало – вон как дед им разбрасывается. А спросит кто, то я и знать ничего не знаю. Какое золото?! Какой дед?! Не знаю я никаких дедов-золотов! Да и не хватятся его, кому он нужен-то? И не видел никто, как старик в трактир ходил... разве что этот его внук, что за дверью сейчас торчит, под дождём... Но мальца-то двумя пальцами придавить можно, это вообще не забота никакая...

Едва трактирщик о внучке вспомнил, как почудилось ему, будто тот прямо через стенку за всем наблюдает. Словно внимательный и пристальный взгляд его ледяным потоком проникает сквозь каменную кладку. И показалось вдруг, что холоднее вокруг стало, как будто сырой заоконный воздух заполнил помещение трактира. Хозяин, до этого говоривший без умолку (чтобы заглушить мысль о дубине, золоте и пустой бочке для старика), запнулся и зябко повёл плечами. Холод проникал ему в самую грудь, стискивая ледяными пальцами сердце, пробуя его на ощупь: а что, если сжать посильнее?.. И показалось даже, что огонь в лампах как-то уменьшился, сник и потускнел, а тени по углам помещения и под столами сделались гуще, мрачнее, подобно открывшимся вдруг провалам в чёрную бездонную пропасть, где что-то хищное лениво ворочалось во сне.

Никогда ничего трактирщик не боялся. Он и в одиночку на пятерых грабителей выходил, и верх одерживал. Да и сам по малолетству да глупости на дорогах в Криарском лесу прохаживая порой беспокоил. А сейчас он уже не просто сробел или там смутился – страх, самый настоящий страх охватил его. Будто и в самом деле уже видел он пронзительный взгляд внучка дедового, будто веками своими ощущал исходящий от него колючий холод, вымораживающий и лицо, и сами мысли даже. И настоящий, живо и по-глупому радостный взгляд старика у стойки от чего-то делал струящуюся сквозь стену мерзлоту более неприятной, более опасной – смертельно опасной. Словно кто в костёр охапку сухого хвороста подбросил. Только вот костёр тот не грел, нет – мёртвой стужей от него веяло.

– Нечем мне тебя угостить, – выдохнул трактирщик, отодвигая ладонями подалее от себя золотые самородки и с содроганием наблюдая за вылетающим при этих словах изо рта его паром.

– Да есть же! Есть! – весело возразил дедок, подталкивая золото обратно. – Окорок давай неси, лепёшек давай и вина тоже, сколько не жалко! И хватит! А то мне всё равно много не унести, а с внучка и вовсе помощник никакой – помер он у меня давно.

«Помер!..» – гулко отдалось в голове трактирщика, и ясно уже было, что не ослышался он и не померещилось ему; и ещё сильнее сжалось сердце, будто словами этими вогнал дедок в него толстую ледяную иглу. И от иглы этой воздух вокруг будто бы наполнился холодным и влажным туманом, пронизанным едва слышным

звоном хрустальных колокольчиков. Никакого тумана и звона на самом деле, конечно, не было; загляни в трактир посторонний кто – ничего бы и не заметил. Но сам трактирщик дальше словно плывал уже в этом тумане, не очень хорошо различая окружающее, едва слыша звуки сквозь повисший в ушах и набирающий силу звон и не очень даже понимая, что он сейчас делает.

Он после с трудом мог припомнить, как очутился в погребу да как окорок с крюка снял; как упихивал его в мешок да как совал в другой лепёшки; как фляги наполнял вином – хорошим, неразбавленным, для себя припасённым. А в руках всё время деревянный ящичек мешался, куда трактирщик выручку складывал, и где теперь восемь золотых самородков в два ряда лежали, что аж крышка не опускалась. И ещё всё время боялся трактирщик, что дед про молоко вспомнит – ведь хотел же он прежде молока-то. Но потом сообразил трактирщик, что молоко дед хотел для внука, который в ту пору болел, а если внук сейчас помер, то и не надо уже молока ему. И от этой догадки на миг легче стало трактирщику, на один короткий миг – пока не вспомнил он, что умерший внук-то здесь, рядом, за стеною, на улице, под дождём стоит и наблюдает.

А дедок всё благодарит да кланяется. Но каждый раз, как он взгляд на трактирщика поднимает, мелькает в глазах его что-то такое, что так просто и не объяснишь даже. Ну, как будто жалеет он трактирщика почему-то, сочувствует ему вроде бы и хотел бы даже помочь, но что-то останавливает – то ли скромность, то ли боязнь настырным показаться, то ли... то ли торчавший на улице внучок...

И только когда старик все припасы на себя нагрузил, в последний раз поблагодарил поклоном и развернулся к дверям, что-то он, видать, решил для себя. Потому как замер на месте, глянул через плечо и тихо так спрашивает:

– Зять-то сильно ль болеет?

И по тому, как он это спросил и какие глаза у него при этом были, ясно делалось, что ответ ему хорошо известен. И трактирщик это тоже понял, потому лишь вздохнул глубоко да рукой махнул. И вот, между прочим, как только дед о зяте больном речь повёл, так туман загадочный мигом вокруг трактирщика растаял, звон тоскливый в ушах исчез, а ледяную иглу из сердца его словно вынули. Так что каждое следующее слово он слышал очень отчётливо и накрепко всё запомнил, даже взгляд старика и голос его.

– Внучок-то мой тоже болел сильно, – печально продолжал дед. – Болел-болел, а потом и помер. И зять твой обязательно помрёт. Долго болеть будет, очень долго, но всё одно помрёт. Так ты... это... помнишь же, как я отсюда в прошлый раз с теми двумя уходил? – дед снова вернулся к стойке и, понизив голос до шёпота, повторил: – Помнишь?

– Ну? – так же шёпотом ответил трактирщик. Он вдруг очень ясно вспомнил ту ночь, и как два исчезнувших путешественника вместе с дедом этим исчезали в дождливой тьме, и как он сам вместо вина воды хлебнул, а затем выплеснул её вслед...

– Вот-вот! – страстно зашептал дедок, хватая трактирщика за руку. – Вот-вот! Водой и плесни! Только дождливой ночи дождись. И рядом с хворым непременно будь, в одной комнате. А в кружку-то прежде монетку серебряную опусти и водицу прямо с ней и выплесни. Да и позови меня-то, чтобы я знал, что нужен, а не что это балуется кто-то. А я уж приду и уведу его с собой. Я же поводак, я это умею. Внучка, правда, увести не успел; видишь, какой он теперь? Но ничего, помогает мне чуток. А зять твоего, если меня вовремя позовёшь, уведу, да. Ему там хорошо будет, чего ему тут страдать-то? И самому страдать, и других мучить... Только позови меня, а дальше я уж сам...

– Позвать?.. – то ли еле слышно прошептал, то ли просто шевельнул губами трактирщик. Он уже не понимал, говорит ли он вообще или это дед-поводак мысли его читает.

– Позови, ага, – кивнул старик. – Вот прям так и позови: «Поводок, приходи – хворого уведи!» И водицей плеснуть не забудь, – закончил дед. – Ага?

– Ага... – выдавил из себя трактирщик.

Ему сейчас мечталось лишь об одном: чтобы ушёл поскорее отсюда поводок этот; и сам ушёл, и внука своего пугающего увёл, подальше куда-нибудь.

– Ну, и славно! – хлопнул ладонью по стойке дед. – Мы тогда пойдём, путь-то неблизкий.

С этими словами он поправил на плече мешки с едой, перехватил поудобнее фляги с вином и затопал к дверям. Трактирщик с замиранием сердца смотрел деду вслед. Ему казалось, что едва тот переступит порог, как случится нечто ужасное. Например, заглянет сюда с улицы внучок его, пронзит ледяным взглядом и... и скажет... что-нибудь...

Но ничего подобного не случилось, никаких таких страхов. Люди вообще любят себе всякие небылицы ужасные воображать, хотя настоящая жизнь-то – она ведь намного страшнее. А дедок просто вышел под дождь, да и побрёл себе по улице. И как-то так неуловимо – трактирщик даже и заметить не успел – к нему присоединился второй тёмный силуэт, пониже да пощуплее. И когда они уже за угол сворачивали, показалось вдруг, что внучок бросил на трактирщика один быстрый взгляд, прежде чем из виду скрыться. Такой взгляд, что и врагу увидеть не пожелаешь, даже во сне. Словно два прокола, два отверстия в чёрном бархате, за которым бескрайний и безжизненный свет царит. И ещё было во взгляде этом какое-то нехорошее обещание новой встречи и желание запомнить трактирщика, чтобы при случае узнать. Но за это всё трактирщик не поручился бы: тут как раз лампы в помещении вспыхнули с прежней силой, залив всё вокруг привычным желтоватым теплом. А когда глаза к свету привыкли, то парочки странной этой уже и след простыл.

Трактирщик, понятное дело, перво-наперво ящичка своего хватился. Не, ну, а мало ли чего? Вдруг золотишко вместе со всеми этим чудесами сгнуло? Ан нет! Лежит себе, посверкивает... Потом он сообразил, что время уже позднее, народишко по городу разный шляется, а тут – дверь нараспашку, ящик с золотом... одним словом: грабь – не хочу! Поэтому трактирщик, непрерывно озираясь, торопливо хлопнул дверь и наложил оба засова. Ставни он закрывал ещё, как стемнело, но сейчас на всякий случай опять проверил каждую из них. То же и с дверью из кухни во двор, к колодцу – она была заперта с вечера, но трактирщик всё равно сбежал и потрогал щеколду, и даже подёргал за ручку. Затем он вооружился своей верной дубиной и только тогда вздохнул с облегчением.

И тут же до слуха его донёсся звук шагов – кто-то, медленно и мягко ступая по дощатому полу верхнего этажа, приближался к лестнице. Тихие такие шаги, неспешные, как будто бы устал человек... Не знай трактирщик всех звуков этого старого дома, то и не заметил бы, а заметил бы – внимания не обратил. В своём доме все звуки привычны. И если кто-то по верхнему этажу крадёт, то сразу же слышишь. Звук хоть и хорошо знакомый, но откуда бы ему там, наверху, взяться-то?! Постояльцев сейчас нет, все комнаты заперты, ставни на окнах наглухо закрыты. В той комнате, где дочка за мужем ухаживает, окно на улицу выходит – высоко, не долезть. К тому же и закрыто оно всегда в последнее время – от сквозняка больному с чего-то хуже делалось. Да и не пробраться через то окно: там, в комнате, дочка с зятем... ну, если они ещё живы, конечно... если их не...

Трактирщик почувствовал, как к горлу его подкатил комок, а лоб покрылся капельками холодного пота. И мгновенно вспомнил он, что в его-то комнате, где сам он живёт, окно выходит во двор. И возле окна торчит засохшее дерево... а ворота во двор никогда не закрываются... и выходят они в узкий тёмный переулок, образованный двумя глухими стенами соседних домов... да и само окно – закрывал ли он его вообще?..

Трактирщик, ступая на цыпочках, в два широких шага приблизился к лестнице; ни одна половица при этом не скрипнула – свой-то дом хорошо знает. Перехватив поудобнее дубину, он замер в ожидании.

Скрипнула ступенька лестницы, еле заметно дрогнули перила...

Трактирщик чуть согнул ноги в коленях, медленно занёс дубину для удара...

– Папа?..

– Тыфу ты... – с облегчением вздохнул трактирщик, опуская своё оружие.

Дочь удивлённо посмотрела на дубину в руках отца, рассеянно скользнула взглядом по пустому трактиру.

– Ему сегодня хуже стало, – еле слышно произнесла она. – Весь день маялся, стонал... только-только заснул...

– Ничего, – успокоил её трактирщик, пряча дубину под стойку. – Завтра же лекаря пригласим.

– Так звали же уже, – бесцветным голосом сказала дочь.

– Теперь мы настоящего позовём, – пообещал трактирщик. – самого лучшего, из Лаоэрта выпишу; того, что Принца лечит!..

И не соврал ведь, правда выписал, из Лаоэрта. Ну, ясно, не принцевого, но тоже очень знающего, дорогого. Настолько дорогого, что его приезд, десятидневное проживание в трактире, осмотр, лечение и лекарства, как корова языком, слизнули аж два золотых самородка из восьми. Больному вначале полегчало, а потом даже и хуже сделалось: еле дышит, не узнаёт уже никого, даже жену чужим именем называет (очень это её огорчало), не ест ничего, разве что бульону немного похлебаёт, если в сознании. Ну, лекарь руками развёл, объявил, что сделать ничего нельзя, и кто помереть должен, тот непременно и помрёт, лекарства тут бессильны. С тем и уехал.

Дочка от новости такой прорыдала до ночи. А трактирщик заведение пораньше закрыл, повыгонял всех, да и засел с кувшином вина едва ли не до утра. Во-первых, сам расстроился тоже очень, а во-вторых, и спать идти не хотелось. И как тут уснёшь-то? Эта – ревьёт в три ручья; этот – стонет, как под пытками... И неудивительно, что в последнее время постояльцы дольше ночи не задерживались – поди усни тут, под такую музыку. Днём-то, когда внизу шум, стук кружек да игральные кости, ещё ничего. А вот по ночам...

Комнат под сдачу в трактире было всего четыре, но и те сейчас пустовали. Видать, слух уже по городу прошёл, что зять хозяина болеет очень. И поди знай, чем он там болеет. То ли и правда с лошади упал, да спину и внутренности себе отбил, то ли стонет от какой-то заразной хвори. Нет уж, лучше мы в какой другой трактир подадимся...

И чем дальше об этом трактирщик думал, тем тяжелее на душе его становилось. И решил он тогда другого лекаря искать. Если уж лаоэртский не сумел помочь, то, может, кагоарский сумеет?

И в Кагоар-то он утром и отправился. И нашёл лекаря, хорошего опять, и тоже не дешёвого. А между делом вспомнил он про того дедка-поводка и начал интересоваться, а был ли такой вообще. И представьте себе, разузнал-таки! В портовых городах чего только не разузнаешь, были бы уши.

Дед такой, получалось, был, и даже очень. Лавку тут держал, торговал неплохо, дом свой имел. Жену давно уж схоронил, а жил с ним в доме сын с семьёй, который ему и в лавке помогал. И внук у него на самом деле был. Но случился как-то в доме пожар, сгубивший и сына, и жену его. Внук-то выжил, но обгорел сильно. А сам дед не пострадал – не было его в ту ночь в доме, но после пожара что-то в башке у него повредилось. Говорят, что это, вроде бы, потому, что сам дед уходя свечу забыл погасить, оттого и загорелось. И вроде бы даже это он сам кому-то рассказывал. Но так ли это на самом деле было, никто не знал.

Внук промаялся дней пять, да и тоже помер, вслед за родителями. А дед всё не

верил, всё приходил к дому, где тот под присмотром няньки лежал, разговаривал с запертой дверью, обещал хорошего лекаря найти... ну, это всё трактирщику понятно было. Но вот где этот дед сейчас?

А кто ж его знает, где? Давно уже пропал, старый. Говорят, на юг куда-то подался, то ли в Касиор, то ли ещё куда... А, так ведь ты, трактирщик, касиорский же! Может, и видел его там, раз всех вопросами пытаешь? А если видел, то зачем пытаешь тогда? Что-то нечисто тут, шёл бы ты отсюда, мужик, своей дорогой...

Ну, вот так примерно и закончились все расспросы трактирщика. Он на всякий случай и на кладбище побывал, на могилу внука того посмотреть хотел. Сторож кладбищенский охотно ему показал, за пару медяков всего. Могила как могила; ни камня, ни таблички даже – торчит из земли палка, и всё. На кладбище вообще таких палок много торчало, целый лес прям; бедняки-то чаще мрут.

Трактирщик удивился даже, отчего сторож уверен, что это именно та самая могила. Но тот с большим удовольствием разъяснил, что как раз эту вот могилу запомнить было не трудно, потому как воры разрыли её зачем-то. Чего они там, в бедняцкой могиле-то, искали – неясно. Но для чего-то тело покойного с собой унесли, могила пустая оказалась. Может, воры это всё даже не из корысти сотворили, а по глупости и крайнему своему малолетству; следы, по крайней мере, одного из них были детскими – когда тело вытащили, он из могилки выбирался, да и оставил в мягкой разрытой земле отпечатки своих ладоней. Некрупные, можно даже сказать, детские совсем. Не больше, чем, например, у того же покойного были. Ну, а яму пустую сторож после камнями завалил, да землёй закидал, чтобы вопросов не было. Так что могилу эту он хорошо запомнил, можно и не сомневаться – она это и есть. А больше сторож ничего рассказать об этом не может... С тем трактирщик домой и поехал, прихватив, понятное дело, с собой нового лекаря.

Столичные лекари от лекарей портовых отличаются сильно, это вам любой подтвердит. Особенно отличаются они ценою за услуги и стоимостью своих снадобий. И хотя Кагоар наш – тоже столица, но это, что бы сейчас ни говорили, столица, во-первых, закриарская, а во-вторых, бывшая, ещё до присоединения Закриарья к Межгорью. Поэтому и с лекарями там поскромнее. Но на здоровье больных это не обязательно сказывается хорошо. Я это всё не к тому говорю, что лекаря совсем лечить не могут, но вот сейчас был как раз такой случай. Так что и этот лекарь через шесть дней отбыл восвояси.

Видя горе дочери, трактирщик на этом не остановился и начал приглашать других лекарей. Впрочем, как ни прискорбно, с тем же самым результатом. Один, второй, третий – всё без толку!

Хорошо бы, конечно, к колдуну какому обратиться, да где ж его тогда было взять, колдуна этого. Трактирщик разок попытался намекнуть одному из посетителей, что, дескать, от лекарей нынче толку нет, хорошо бы, вот, колдуна какого найти. Посетитель вроде бы и не понял намёка, а то и вовсе не расслышал, но на следующий же день объявились в трактире трое каких-то подозрительных личностей. Пришли порознь, словно бы не знакомые. Двое расселись по разным углам и заказали себе по кружке вина, а третий – сразу к стойке, и ну тоже разными там намёками сыпать, из которых получалось, что он тайный колдун и что любую хворь изгнать может.

Догадаться, кто они такие, несложно было. Тем более, что один из них позавыл снять перстенёк рыцаря Ордена Следящих. Поэтому трактирщик, недолго думая, вмазал от всей души кулаком в лоб этому «колдуну», да и выкинул его за дверь. Ну, а остальные двое посидели немного для виду и сами ушли, разочарованные очень.

Правда, трактирщик вначале немного пожалел, что не сдержался – могли и забрать за нападение на Орден. А штраф платить ему очень уж не хотелось. И без того расходы на лекарей изрядно опустошили ящичек с золотом, и половины в нём уже не оставалось.

Не сказать, чтобы трактирщику денег жалко было – ну, не так, чтобы очень, – но всё чаще и чаще посещала его мысль о бесполезности траты их. Пользы от лекарей никакой, сколько им ни плати. Да ещё едва ли не каждый из них на вопрос, долго ли больной протянет, пожимал плечами – может, год, может, и пять...

Пять лет!

Ждать пять лет! И не выздоровления, а неизбежного конца, с которым и сам он, и дочка уже смирились. Зять сейчас и на человека не похож – лежит, посерел весь, кожа сухая череп обтягивает, кости сквозь одежду проступают. И дочка тоже похудела вся, глаза запали, губы неживые совсем, на старуху похожа стала... Это сейчас, а через пять лет?.. Такой ли доли он для дочери своей желал?..

Совесть? Ну, не знаю, может, и переживал он, конечно. Зять-то неплохим человеком был. И компанию мог составить, если вина выпить или кости покидать на небольшие ставочки. И жену свою любил, вроде бы. Ну, что не бил и ругал редко – это точно. Может, и было трактирщику перед зятем совестно – сказать не могу. Но вот что совестно ему было перед дочерью, и что её он любил и жалел пуще кого другого – сомнений нет.

Ну, одним словом, как-то раз (в который уж раз) снова напился трактирщик. И как-то особенно угрюмо так... Да и то сказать: дела в трактире шли плохо, посетитель или там постояльцев почти что и не было.

И вот сидит трактирщик, пьёт вино кружку за кружкой и всё сильнее жалеет о том, что нет такого закона, чтобы безнадежному больному страдания облегчить – нельзя, повесят. Да хоть бы даже и просто повесили, так ведь ещё и имущество отберут; дочка тогда с чем останется? И не докажешь никому правоты своей, не убедишь никого, что дочку мужнина хворь тоже медленно убивает. Муж-то её хоть и больной, а всё ж человек; кто его знает, вдруг бы он выздоровел?.. лет через двадцать...

Мрачнее тучи сидел за столом трактирщик, вино глотал, не замечая вкуса. И мерещилось ему, что не один он уже в пустом зале. Вокруг, словно тени, сновали виденные когда-то люди. Смотрели на него, сочувствовали, говорили что-то. Вот за столом в дальнем углу сидели, укутавшись в драные плащи и низко надвинув шляпы, двое студентов-путешественников, и говорили о чём-то вполголоса, опасно поглядывая по сторонам – не разобрать, о чём говорили, только слова «Сиуз», «пещера», да «магия» угадывались порой в их приглушённой беседе. Вот промелькнул в другом углу столычный лекарь со своим сундучком, набитым так и не помоглими больному снадобьями. Вот кладбищенский сторож присел, согнувшись, на лавку и повёл неведомые разговоры о ничьих покойниках, которых то ли из могил воруют, то ли сами они выкапываются и уходят. Вот возник в запертых на два засова дверях незнакомец в тёмно-синем плаще Ордена Следящих с нашивками старшего рыцаря, и в руках его медленно разворачивался лист серой бумаги, где ярко-алыми буквами выведено было: «Обвиняется в колдовстве...» Вот из самого тёмного угла, откуда-то из-под лавки, холодно блеснули глаза таинственного внука, и костлявая бурая ручонка вытянулась вперёд и царапнула доски пола. А вот и дедушка его, дедок-поводок... поводок, приходи... приходи...

Но трактирщик догадывался, что поводок не придёт, потому что что-то не так он – трактирщик – делает. Не так делает, не так говорит... не так надо, надо по-другому...

И сразу же он вспомнил, как надо, сразу же всплыли в памяти эти глупые слова. Казалось бы, что забыты они навсегда, как бесполезный мусор, но вот вспомнились, и не избавиться уже от них, не забыть снова, никогда. Будто кто-то неведомый – может, дедок-поводок – внятно и настойчиво шептал их в самые уши.

Но одних этих слов мало. Недостаточно позвать поводка, ему нужно ещё и заплатить – не много, одной серебряной монетки хватит...

Ледяной взгляд внука пронзал насквозь, словно бы напоминая о чём-то важном, о чём-то позабытом. А костлявая ручонка скребла и постукивала по полу всё отчётливее, всё слышнее и явственнее. Ладонка, словно жуткий паук, медленно, но верно двигалась, подбираясь к трактирщику; рука вытягивалась, переламывалась, на ней появлялись новые суставы, а пальцы становились всё длиннее и длиннее...

Но от неожиданного оглушительного грохота задрожала и рассыпалась картинка. И не стало ни кладбищенского сторожа, ни рыцаря Ордена, ни даже деда-поводка. Трактирщик протёр глаза и огляделся по сторонам. Он был один. Или нет?..

Обмирая от ужаса, он вдруг понял, что постукивания костяных пальцев по полу ему не причудились. Сейчас, окончательно уже проснувшись, он продолжал слышать их – словно клювики маленьких птичек вразнобой выбивали бессвязную дробь.

Трактирщик боялся заглянуть под лавку, где примерещился ему ледяной взгляд поводкового внука. Но этого и не нужно было, потому что страшный и тихий звук доносился не из-под лавки – он раздавался со всех сторон, заливал всё помещение. И казалось, что от стука этого ёжится и меркнет пламя свечи, и воздух вокруг наполняется смертельно ледяным холодом. А потом раздался грохот. Будто над головой разом переломили десяток толстых деревьев.

Нервы трактирщика не выдержали. Опрокидывая лавку, он вскочил на ноги и заорал во всю глотку.

Звук собственного крика окончательно привёл его в чувство. Он понял, что это просто грохочет гром на улице. Это был уже второй удар – от первого он проснулся. И нет рядом никакого умершего и выкопанного из могилы внука; это капли дождя, а не мёртвые пальцы, выстукивают по ставням.

Трактирщик глубоко вздохнул, поднял и поставил на место лавку, сел на неё и вылил себе в кружку остатки вина из кувшина. Вкуса он не почувствовал. В голове вертелась единственная мысль: «И дождь как раз...»

Трактирщик вдруг совершенно успокоился. Неспеша допив вино, он выбрался из-за стола и, прихватив свечу, направился к стойке. Все движения его были медлительны, словно он мысленно прокручивал в голове каждое из них, словно он боялся ошибиться и сделать что-то не так. Взяв со стойки одну из кружек, он наполнил её на две трети водой из стоявшего здесь же кувшина. Затем нагнулся, вытащил из-под стойки кожаный кошелек и высыпал перед собой его содержимое. Потемневшие медные монеты запрыгали по отполированной доске; лишь одна серебряная бледной искоркой сверкнула меж них – давно уже доходы заведения оставляли желать лучшего. Трактирщик прихлопнул серебряную монетку ладонью, осторожно, словно та могла растаять от тепла рук, двумя пальцами взял её и опустил в кружку с водой. Серебряный кругляшок негромко стукнул о глиняное дно.

– И дождь как раз... – еле слышно выдохнул трактирщик бившуюся в мозгу мысль и вытер ладонью со лба внезапно выступивший пот.

В доме стояла полная тишина. Ну, вы знаете, всегда ведь какие-то звуки вокруг: то половица скрипнет, то шорох какой-то в углу, то треснет огоньком свеча, то мышка пискнет. А тут – ни звука. Лишь шум дождя сквозь ставни доносится, да по черепичной крыше капли мягко так барабанят. Замер дом, словно насторожился, ожидая чего-то. И даже, казалось, дыхания самого трактирщика не слышать, и шагов его тоже. Что-то неведомое и невидимое, густое, вязкое и – голодное; оно поглотило все звуки и сейчас жадно слизывало со стола последние крошки, готовясь приняться за главное блюдо... А может, это сам трактирщик старался ступать как можно осторожно и бесшумнее, словно прокрадывшийся вор.

Перед дверью в комнату дочери и зятя он ненадолго замер, будто набираясь решимости. В правой руке – кружка с водой, в левой – свеча. И ни звука вокруг, ни шороха. Он осторожно толкнул локтем дверь и мимоходом отметил, что та даже не скрипнула; плавно так отворилась, как по воздуху пошла. А из комнаты сразу бо-

лезнью дыхнуло, нездоровым таким, слегка кисловатым запахом, что всегда после покойника ещё на день-другой остаётся. Тут, правда, покойника-то как бы нет... пока ещё... но запах уже обживает, устраивается поудобнее, знает, что недолго ему гостить, вот и спешит.

Зять лежал на койке, укрытый до подбородка тонким шерстяным одеялом. Трактирщик остановился посреди комнаты, разглядывая его и вспоминая, каким тот был, когда дочку за себя брал; сравнивал весёлое улыбочивое лицо, какое помнил, с тем, что видел сейчас – обтянутый кожей череп, серые тонкие губы, ввалившиеся глаза...

Что-то дрогнуло в душе трактирщика. Ведь какой парень был, а! Работящий, не злой, хозяйственный, на такого вполне можно б и трактир оставить. И дочка с ним счастлива была, детей заводит собирались...

Трактирщик перевёл взгляд на дремавшую у стола дочь, и в душе его ещё раз дрогнуло. Он всё так же медленно, но уже не испытывая сомнений, подошёл к окну и открыл его. В комнату сразу же хлынул поток сырого воздуха, и звуки дождя сделались не только громче, но и веселее, будто приветствуя старого знакомого, радуясь ему и долгожданной встрече.

Трактирщик глубоко вздохнул, торопливо прошептал нужные слова, что до сих пор продолжали молотом стучать у него в ушах, и быстрым (чтобы не передумать) движением выплеснул за окно воду из кружки. Серебряной рыбкой блеснула в воздухе монета. Трактирщик невольно прислушался, пытаясь уловить, как та звякнет о камни мостовой, но так ничего и не услышал. Он осторожно выглянул в окно. В свете от окна соседнего дома посверкивали лужицы, в которых мелкими коньками скакали дождевые капли, – где уж тут крошечную монетку разглядеть! Да может, и нет её там уже; может, подхватила её на лету стариковская рука поводка... или костлявая ладошка его внука...

Трактирщик закрыл окно и повернулся, чтобы уходить, но тут взгляд его встретился со взглядом зятя. Тот от чего-то проснулся и сейчас безо всякого выражения смотрел на своего тестя. И глаза у него были холодные, ничего не выражающие, равнодушные, словно две маленькие серебряные монетки, подобные той, что сгинула только что в дождливой темноте за окном. Трактирщик попятился, нащупывая рукою дверь за своей спиной. Ему показалось, что это поводковый внучок смотрит на него. И смотрит так, будто отлично знает, что трактирщик сейчас сделал и зачем.

Выйдя в коридор, трактирщик перевёл дух. Вообще же, всё это, конечно, глупости, подумал он. Плескай из окна водой, не плескай – никому от этого ничего не будет. Это надо было, вот как сегодня, большой кувшин вина в одиночку вылакать, чтобы в такую чушь поверить. Хорошо ещё, что никто не видел, каким он тут дураком себя выставляет...

С тем трактирщик и пошёл в свою комнату, почёсывая в затылке. Там он свечу задул и спать лёг. И проспал себе до самого восхода, как давно уже не спал – крепко и спокойно. И разбудил его только под утро плач дочери по умершему мужу.

Трактирщик был человеком рассудительным и понимал, что от выплеснутой за окно воды никто не помрёт. А если кто и помер, то просто время пришло, не век же человеку хворать. И все эти поводковые байки – пустая болтовня, не более. И простое совпадение, вот. Ну, примерно так трактирщик и думал.

Но где-то глубоко в душе таилось у него некое... сомнение, что ли?.. Это как если сами вы уверены, что, отъезжая надолго из дому, загасили печь, а какой-то баболок вдруг возьми, да и спроси: «А точно ли погасили?..» И начинаешь после этих его слов немножко так сомневаться; вроде бы уже и не себе даже веришь, а болтуну этому, чтоб ему покоя в жизни не знать.

Когда человек чем-то озабочен, он часто о том размышляет. А когда уже не очень и молод, то бывает, размышляет и вслух – подавая вино или принимая плату.

А посетители — они же не глухие; да ещё многим из них и занять себя нечем. Понятное дело, слухи по Касиору поползли. А закон-то у нас строг, если где можно конфисковать чего в пользу казны, непременно доищутся.

Одним словом, наведались к трактирщику и судейские, да. Забрали его, побеседовали пару дней — и с ним самим, и с дочерью его, и с врачами, что больного пользовали. Ну, всех-то быстро отпустили, в тот же день прям, а с трактирщиком более душевный разговор был. Но и от него через два дня отстали. Потому как совершенно ясно было, что никакого преступления закона тут нету, а человек сам помер. Долго болел и помер — бывает, что ж делать!.. А руку левую трактирщик быстро залечил, ничего, и памяти о беседах с судейскими не осталось.

Но слухи по городу всё равно ползли и даже делались всё красочнее, обрастали новыми выдуманными подробностями. И однажды случилось то, что и должно было случиться.

К трактирщику и так уже несколько раз подходили разные посетители — с наёмками, что, дескать, и они бы не прочь избавиться от кого-то так, чтобы и на виселицу не попасть, и в бега ударяться не пришлось. Намекали также, что и заплатить могут немало за секреты эти. Намекали, что и не узнает никто. Вообще такие вот умники очень хорошо намекать умели; и потому же сами они ответные наёмки трактирщика понимали без слов, по одному только выражению его лица. Так что бить никого из них и не приходилось даже. Но в этот раз дело оказалось такое, что невозможно было в ответ просто в лоб стукнуть. Потому как обратилась к трактирщику жена его старого приятеля.

Приятеля того сильно в драке покалечили. А если точнее сказать, то руки-ноги у него были целы, голова тоже, но вот внутри головы этой что-то от удара сильно пострадало. Соображать он перестал совсем, целыми днями (да и ночами тоже) сидит, в потолок глядя, да смеётся чему-то, одному ему видимому. Раньше он скот держал — трактирщик как раз у него мясом и запасался, а с болезнью всё это дело заглохло, скотину постепенно распродали: и самим жить надо, и врачам платить... Вообще как-то так случайно получается, что в этой истории у меня лекаря в накладе никогда не остаются... в жизни, впрочем, тоже...

Так... о чём это я?.. Ах, да!..

Ну, болел он тяжело и уже довольно долго, все силы и деньги на него уходили, и за скотиной следить времени вообще не оставалось. Попробуй, вот, накорми-ка здорового мужа с ложечки, когда тот беспрерывно хихикает. А ночью? Тишина в доме, только его смешки в ночи и слышны. Лежит жена в постели и невольно к ним прислушивается. А смешки всё тише, всё тише. И вдруг он как захохочет во всё горло, словно конь заржал. Невольно на кровати подскочишь, как шилом ткнутая. Где уж тут силы хозяйством заниматься после такого вот отдыха.

Это всё когда рассказываешь, оно, может быть, и забавно выглядит, а то и смешно даже. А вы попробуйте себя на её месте представить, когда такое с любимым человеком творится. Она ведь и правда любила его, мечтала всю жизнь прожить с ним — с тем, кто её за себя брал, а не с этим вот, хохочущим по ночам над чем-то болваном. Но и такого его она продолжала любить... или жалеть — и его жалеть, и себя, с обманутыми ожиданиями своими. Он ведь теперь даже и не смотрел на неё, один лишь потолок его интересовал: внимательно так взглядом по нему пройдёт, зацепится за что-то, и глаза его сразу радостными делаются, и — следит, следит, следит ведь за чем-то невидимым, будто таракан или жук какой по потолку носится. А ведь нет там ничего, совсем ничего, ни таракана, ни жука...

Приятель этот крепким человеком был, подкову в ладонях винтом свернуть мог. И надежды на то, что он вскорости сам помрёт, не было совершенно. Да какое там: «Сам помрёт»! При его силе он ещё и жену пережить сможет. Но какая это жизнь была бы? Кто бы о нём заботиться стал, не будь у него жены? Что бы с ним тогда

было? Даже и подумать тяжко.

Вот это всё жена приятеля трактирщику и выговорила, на одном дыхании. И закончила не просьбой даже слёзной о помощи, а молчанием и вопросительным взглядом, хотя в глазах её, конечно, слёзы стояли. И вот тут-то сердце трактирщика и дрогнуло. Глянул он на неё и глухо так проворчал:

– Ближе к ночи, как закроюсь, подходи – поговорим.

Сказал, и тут же себе – полную кружку. И – не отрываясь, до дна её, единым духом.

А поздним вечером, когда он засидевшихся гостей выпроваживал, смотрит – а на улице кто-то стоит. В самой тени, что отбрасывает вывеска соседней лавки, делая сумрак ещё глубже. И свет трактирного фонаря на него не падает, только силуэт едва-едва и виден; и нельзя даже сказать, что видно его – лишь угадывается в густой и плотной черноте что-то ещё более плотное и чёрное. И чернота эта напоминала ростом своим и щуплостью мальчонку лет десяти. Ну, одним словом, совсем, как тогда. Помните, нет? Трактирщик вначале струхнул слегка, но потом вспомнил, что сам же и наказал жене приятелевой прийти. Или не она это, всё-таки?..

Но тут женщина к нему из тени вышла, поклонилась слегка и робко глянула снизу вверх.

– Заходи, – буркнул трактирщик, гася фонарь.

Женщина просеменила в дом; трактирщик посмотрел ей вслед, а потом снова глянул на улицу, где она до того стояла. И показалось на миг трактирщику, что там, на углу, по-прежнему темнеет чья-то неведомая фигура. Ну, это уж точно примерещилось, подумал трактирщик, и побыстрее захлопнул дверь, пока и правда не сверкнул на него глазами этот примерещившийся...

Не знаю уж, всё ли он ей рассказал или только про воду с монетой; как выплёскивать, что говорить и так далее. То есть, рассказал ли он ей про поводка – неизвестно. Но, наверное, рассказал: дочка его после говорила, что они за столом до самого утра сидели. Да и узнали же как-то всю эту историю, раз она до меня дошла. Что же до прочего, то жена приятелева не только выслушала трактирщика, но и поверила, и запомнила. Потому как после первой же дождливой ночи муж её, болезный, в потолок хохотать перестал. Так и помер он с лёгкой усмешкой на губах. Вот только глаза у него сделались из прежних чёрных серебристо-белыми.

Сама же жена... то есть не жена уже, конечно, а вдова, но сути это не меняет... вдова, как и всякая порядочная и уважающая себя женщина, язык свой за зубами держать не умела, да и не особо-то старалась, честно говоря. И постепенно опять слухи по городу поползли. Причём такие странные и порою даже нелепые или вовсе уж глупые, что и не знаю даже, делиться ими или же нет – ещё чего доброго меня самого за вруна посчитаете.

Ну, например, выдумал кто-то, что будто бы, если вместо серебряной монеты золотую в кружку бросить, то поводок не только хворого заберёт, но и вместо него оставит кусок золота, точь-в-точь как покойник был. Глупости это, на полных дураков рассчитанные. Ведь поводок самого человека не забирал, это так просто говорят: «забрал», привыкли уже люди, вот и говорят. А больной умирал просто, вот и всё. Сам умирал, а не забирал его никто. И как же поводок тогда золото оставлять мог бы? С какой такой дури? За что? Какая ему с того выгода? Не-е-ет, серебряная монета нужна, никакая другая и не годится вовсе. С другой монетой ничего вообще и не случится, хоть ты золотую в кружку суй, хоть медную... А впрочем...

Жил ростовщик один, он от сотоварища своего, с которым они дела вместе вели, избавиться захотел. Не любил он его очень и не доверял ему почему-то. Вот и решился.

Сотоварищ как раз лихорадкой страдал. Необычная какая-то лихорадка, заморская. Наши лекаря справиться с ней не умели – они и с местными-то лихорад-

ками через раз справлялись, что уж тут о заморской говорить. Так что помереть у больного все шансы были. Но ростовщик всё же под вечер одного дождливого дня проведать его пришёл. И не знаю уж с какой такой бедности он в кружку с водой медную монету бросил. Не подействовало, конечно, что и говорить. Только вот угледел ростовщик той ночью за окном что-то такое, что сильно его напугало.

Ростовщика этого под утро лишь нашли. Так он у окна и стоял, вытаращив глаза в сереющее на востоке небо и впившись посиневшими пальцами в подоконник. Дрожащие губы его что-то неразборчиво шептали, а голова была седой – белее снега.

И в тот же день слёг ростовщик с самой тяжелейшей лихорадкой. С такой же, какая у его сотоварища была, только сильнее. Дней десять промаялся он, а после и помер совсем. И до самого последнего мига глаза его были устремлены на что-то пугающее, что-то такое страшное, что непонятно делалось: то ли от лихорадки холодный пот с него ручьями льёт, то ли от ужаса. Спрашивали, интересовались, что его так тревожит, но в ответ лишь: «Ничего, ничего, всё в порядке, скоро пройдёт...» Что в порядке? Что пройдёт? Неясно...

Сотоварищ же ростовщика чудесным образом вдруг выздоровел. Прямо в тот же самый день, когда ночной его посетитель в постель слёг. Выздоровел и стал уже один дела вести. Вот так-то вот.

Так что враньё это всё, будто серебряную монету другой заменить можно. Тут вам не рынок, чтобы торговаться; не свинью покупаешь.

Или вот ещё ввали, будто поводка можно к самому себе вызвать. Я не знаю даже, как уж и дураков-то таких назвать, что подобное всерьёз воспринимают. Сами повеситься не могут, что ли?! Да и дешевле, к тому же, на серебряник. Нет, не бывало такого никогда, даже по глупости или рассеянности не бывало. Хотя...

Слышал я об одной странной истории. Будто бы некая девица решила от мачехи избавиться. А та, кстати, расхворалась очень. Ну, падчерица и подсуетилась, тем более, что на её счастье осенью дело было, дожди через день. Всё сделала, как надо – и слова нужные верно произнесла, и монетку, и воду. Ничего не забыла, короче говоря. А кто бы и сомневался в том: её ж самой к утру не стало, падчерицы этой. Мачеха после уже рассказывала, что у девицы какая-то внутренняя болезнь была, неизлечимая очень. Кровью кашляла, грудными болями маялась. И всё равно она бы померла вскорости. Так что мачехина хворь послабее оказалась. И получается, что девица поводка вроде бы за себя попросила, вот оно как.

А что до самого поводка, то тут вот какое дело было. Мачеха не сразу о том сказала: думала, что померещилось ей с хвори или приснилось. Она в ту ночь от звука закрываемого окна проснулась. Вначале спросонья не поняла, кто это со свечой тут, а потом видит: падчерица с пустой кружкой в руке к дверям идёт. Ну, идёт себе и идёт, подумала мачеха, и снова задремала. Но перед тем, как соскользнуть в сон, увидела она ещё, что по комнате движется какая-то тень. Но это была не тень падчерицы – тень той падала на стену напротив. А эта тень двигалась не по стене, а прямо по воздуху. И движения её совсем не повторяли движения падчерицы; как будто бы отбрасывалась она другим человеком – кем-то невидимым, неторопливо идущим от окна к двери – следом за падчерицей.

А потом тень эта сверкнула в сторону мачехи глазами – два тускло-серебряных кругляша, на один короткий миг проступившие на призрачном лоскутке тьмы. А после уж мачеха уснула и проснулась лишь к вечеру следующего дня, когда сиделка опять принялась снадобьями её пичкать. Она-то и поведала ей печальную новость о смерти падчерицы. И через какое-то время мачеха всё постепенно вспомнила, что той ночью было, и поняла, в чём тут дело и от чего эта смерть внезапная.

Так что, можно сказать, не совсем уж это и глупости, будто поводка можно к самому себе вызвать. Но вообще других нелепых слухов вокруг этого много ходило. И больше всего от них тогда пострадал наш старый знакомый – трактирщик.

Не знаю уж, кому первому пришла в голову нелепая выдумка, будто трактирщик с поводка какую-то выгоду имеет. Некоторые даже примерную часть называли – десятина! А находились и такие, что и вовсе уж точную сумму сообщить могли. Ну, а что? Дураков много – чужие деньги считать.

По закону, конечно, запретить человеку получать свою долю с прибыли в общем деле никто не мог, но тогда – по тому же самому закону – выходило так, что само это «общее дело» (если оно вообще было, конечно) есть преступление закона: душегубство же, что там ни говори. Да ещё и не просто душегубство, а при помощи колдовства. И это уж не просто виселицей попахивает, а кое-чем похуже. А раз так, то мигом заинтересовались этой историей и судейские. Так что пришлось нашему трактирщику снова с ними побеседовать.

Выполнить задушевную просьбу и всё честно рассказать трактирщик не мог – мигом бы за колдуна сочли. И пришлось ему во всём отпираться.

Ну, поотпирался он дня три, потом его отпустили, потом он отлежался немного – дней десять, не больше, – и жизнь пошла по-прежнему.

За исключением одной только мелочи: уже сам трактирщик начал задумываться, а за что ему эти вот беспокойства? За золото, что поводок когда-то дал? Так нет его давно уж, золота того – земли немного прикупил, лошадь, новый дом приобрёл с виноградником – своё вино теперь будет... Да и на лечение зятя много очень ушло... на бесполезное лечение, да...

Одним словом, очень огорчительными были эти размышления, очень.

И завершились они тем, что трактирщик решил: раз уж благодаря ему поводок с каждого по серебрянику получает, то неплохо бы и правда с этого дела что-нибудь поиметь, хотя бы ту же самую десятину или пусть даже меньше.

Ну, решить-то он решил, пожалуйста, сиди себе теперь на здоровье с решением этим, сколько влезет. Потому что, если знать хотя бы такую малость, что поводка этого никто и никогда не видел, то непонятно вообще, как же тогда с него свою долю требовать.

Бывало несколько случаев, когда кто-то наблюдал вещи странные, вроде той бредущей через комнату тени, о которой я уже рассказывал. Но самого поводка или внучка его, не к вечеру он будь помянут, – нет, не видел никто, даже сам трактирщик.

Но дело в том, что себя самого трактирщик считал в этой истории особенным, не таким, как все. В том смысле, что он-то, в отличие от остальных, старика-поводка видел, и внука его видел, и даже золото поводковое в руках держал. И может быть, что другому-то с поводком ничего и не обломится, а вот трактирщику наверняка что-нибудь перепадёт. Ведь не расскажи он всё, никто ничего бы и не узнал. И ничего бы не было...

Ни одно окно в дождливую ночь не распахнулось бы. Никто не шептал бы топорливым срывающимся голосом заветные слова. Ни одной монетки не сверкнуло бы на мокрых от дождя камнях мостовой или на напитанной водой деревенской грязи. И ни одной монетки никогда не досталось бы поводку...

Вино чудодейственным образом помогает принимать решения. Особенно решения глупые.

И ничего удивительного в том, что в один из дней после выпитого трактирщик отправился разыскивать поводка, чтобы получить с него звонкой монетой то, что ему – трактирщику – причитается.

Весь этот день шёл дождь, и к ночи он не перестал. В трактире посетителей было немного, а с заходом солнца он и вовсе опустел. Послonyaвшись между столиками и позевав, трактирщик решил выпить вина. Ну, а отчего бы не выпить, если делать нечего? Посетителей нет, постояльцев тоже, доходы в последнее время упали, денег не хватает...

Эх! Встретить бы снова поводка того! Я б ему за то золото столько харчей отвалил бы – вдесятером не сожрать! Чего ж он не появляется-то?! Непонятно... Колодцы они там сидят, что ли... в этой своей Долине... или денег у них нету?..

Да не может быть, чтобы денег не было! По всему Закриарью (да и по Межгорью тоже) слухи про поводковые дела разошлись. Небось, раз десять за ночь кто-нибудь, да и плеснёт из окна водой... сверкнёт в воздухе монетка, закружится-завертится...

А почему бы поводку не поделиться хоть какой-нибудь малостью? Кто бы вообще знал о нём, если б не трактирщик?..

Он как-то пропустил момент, когда оказался на заднем дворе. Только что сидел за столом, горестно подперев голову руками, и вот он уже возле колодца, стоит и зачем-то смотрит на старое засохшее дерево, кажущееся в свете фонаря совершенно чёрным от влаги. Капельки воды висели на ветвях подобно крошечным драгоценным камням. Время от времени то одна из них, то другая срывалась вниз, вспыхивая напоследок маленькой звёздочкой... или серебряной монеткой...

Дождь уже не лил так сильно, как днём. Сейчас он превратился в редкую морось, сырой пылью висевшую в воздухе. И те «пылинки», что попадали в лучи света, посверкивали ледяными искорками – будто, оказавшись на свету, мгновенно замерзали.

Трактирщик прикрыл поплотнее дверь, немного подумал, не загасить ли фонарь, и рассудил, что не стоит. Затем он для чего-то заглянул в колодец и некоторое время пристально следил за серебристой пылью, сыплющейся в чёрную бездонную трубу. Капли дождя были заметны, лишь пока находились в свете фонаря, и казалось, будто над колодцем и чуть ниже суетливо носится рой мошканы. От этого мельтешения темнота в самом колодце делалась плотнее и глубже. И чудилось уже в темноте этой какое-то таинственное движение, неясное, но угадываемое пугающее шевеление. В глубине души возникла и окрепла уверенность, что там, за пределами видимости, ещё миг назад что-то ворочалось, устраивалось поудобнее; а сейчас замерло в ожидании, пока трактирщик наклонится ниже, в попытке разглядеть... чтобы в тот же миг метнуться к нему, схватить, вцепиться костяными пальцами...

Трактирщик выругался вполголоса и отпрянул от колодца, оттолкнувшись от мокрых холодных камней с такой силой, будто хотел отшвырнуть их как можно дальше. Непрерывно оглядываясь на него, трактирщик вышел со двора, миновав просевшие в землю и потому вечно открытые ворота. Кованые железные прутья их были покрыты ржавчиной и мокры от дождя, и трактирщик подумал, что так они могли бы выглядеть, обмажь их кто-нибудь кровью, густой кровью, капающей с завитушек тяжёлыми ленивыми каплями. Трактирщик передёрнул плечами и вышел в узенький глухой переулок. Здесь было уже совершенно темно, свет трактирного фонаря почти не достигал этих сырых стен. Трактирщик на ощупь выбрался на улицу и завертел головой по сторонам, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть.

Здесь не было ни лавок, ни мастерских, поэтому окна нижних этажей не прятались за глухими ставнями, и в двух или трёх из них ещё теплилось пламя свечей. Эти скудные отсветы падали в ночь, выхватывая рой дождевых капель и тускло-стальные лужицы меж камней мостовой. Трактирщик поёжился, надвинул поглубже шляпу и подумал о том, что надо было захватить плащ. Но мрак за спиной – там, откуда он пришёл – был слишком густым и непроглядным, совсем, как в колодце... Нет! Возвращаться за плащом он не станет...

Хорошо, но куда же ему тогда идти? Ведь просто стоять тут не имеет никакого смысла – с чего он взял, будто поводка позовут из этого окна? Или вот из этого. Или из того...

Трактирщик вдруг остро почувствовал всю глупость своей затеи. Кроме того, он некстати вспомнил о грабителях и ночной страже. Грабителей, сказать откровенно,

он не слишком опасался; в своём квартале его все хорошо знали, и вряд ли к нему кто-нибудь полезет. А вот стражники – это другое дело, эти и забрать или даже прибить могут. Хотя, если крепко подумать, стражники тоже люди, и в дождь наверняка выбрали себе занятие посуше, нежели шляться по улицам. Так что можно, наверное, не беспокоиться, иди себе, куда хочешь. Вопрос только – куда? В самом деле, не станет же он бродить всю ночь по улице в надежде...

Трактирщик вздрогнул. Ему показалось, что где-то впереди хлопнуло окно. Этот звук подействовал на него, как удар кнута. Ему уже чудилось, что за шумом дождя он различает сбивающийся шёпоток. Трактирщик метнулся на звук, пробежал несколько шагов, заозирался. Которое же это было окно? Все закрыты!..

В окне по левую руку мигнула и погасла свеча. Трактирщик дёрнулся, подскочил к нему и попытался разглядеть, что там, внутри дома, происходит.

– А я вот щас те рыло-то намну!.. – с угрозой донеслось из окна.

Трактирщик быстренько отошёл, пока хозяин дома не решил привести свою угрозу в исполнение. И куда же теперь идти?

Словно в ответ на эти мысли распахнулось окно прямо над его головой. И...

Трактирщик, не веря в свою удачу, как зачарованный смотрел на силуэт хрупкой девушки, возникший в окне. Он не видел, как шевелятся её губы, но очень хорошо представлял себе это. И в ушах сами собой зазвучали произносимые ею слова.

А потом она протянула руку, и трактирщик скорее догадался, чем увидел, как она выплёскивает воду из кружки. Но вот монету он разглядел хорошо, несмотря на темноту. Трактирщик жадно следил взглядом за её полётом. Он уже видел, что монета должна была упасть на камни мостовой прямо у его ног. Но этого не произошло.

Трактирщик еле сдержал полный изумления крик. Всё выглядело так, словно невидимая цепкая рука протянулась откуда-то из невообразимой дали, подхватила монету прямо в воздухе, сжала её в кулаке и канула неведомо куда. А через миг трактирщик внезапно понял, что руку эту он себе не вообразил – он видел её, и правда видел! То есть, если бы дело до того дошло, он, скорее всего, не отважился бы поклясться, что на самом деле её видел – вот как вы все сейчас видите меня, например. Нет, он видел это всё как-то иначе, не глазами, а будто бы душой. И это не было миражом или мороком, и это ему отнюдь не примерещилось. Он, можно так сказать, знал это, был в этом уверен. И не только руку видел он, но и два таких знакомых серебристых глаза, холодно смотрящих на него из темноты. Видение было коротким, но и от него похолодело в груди.

Трактирщик попятился, уперся спиной в сырую стену и, нашаривая по ней руками дорогу, мелкими шажками быстро двинулся обратно. Чёрная пасть переулка, ведущего к заднему двору трактира, казалась ему сейчас безопаснее улицы, на которой творится подобное...

Оказавшись там, трактирщик развернулся и двинулся спиной вперёд – очень уж жутко было ему оставлять позади себя этот холодный взгляд. Пятясь, он споткнулся о торчащий из земли камень и едва не упал. Уцепившись за стену, он остановился и перевёл дух. Отсюда выход к улице казался далёким и тёмным. Во всех окнах там уже загасили свечи, тьма полностью залила каменное русло меж домами, и сейчас улица ничем не отличалась от колодца на заднем дворе...

Трактирщик судорожно сглотнул и двинулся дальше. Шаг, другой третий... Вот уже и ворота, и фонарь горит у дверей; свет от него такой тёплый, такой уютный... Но сейчас почему-то кажется, что воротные прутья и правда перемазаны кровью. И с каждым мигмом кровь эта делается всё темнее, будто подсыхая, сворачиваясь... Но – нет! Это просто темнота подбирается ближе!.. Она, словно густая чёрная жижа, уже вдавливаются через ворота во двор. Она заполняет пространство, заливая всё вокруг, накатываясь на трактирщика тягучей влажной волной. Она всё ближе и ближе. И под напором этого мрака начинает уже мерцать и ёжиться огонь в фонаре.

Кое-как совладав с собой, трактирщик ввалился в кухню. И, захлопывая дверь, наваливаясь на неё всем телом, трактирщик успел увидеть, как, мигнув в последний раз, гаснет фонарь снаружи. И, уже заперев щеколду, он услышал, как в затопившей двор бесконечной тьме прозвучал негромкий смешок.

И тогда трактирщик не выдержал и закричал.

Звук собственного голоса немного отрезвил его. Он понял, что стоит в кухне, и с него прямо на пол стекают целые потоки воды. Это всё дождь, подумал он. Просто дождь. Не было никакого смешка за дверью. А фонарь – фонарь сам погас, не может же он сутками напролёт гореть, верно? И в колодце ничего такого не было. И на воротных прутьях – только мокрая ржавчина. Что же до монеты... ну, не увидел он, как та падает – поди, увидь тут чего, в такую-то темень, да ещё в дождь, да ещё спьяну... Кстати, выпить бы ещё, а то простужусь...

Успокоив себя таким образом, трактирщик хлебнул немного вина и отправился спать, порешив завтра вообще не открывать трактира. Но надо сказать, что это ночное приключение не прошло для него совершенно бесследно.

С того самого дня начал замечать наш трактирщик очень странные вещи вокруг себя. Бывало, зайдёт в трактир посетитель или там на постой комнату кто из приезжих снимет, а трактирщик уже знает, вызывал ли тот к кому из близких своих поводка или нет. Сразу узнаёт, по глазам их видит – глаза таких людей казались трактирщику белёсыми, мёртвыми, словно тусклой серебряной пылью припорошенные. Причём другие люди ничего подобного в глазах у них не замечали, трактирщик специально и поварёнка просил взглянуть, и дочке поручал внимание обратить. Но те ничего не видели – глаза как глаза, иногда пьяные, иногда глупые, иногда злые или добрые. Вот тебе и все ответы.

Не ясно, как именно трактирщик понял это про них, просто узнал или догадался – и всё! Разок-другой, будучи в мрачном настроении, он прямо в лоб возьми да и спроси у таких, к кому же они поводка приглашали. Те, понятное дело, сразу же принимались отнекиваться, строить изумлённые лица, глазами убедительно так хлопать. Мол, какой такой поводок?! Не знаю я никаких поводков!

Трактирщик даже и не спорил с ними. И слепому понятно было, что врут. Хотя бы по тому, как от этого вопроса они вздрагивали, вскидывались, словно огретая хлыстом лошадь.

Трактирщик и себя самого несколько дней в зеркале разглядывал. Ведь он был первым, кто поводка вызвал. Но его глаза ничем не походили на глаза других; его глаза по-прежнему оставались живыми, хотя и взволнованными, но без мутноватой серебристой пелены. Он и к дочери приставал, чтобы та в глаза ему посмотрела – нет ли там чего такого, не серебрится ли. Но ничего там не было, всегдашние чистые глаза, только что слишком часто пьяные в последнее время.

Это всё было первой странностью, подмеченной трактирщиком. Вторая же странность была ещё более удивительной. И для нашего трактирщика она имела самые роковые последствия. Обнаружил он её в первый же дождливый день, а заключалась она в следующем.

Едва первые капли дождя упали на землю, как трактирщику вдруг привиделся какой-то совершенно не знакомый дом. Видение было настолько ярким, как если бы он смотрел на него в ясный вечер через открытое окно. Но за окном ничего такого и в помине не было – трактирщик специально выглянул, чтобы проверить, хотя этого и не требовалось совсем. Однако стоило ему лишь на миг прикрыть глаза, как видение вернулось.

Ничего не было в нём такого, что хоть как-то давало бы понять, где этот дом находится. Но трактирщик почему-то сразу решил, что расположен он здесь, в Кашиоре, в западной части города. И сразу же увидел и то, как к нему добраться.

Зачем? Зачем ему вообще туда идти?!

А затем, что сегодня туда кто-то поводка позовёт. Не прямо сейчас, понятное дело, – ночью. Не самой глубокой, так что хорошо бы туда заранее отправиться...

Ещё до наступления темноты трактирщик был на месте. Он легко отыскал нужный дом и встал так, чтобы его не было видно.

Стемнело быстро. Трактирщик, закутавшись в плащ и низко надвинув капюшон, не отводил взгляда от окон. Фонарь у дверей соседней лавки хорошо освещал стену дома, оставляя в темноте подворотню, где прятался трактирщик. И как раз в тот самый момент, когда хозяин лавки вышел уже загасить фонарь, это и случилось.

Последние отблески света выхватили из темноты распахнувшееся окно и мелькнувшую в воздухе монету. А потом – снова, как и в прошлый раз, метнулась к ней рука, чернее окружавшей её тьмы...

Фонарь у лавки погас, и наступила полная темнота. Но трактирщик отступил ещё глубже в тень, потом развернулся и припустился домой. Пробежав две или три улицы, он сбавил шаг. В самом деле, чего это он вздумал удирать?! Он же собирался с поводком повидаться!

Но ведь не было его опять, поводка этого. Опять не самолично пришёл, а то ли внука своего нехорошего послал, то ли из самой Пустынной Долины руки свои загребушие сюда тянет как-то.

«А вот подхватить монету на лету! – обмирая то ли от холода, то ли от столь отчаянных мыслей, подумал трактирщик. – Раньше него схватить! Вот тогда и посмотрим! Сам меня искать будет, поводок этот! А то, лови его тут – ночью, под дождём...»

С того вечера ни одной дождливой ночи не пропускал трактирщик. Оставлял заведение своё на дочку, да и бежал-спешил успеть за серебром раньше поводка. И каждый раз он чувствовал и знал, в каком доме распахнётся окно, чтобы слова заветные в ночь выплеснуть. И вскоре начал он чувствовать это уже загодя, а не с началом дождя; мог и за два-три дня понять, куда направляться нужно.

Дочка рассказывала, что уходил он всегда очень возбуждённый и суетливый, с горящим взором – совсем, как юнец, спешащий на своё первое свидание с подругой. А возвращался всегда хмурый и злой. Плечи опущены, брови нахмурены, рывкает в ответ на любой вопрос, а потом выпивает вина, да и спать. И не спросит даже, всё ли в порядке, не случилось ли чего в трактире в его отсутствие.

Потом он уже на два-три дня пропадать стал, а иногда и на дольше. В другие города уезжал – в Акару, в Тиоар или Даглар, а то и в сам Кагоар даже. Говорил, что по важным делам. Врал, конечно. Какие у него там важные дела могут быть?

Возвращался он из своих отлучек всегда разочарованным. Выпивал всё чаще и чаще. И постоянно ворчал себе под нос что-то невразумительное, да ещё и с угрозой такой: «Ничего, в следующий раз обязательно поймаю... раньше тебя поймаю...»

Надо сказать, что дочку устраивали эти частые и длительные отсутствия отца. Хватка у неё, видать, всегда была, а теперь она и применение ей отыскала; и дела в трактире пошли не в пример лучше. Посетителей сделалось больше: на молодую и красивую вдову посмотреть, да ещё и вина хорошего (неразбавленного водой) выпить – приятнее же, чем на хмурую рожу трактирщика любоваться. Так что, пусть уж его, ездит себе, где хочет и сколько хочет. И без него дела идут, и даже ещё лучше.

Ещё одну странность тоже лучше сейчас прямо упомянуть, а то забуду. Дело в том, что во время своих ночных прогулок трактирщик ни разу не имел неприятностей ни с грабителями, ни с ночными патрулями. Хотя часто приходилось ему бывать по ночам в таких кварталах, где и днём-то зарезать могут, и куда даже патруль заходить не рискует. Несколько раз трактирщик становился свидетелем поножовщины меж разбойниками, а иногда и видел даже, как прохожих грабят и режут – прямо рядом с ним случалось, рукой подать. Однако никто на него внимания не обращал, словно и не было его тут. Сам трактирщик в эти дела не лез – не его же режут, – хотя по-

началу и нервничал очень, видя такое преступление закона. Или же наоборот, соблюдение его – это когда стражники успевали вовремя или когда они просто кого-то задерживали, а то и в драку с нарушителями вступали. Стража тоже трактирщика словно бы не видела. Он сперва, как я уже говорил, шалел малость от такого, а потом ничего, привык. Иной раз, торопясь к нужному дому, даже мог ненароком задеть плечом какого-нибудь офицера. Так тот остановится, башкой по сторонам повертит, орла на рукаве камзола ладонью потрёт, да и пожмёт плечами. И дальше себе пойдёт, не поняв ничего. И так до самого конца истории это всё и продолжалось.

В ту последнюю ночь трактирщик вдруг засобирался в новый их дом, что при виноградниках находился. Работниками там были два брата, живших в пристройке и заодно охранявших хозяйство. За какой надобностью трактирщика туда понесло, дочка не знала, да и не хотела знать. Отец, собираясь, брякнул чужь какую-то, что один из работников, похоже, тяжело захворал. Дочка лишь плечами пожала. Опять ведь врёт. А если даже и впрямь захворал, отцу-то какая до того печаль? Он что, лекарь?

А дело обстояло таким образом, что один из работников – старший брат который – и правда сильно занедужил. Неприятность с ним случилась, ножом пырнули. Услышали братья как-то ночью шум подозрительный в доме. Выглянули – так и есть, воры! Братья шуганули их как следует, те – бежать. А старший брат увлётся, разгорячённый победой, да и решил одного из них поймать и связать. А у того нож. Ну, и дальше понятно уж.

Поначалу решили, что рана неопасная, но потом она воспалилась, горячка началась. И через пять дней старший брат уже с постели встать не мог.

Все работы по дому и винограднику свалились на младшего. Да ещё и заботы о больном брате, которого он, надо признать, недолюбливал за что-то. Не знаю уж, за что: то ли тот поколачивал его в силу своего старшинства, то ли девку у него когда-то отбил, то ли в дележе заработка нечестен был с ним – не знаю, да и неважно это. Другое важно: больной очень уж раздражающе мешал младшему брату. Да и если подумать, то сейчас младший со всеми работами в одиночку справляется, и неплохо справляется. Так что живи и работай он тут один, да если б ещё и на больного денег не тратить, то может быть, и жениться бы смог. И жалеть ли ради такого дела одного-единственного серебряника?

О поводке младший брат давно знал, хотя и не верил в эти сказки, конечно же. Мало ли, какие слухи по миру ходят, что же теперь, всем им верить, что ли? Но, с другой стороны, что же теперь, никаким не верить? Глупые сказки, но кто мешает попробовать? Хотя бы для того, чтобы убедиться: наврали всё. Кто мешает-то? Совесть?

Но совесть-то тут при чём?! Из-за пустых слухов совеститься? А если слухи не окажутся пустыми, если этот сказочный поводок и правда существует – так кто ж знал-то! Случайность просто. Взяли, понимаешь ли, манеру – за всякую ерунду совестью в глаза тыкать. Ох, и много же нынче в мире людей, готовых попрекнуть других за то, что те хотят жить по-своему, а не как попрекающим желается.

Да и не переживал младший брат насчёт совести-то. Больному всё равно помирать, рана оказалась очень нехорошей, он уж и в сознание не приходит. И лекарь, приглашённый на последние деньги, тоже заявил, что помрёт обязательно, ещё до весны... То есть так выходит, что всю зиму-то он ещё может и проболеть, на шее младшего брата...

И получается, что помирать хворому непременно. А уж зимой ли, весной ли или прямо сейчас, осенью, – велика ли разница?

И разве младшего брата вина перед старшим, что того ножом пырнули? Не погнался бы воров догонять – не пырнули бы. На младшего-то за что это всё навалилось? Разве сиделка он брату своему, разве сторож? И не надо опять про совесть мне тут! Нашли, о чём в нынешнее время рассуждать – о совести!

В общем, подумал младший брат немного – совсем немного, – и решился. А тут как раз кстати и дождичек накрапывать начал. Правда, хозяин сегодня зачем-то припёрся, но ничего так особо не требовал, и ужина не велел готовить. И в виноградники не заглянул, хотя обычно по приезду всегда обходил их – осматривал, поглаживал, даже, кажется, разговаривал с каждой лозой. А тут – прямо в дом прошёл и не посмотрел на них, любимых.

Вообще младшему брату показалось, что хозяин торопился отослать его из дома. Про брата старшего, кстати, спросил: о здоровье его справился, велел к нему побыстрее идти... откуда он вообще узнал, что брат хворает?..

Но ответа на этот вопрос младший брат так и не получил. Он вообще никогда больше не слышал и не видел трактирщика живым. Впрочем, нет – вру я, старый. Один разок он хозяина слышал, хотя и не сразу догадался, что это голос именно трактирщика. Это совсем уж поздней ночью случилось.

Хотя младший брат и не особо верил сказкам о поводке, но всё же ему немного боязно было всё это проделывать – с монетой и водой. Ведь тогда получится, что он всё-таки верит в это. Потому что, если не верит, то зачем тогда вообще взялся? А если верит...

Младший брат понял, что окончательно запутался. Верит, не верит... Какая разница, если он уже всё решил? Дальше откладывать – только оттягивать неизбежное. Время давно за полночь, ещё немного, и светать начнёт. И дождь, похоже, кончается, уже еле-еле капает...

Младший брат порылся в полотняном кошельке, где хранились все их сбережения, и отыскал там серебряную монетку. Потом зачерпнул кружкой воды из стоявшего на лавке ведра и бросил её туда. Заглянув в кружку, он зачем-то покачал её из стороны в сторону, словно ожидая, что монета растворится. Затем глубоко вздохнул (вдох у него получился тяжким и скорбным, как на похоронах) и подошёл к окну.

Старший брат лежал на койке неподвижно, дыхание его было прерывистым и неглубоким. Младший брат осторожно открыл окно, торопливо прошептал нужные слова и выплеснул воду. Рука его дёрнулась, и струя воды из кружки, унося с собой монету, улетела куда-то вбок. Младший брат хотел было выглянуть посмотреть, куда она упала. С какой такой дури ему этого захотелось – не знаю уж. Но очень хорошо, что ни выглянуть, ни посмотреть он не успел. А то, может быть, так и лёг бы бездыханным возле брата своего.

– Поймал!!! – хрипло заорал торжествующий голос под окном.

«Поводок!.. – холодея, подумал младший брат. – И правда, поводок! Сам!!!»

Захлопнув окно с такой силой, что едва не переломал себе пальцы, он попятился к койке, тяжело рухнул на неё задницей и замер. Взгляд его был прикован к койке старшего брата, стоявшей у противоположной стены. Большой судорожно втягивал носом воздух, словно ребёнок, успокаивающийся после долгой истерики и слёз. Непонятно, зачем, но младший брат принялся считать его вздохи.

Он считал и всё ждал, что следующий вздох станет последним. И когда он досчитал до трёх тысяч, а первые лучи солнца упали на чисто выскобленный пол комнаты, то понял, что этого не случится.

Соврали, значит, глупые сказки. Нет никакого поводка. Понавыдумывали, понимаешь, всякой ерунды, да и носят её по кабакам, за глоток вина умных развлекать да над дураками потешать.

Но кого же тогда он слышал нынешней ночью? Кто-то же заорал прямо под окном: «Поймал!..» Кто, если не дедок-поводок? И ведь голос был знакомый очень. Не, не может такого быть. Он ведь поводка никогда не видел, откуда же знакомый! Просто очень похож на чей-то... На голос хозяина, вот на чей!

Младший брат обмер. Не может быть, чтобы поводком был сам хозяин.

А почему не может? Ходят ведь такие слухи, что как раз с его трактира это всё

и пошло. Кто-то даже рассказывал, будто трактирщик с поводка десятину имеет. И ведь хозяин как раз вчера под вечер заявился, как раз к дождичку.

Младший брат почувствовал, как по спине его струйками стекает холодный пот. Внезапно узнать о своём хозяине такое – в это даже и поверить жутко. А вдруг он завтра потребует вместо него хворых забирать, а? Или... или ещё что-нибудь такое...

Мысли в голове младшего брата путались. Он вдруг сообразил, что солнце уже высоко, а хозяин завтрака не требует. Не иначе, как уехал. И ведь сам уехал, даже коня сам седлал. Тишком всё, тишком, чтобы никто не видел...

Погоди-ка! Но ведь тогда получается, что поводок и правда существует.

И вот прямо сейчас, прямо минувшей ночью он деньги взял, а работу-то не исполнил! Брат ведь до сих пор жив!

И не иначе, как все деньги свои он где-то в доме прячет. Или нет? Или ещё где-то? Не, ну не в трактире же он их держит. Ведь и воры сюда зачем-то же лезли.

А вот пойти и прямо сейчас поискать! Пока хозяина нет...

Младший брат решительно встал, вышел из пристройки и направился к дому. Он был так озабочен предстоящими поисками денег, что не обратил внимания на то, что хозяйская лошадь до сих пор в конюшне. И на то, что входная дверь дома не заперта, он тоже никак не отреагировал. Он спешил за серебром. Ему чужого не надо, свой серебряник вернуть – и хватит с него. И начать поиски он решил со спальни хозяина на верхнем этаже.

Там-то он как раз всё и нашёл – и деньги, и хозяина своего.

Дочери трактирщика новость об отце сообщил крестьянин, приехавший в город с товаром на продажу. Дочка вначале и не поняла, что он там такое говорит.

– Что значит: деньгами обожрался? – гаркнула она на крестьянина. – Что ты плетёшь!

– Чего велено было передать, то и говорю, – безразлично зевнул крестьянин.

– Ну, пойду я, пора мне...

Дочка к их новому дому добралась ещё до полудня. Отца она нашла быстро.

Трактирщик лежал на кровати прямо в плаще, и плащ этот, да и вся одежда его, промокли насквозь, словно он с моста в пруд упал. Вся комната была залита водой, как будто отец для чего-то ведер десять по полу расплескал.

Рот трактирщика был широко открыт, и дочка поначалу не поняла, что со ртом его не так. Ей показалось, что во рту у отца то ли мелкая нечищенная рыба в чешуе, то ли каша какая-то. Но, приглядевшись, она разобрала, что это деньги.

Да, рот трактирщика до отказа был набит серебряными монетами, аж щёки раздулись. Можно было подумать, что их туда силой напихали, под пытками, если бы не глаза.

Глаза трактирщика были открыты. И дочка с опаской заглянула в них. Она ожидала увидеть там предсмертный страх и мутный туман, что почти сразу же затапливает зрачки умерших. Но увидела она совершенно иное.

Взгляд трактирщика продолжал оставаться живым, ясным и чистым. И самое удивительное, что в глазах этих хорошо читалась радость. Как будто он увидел то, что давно ожидал, о чём долго мечтал. И даже после смерти продолжал видеть это; может быть, отправившись именно туда, куда ему всегда мечталось.

Наёмных работников дочка нашла, как и ожидала, в пристройке. Старший брат лежал на койке и, казалось, едва дышал. Лоб его был усыпан крупными каплями пота. Лицо побелело, губы казались совершенно серыми. Младший брат стоял возле него на коленях, держал старшего за руку и выглядел ничуть не лучше. И он беспрерывно что-то негромко и неразборчиво говорил, говорил, говорил.

Дочка прислушалась и поняла, что младший брат за что-то вымаливает у старшего прощение. Речь его сбивалась, он всхлипывал и часто повторял одно и то же, но яснее от повторов этих не становилось.

Дочь трактирщика испугалась, что он умом тронулся. Ведь это ж теперь выгонять его придётся. То есть не его даже, а их обоих. И сумасшедшего, и тяжелобольного... На душе у неё так паршиво сделалось, что и не передать. Отец, эти ещё тут... а потом ещё и новых работников нанимать... да и от прежних-то избавиться тоже, наверное, нелегко будет...

«Ну, если и правда выгонять, то не прямо сейчас, – подумала она. – Подождать денёк-другой можно, пусть пока тут поживут...»

И хорошо, что не поторопилась, кстати. Потому как младший брат уже на следующий день в себя пришёл. И с похоронами даже помогал. Так и решила она, что пусть уж прежние работники остаются. Не известно, как там раньше было, но при новой хозяйке младший брат показал себя работником добросовестным, старательным и умелым. Да и к тому же вскоре он почему-то пить бросил совершенно. В последний раз на похоронах старшего брата кувшин опорожнил. Видевшие рассказывали, что младший брат всё плакал да всхлипывал, и говорил, что едва он могилу землёй забрасывать начал, как оттуда вдруг хрипло как крикнет кто-то: «Пой-мал!..» Спяну чего не сбрешешь, конечно. Но вот с того-то самого дня он пить и бросил, совершенно. И правильно сделал, я считаю. Если подобное мерещится, то пить дальше никак нельзя, это точно. А старший брат его, кстати, ещё до зимы помер-то. Сам помер, безо всяких там поводков справился.

Трактиром же и виноградниками стала заправлять дочка старого трактирщика. Дела у неё хорошо шли, многие даже завидовали. И вот, кстати, из зависти этой, может быть, слухи-то и начали рождаться. Что делать, чужие деньги часто людям покоя не дают. А уж что сочиняли-то, что сочиняли! Такие небылицы складывали, что только руками развести – и какие дураки в это верят?!

Например, ввали про трактирщицу, будто она отца своего не схоронила, а припрятала где-то. И теперь ночами посылает его у поводка деньги таскать. Отсюда, мол, и все доходы её, а не из трактира и не от продажи вина.

Вот что сочиняли, видите? Кто вина того пробовал, очень этим глупостям удивлялся. Вино хорошее, многие берут. Хозяйка, в отличие от отца её, водой не разбавляет. Почему бы не быть от такой торговли большим доходам?

И потом, поди отбери у поводка денег. Старый трактирщик вот, отобрал уже... теперь о нём тоже сказки рассказывают... Да и откуда у поводка такие деньги? Ведь чтобы столько серебра заполучить, сколько трактирщица, поводку пришлось бы полстраны угробить. Ладно бы монеток хоть по тридцать он брал, а по серебрянику с человека – какой же это доход? Да и не из-за денег это всё поводок затевал, понимать надо.

А что трактирщица будто отца не схоронила, будто могила его пуста – вообще глупость несусветная. Чтобы самому убедиться в этом, достаточно на могилу старого трактирщика сходить. Особенно если в нарождающуюся луну это сделать.

В такую ночь на кладбище темнее всего, лунный свет обманчивыми лучами своими не отвлекает, и можно понять, что на могиле трактирщика творится. Видно, как от земли кладбищенской лёгкий такой парок поднимается, словно от горячей воды зимой. Поднимается он, значит, и не в небо тянется, а к могиле трактирщика струится. И там, прямо возле камня могильного, собирается в плотный комок, в слегка лучащийся бледным светом сгусток. В луну – особенно в полную – этого светящегося тумана не видать, лунный свет мешает. А в безлунье это всё хорошо различимо: и как густится на могиле бледная тень, напоминающая сидящего на корточках паренька; и как она поскверкивает по сторонам холодными серебрястыми глазами – словно охраняя и могилу, и того, кто там лежит, от посягательств всяких.

Вы вот сами посудите, могло бы такое происходить, будь могила пустой? Кто бы там над могилой трактирщицовой ни сидел – хоть внучок, хоть кто другой, – он что, дурак, что ли, пустую яму беречь? Вот то-то и оно!

Те, у кого с воображением совсем хорошо было, те вообще байки плели, что трактирщица схоронить-то отца схоронила, но голову его себе оставила. С серебром, понятное дело, что во рту находилось. Она, мол, по монетке оттуда достаёт, а серебро-то никак не кончается, пасть мёртвая вечно деньгами полна.

Один дурак проверить решил. Умный такой дурак, очень обстоятельно к делу подошёл, ничего не скажешь. Специально комнату в трактире снял; специально дождался, пока хозяйка на виноградники уедет, оставив трактир на слугу, что по кухне помогал. Этот слуга-то первым на его крики и прибежал.

Дурак-то тот ночью в комнату к хозяйке забрался и принялся голову искать. А потом уверял, что нашёл, что хотел изо рта денег достать, и что голова эта его цапнула.

Ну, видели люди эту его руку. Да, двух пальцев нету – и что? Мало ли, где он их потерять мог?

Слуга, правда, что на крик прибежал, рассказывал после, будто слышал, как по хозяйской комнате катается что-то. Он так решил, что это шар деревянный. Почему шар? Почему деревянный? Тьфу! Слуга тот, видать, тоже не великого ума оказался. А с дураков что взять? Будет голова при таких-то деньгах во рту по комнате раскатывать, да ещё каждого встречного за грязные пальцы кусать.

Ещё болтали, будто никакого деда во всей этой истории и не было вовсе, а был один лишь только внучок умерший, и что это всё его проделки. Он, дескать, и хвосты забирал, и людям мерещился, и за деда себя выдавал.

Вот это уж вообще и объяснять не хочется даже. Чей же он тогда внучок, если никакого деда не было? Не-е-ет, был дедок, был. Хотя, конечно, хорошего от него на свете не много осталось. Но это уж у кого как получится: дедушки – они ведь разные бывают; я в самом начале говорил вам уже.

Был дедок-поводок и до сих пор никуда не делся. Так это и знайте. И если вы всё правильно запомнили, что я вам тут рассказал, имейте это в виду... это я про воду, монетку, про то, какие слова говорить надо, и чтобы дождик непременно...

Ну, а с совестью своей – это вы уж сами как-нибудь договаривайтесь. Главное, чтобы было, с чем договариваться-то...

Декабрь, 2020.

ИФТИХАР ПИРИЕВ

Величие личности, сформировавшейся в созвездии нечеткой логики

*Тот кто не научился у жизни ничему,
не научится ни у какого учителя!*

Рудаки

Человек и Время – Время и Личность – Личность и Цели – Цели и Поступки – Поступки и их Значимость – Значимость и Величие – Величие и Совесть – Совесть и Человек!.. Все эти понятия связаны между собой, как формулы математических уравнений.

«Создает человека природа, но развивает и образует его общество» (В.Г. Белинский). Однако важную роль в формировании личности играет генетика и те черты, которые человек приобретает в утробе матери. Этот критерий включает в себя также аспект мышления, нашедший себя в области человеческого сознания. То есть люди, думающие неодинаково, выражают себя, основываясь на собственном познании мира и его осмысления. В этом отношении реализующие себя посредством четкой логики и те, кто живет и творит с позиции нечеткой логики, всегда занимают разную точку зрения и постоянно находятся в открытом противостоянии. Диапазон четкой логики имеет свой предел, рамки нечеткой логики безграничны. Вот почему люди с четкой логикой никогда не могут выйти за пределы конкретики, а те, кто руководствуются нечеткой логикой, имеют возможность сколько угодно парить в пространстве, расправив свои крылья. Вторые, обладая многогранным творческим потенциалом, способны совершенствоваться как свои индивидуальные творческие возможности, так и развиваться как личность в целом. Классические примеры в итоге сами по себе становятся образцовыми. Но порожденные нечеткой логикой они оттачиваются и шлифуются своей красочностью, многогранной философской глубиной и разносторонним творческим потенциалом в такой степени, что в результате вырисовывается бесконечная дорога, которая постоянно ведет человека вперед.

На протяжении всего творческого существования, внося неоценимый вклад в развитие национального театрального искусства, Иреванский государственный азербайджанский драматический театр имени Джафара Джаббарлы, благодаря своим знаменитым мастерам сцены и самоотверженным творческим деятелям сумел достичь высоких вершин и оставить глубокий след в истории театра. Вместе с тем, Иреванский театр смог достойно представить азербайджанское театральное искусство в государстве под названием Армения, созданном на древней тюркской земле в городе Иреван, в сложнейших условиях, преодолевая все препятствия, среди нации, занимающей предвзятую позицию по отношению к нашему народу,

Не самую последнюю роль в достижении такого высокого уровня служения Мельпомене, наряду с корифеями искусства, сыграли и выдающиеся руководители театра, глубоко знавшие его механизм с момента основания. Даже наоборот, я бы сказал, что исключительно благодаря умным, способным, талантливым, тонко мыслящим руководителям, которые смогли настолько правильно и умело организовать принцип работы, этот театр достиг такой высокой ступени развития и ему способствовал успех. Именно поэтому нашим соотечественникам, проживающим в Армении и посвятившим

себя высокому служению театру и искусству, в атмосфере предвзятости и враждебности со стороны армян удалось сохранить свой высокий профессионализм.

Если жизнь в Армении и среди армян требовала самоотверженности, то целенаправленная деятельность Гидаята (Оруджева Гидаята Худушоглу), который еще в юном возрасте взял на себя всю ответственность за эту самоотверженность и продолжает нести ее до сих пор, проделав на своем пути огромную работу и став сильной и яркой личностью. Он управлял Иреванской культурно-художественной средой, а в 1967-1984 годах руководил Иреванским театром и являлся примером мужества, требовавшей большой выдержки и воли.

Один из ярчайших представителей азербайджанской интеллигенции Гидаят Оруджев был известен как выдающаяся личность и уважаемый человек не только в Армении, но и в Азербайджане. При нем авторитет Иреванского театра достиг таких масштабов, а его творческое кредо возвысило иреванскую творческую среду до такого уровня, что он, как сторонник западных азербайджанцев, стал предметом постоянного беспокойства армянских националистов.

Гидаят имеет широкий взгляд на мир, его поле зрения многогранно и красочно, а мозаичность его творчества доказывает, что он обладает нечеткой логикой, и эта особенность сделала его зрелой личностью и дала возможность достичь уровня идеального человека. Гидаят – журналист, поэт, прозаик, публицист, драматург, видный государственный, театральный и общественный деятель, компетентный дипломат, смелое перо которого украшает его творчество. Он настоящий интеллигент, пламенный патриот, искренне преданный своей Родине, государству и нации.

Как отмечал академик Низами Джафаров: «...В период, когда настойчиво пытались доказать, что демонстрирующие в литературных произведениях почти исчезнувшую, беззаботную жизнь, мягкотелость (собственно бесхарактерность!) литературных героев (и личностей вообще!) писатели и сами должны быть такими, сильная, мощная личность Гидаята, стоящая за его естественным и искренним творчеством, ярко проявилась не только в его художественном, но и в общественно-политическом «Я» уже с тех лет, когда он жил и работал в Армении».

Все эти качества могут быть сконцентрированы в одной личности только в том случае, когда внутренний мир этого человека не ограничен в своих возможностях, скорее наоборот, открыт для широкого постижения. Так вот мышление и восприятие Гидаят-муаллима также способны расправить крылья именно в широком пространстве. А такие возможности, как мы уже говорили, принадлежат только обладателям нечеткой логики. Основатель «Теории нечеткой логики» Лютфи Заде своей теорией доказал, что скорость неконкретизированных ответов высока, а их путь бесконечен.

К примеру, в одном из своих стихотворений поэт пишет:

*Между нами было доверие,
Это, может, была священная ложь,
Мы помнили утром, мы помнили вечером,
Что дважды два... шесть, как ни умножь.*

Прежде всего обратим внимание на первые две строки. Противопоставляя друг другу «доверие» и «ложь», перенося эти понятия в плоскость священных чувств, удерживая их на уровне равенства, суметь убедить читателя в том, что не соответствует истине, рождается именно от нечеткой логики. Следующие две строки тоже ясно подтверждают, что они являются продуктом именно нечеткой логики. То есть, твердо зная, что дважды два равно четырем, автор утверждает – «шесть». Это означает, что если ответ равнозначных чисел может превзойти свою собственную истину, то значит перед нами открывается широкое поле возможностей. Автор посылает читателю ясное сообщение о том, что он обладатель нечеткой логики.

В драматургии Гидаята также не остается без внимания тот факт, что он владеет нечеткой логикой. Несмотря на то, что он пришел в литературу с произведениями, написанными в классической форме, не все его произведения ограничиваются рамками конкретных событий. Хотя комедия автора «Люди мира сего» по сути и не является абсурдной комедией, тем не менее абсурдный исход ее финала показывает, что она способна содержать в себе ростки абсурдных элементов. А абсурдизм – это продукт нечеткой логики.

В 1951 году руководство Армянской Советской Социалистической Республики, всегда занимавшее враждебную позицию по отношению к нашему народу, добилось закрытия Иреванского азербайджанского театра, основанного в 1928 году. Однако в 1967 году власти были вынуждены издать распоряжение о восстановлении этого древнего храма искусства, чему способствовала инициатива местной интеллигенции и усилия Азербайджанской Советской Социалистической Республики.

Но армянские националисты, сожалея об этом шаге, посеяли семена раздора в сформировавшийся за короткое время коллектив театра. В результате некомпетентности тогдашнего неумелого руководства, не сумевшего разобраться в этой целенаправленной политике, коллектив театра стал стремительно распадаться. С другой стороны, эту ситуацию усугубляло то, что правящие круги Армении не обеспечили приглашенных из Азербайджана актеров обещанными социальными условиями.

После того, как армяне полностью уверились в том, что угроза развала театра неизбежна, с целью пустить пыль в глаза, они стали демонстрировать свою якобы заинтересованность в продолжении деятельности театра. Фактически армянские правительственные чиновники-националисты вели хитрую игру. Только что начавший свою журналистскую деятельность в единственной в Армении азербайджаноязычной газете «Советская Армения», являвшейся органом Коммунистической партии этой республики, и подающий большие надежды молодой, талантливый журналист Гидаят Оруджев, не имеющий никакой компетенции в театральной сфере, был отлучен от его любимой профессии и назначен руководителем Иреванского театра.

На самом деле, не каждый, кто оказался бы на месте молодого Гидаята, занимавшего хорошее место в редакции, пользующейся большим авторитетом в республике, сумел бы бросить все и уйти на руководящую должность в организацию с призрачным будущим, не имеющей отношение к его специальности! С его стороны это был очень смелый поступок. Молодой Гидаят по сути на полпути завершил свою начавшуюся за короткое время успешную журналистскую карьеру и, не колеблясь, во имя национальных интересов, подвергнув свою судьбу большой опасности, согласился спасти от «смерти» этот древний очаг искусства; в то же время это согласие дало толчок и к формированию новых тенденций развития культурной среды в тот период времени.

Известный американский психолог А.Г. Маслоу отмечал: *«...Способ существования каждой личности в будущем – это стремление к высшим моральным ценностям, и, если общество не может воспитать такую личность, оно не имеет смысла. Личные намерения, идеальные желания индивида составляют содержание поведения, формируют мотивацию его деятельности».*

С первого дня работы в редакции Гидаят зарекомендовал себя, как журналист с острым пером и сдержанным, мужественным характером. Такой человек в будущем мог вызвать серьезную озабоченность правящих кругов Армении и доставить им немалую головную боль. И армянские шовинисты назначили его руководителем скандального театра, находящегося на грани распада, и который, с их точки зрения, будет невозможно реабилитировать руками непрофессионального молодого человека. Но им даже в голову не приходило, что Гидаят Худуш оглу Оруджев, которому не исполнилось еще 24 лет, который не имеет ни театрального, ни управленческого опыта, но обладает нечеткой логикой, способной удивлять окружающих неожиданными по-

ступками, за шестнадцать лет работы при отсутствии каких-либо условий сможет превратить Иреванский театр в образцовый очаг искусства.

И Гидаят начнет реформу, в результате которой Иреванский театр, несмотря на все трудности, препятствия и условности, достигнет такой вершины расцвета, на которую он со дня создания не поднимался никогда. Дошло до того, что эта реформа приводилась тогдашним министром культуры Армении в качестве примера местным театрам. Благодаря новому руководителю, был составлен новый современный репертуар, повышен профессиональный уровень труппы и привлечены произведения известных, а также молодых азербайджанских драматургов, что обеспечило воспитание нового поколения, способствовало укреплению прочных связей с азербайджанской театральной и литературной средой.

Загадочность вышеперечисленных разносторонних замыслов однозначно является отражением и воплощением неповторимости Гидаята как творческой личности и человека, обладателя нечеткой логики.

Но правда в том, что, уйдя из редакции, Гидаят-муаллим стал идти по большой жизненной дороге и за счет своего умения и способностей превратил Иреванский театр в известный храм искусства на Кавказе, и этот театр *«... сохранил свое существование как неотъемлемая часть литературно-культурной среды Азербайджана»*.

Этот молодой человек-патриот сумел привлечь внимание театральной и литературной среды Азербайджана к Иреванскому театру. Он превратил театр в творческую площадку для Бахтияра Вагабзаде, Наби Хазри, Наримана Гасанзаде, Анара, Акрама Айлисли, Мехти Мамедова, Агакиши Кязимова и других известных представителей интеллигенции.

По мере расширения взаимосвязей на Иреванский театр обратила внимание и Москва. Слава о театре распространилась по всей стране. Многие известные театральные деятели приезжали на просмотр спектаклей и открыто признавались, что поражены тем, как при отсутствии каких-либо условий можно было осуществить постановку спектаклей такого высокого художественного уровня. Армянские чиновники, обеспокоенные этими успехами, а именно тем, что внимание гостей из центра страны привлекают не армянские театры, а исключительно спектакли азербайджанского театра, на своих собраниях рекомендовали местным театрам, имеющим все условия и окруженными заботой государства, воспользоваться опытом Иреванского азербайджанского театра и даже открыто выражали недовольство руководителями театров своей страны.

Эта реальность была показателем масштаба личности Гидаята и в его лице всей иреванской культурной среды, из колючих кустарников которой, подобно дереву Хан чинар, вырос Гидаят Оруджев. Гидаят, возвысивший голос в знак протеста против мер по ограничению деятельности коллектива, обладая высокими организаторскими способностями, много лет эффективно работал в театре и в огромной империи СССР был широко известен как один из опытных театральных руководителей.

Таким образом, за высокие достижения в области театрального искусства Иреванскому театру, который готовил юбилейные мероприятия по случаю своего 50-летия в 1978 году, настало время получения статуса государственного. Несомненно, проведение этого юбилея в то время было непростым делом. Шовинистские армянские чиновники ревностно относились даже к проведению азербайджанским театром небольшого празднества, не говоря уже о том, чтобы провести юбилей в самом Ереване. К тому же эти мероприятия должны были осуществляться в соответствии с указом Армянской Советской Социалистической Республики. Реализовать такую сложную задачу удалось лишь благодаря высокому авторитету знаменитого руководителя театра. Восторг у театральной общественности вызвали как красочные афиши Иреванского театра, в 1978 году украсившие улицы Баку, так и его спектакли, показанные на сцене театра имени Тагиева,

Иреванскому театру, существующему в Западном Азербайджане среди армянских националистов, в неблагоустроенном здании, с момента основания ведущему кочевой образ жизни, но сумевшему сохранить традиции и высокий профессионализм, предстояло сдать ответственный экзамен перед своим историческим прошлым, который театр сдал на «отлично» и надолго оставил след в памяти зрителей (я хорошо помню эти мгновения!) и в буквальном смысле слова с честью принял данную ему высокую оценку.

Благодаря вниманию и заботе Гейдара Алиева, возглавлявшего в то время Азербайджан, несколько актеров театра были награждены почетными званиями. Это явилось результатом правильно построенной работы Гидаята Оруджева, его искренней любви и преданности театру, а также национальной гордости, которую он ценил очень высоко. Ведь если это было бы не так, то театр не пережил своего ренессанса под руководством Гидаята Оруджева.

И сегодня наш театр продолжает свой путь, проложенный Гидаят-муаллимом, и на его сцене с большим энтузиазмом осуществляются постановки произведений выдающегося мастера. Эти спектакли, завоевав зрительское признание своим тематическим разнообразием, глубиной содержания, эстетической ценностью, философской нагрузкой, художественной емкостью и национальным колоритом, входят в число самых долгосрочных спектаклей нашей сцены.

Знакомясь с жизнью и творчеством Гидаята, его литературно-художественной, публицистической и общественно-политической деятельностью, трудно поверить в то, что за небольшой отрезок времени обычный человек может проделать такую огромную работу. В какой бы области не трудился Гидаят Оруджев, он везде оставил свой уникальный неповторимый след.

«Не каждому человеку суждено после себя оставить след. Это выпадает только на долю творческих личностей»¹.

Выдающийся азербайджанский интеллигент, считающий Иреванский театр частью своего существования, писатель, создавший неповторимые монументальные художественные произведения, Гидаят-муаллим, всегда живущий большими чувствами и мечтами, высокими идеями и национальным самосознанием, является человеком, сердце которого бьется в унисон с сердцем Иреванского театра.

Да и коллектив театра, такого родного для Гидаят-муаллима, постоянно ощущает его моральную поддержку, так как писатель помогает пополнять репертуар театра новыми пьесами.

Успех спектаклей, темы которых взяты из повседневной жизни нашего общества, естественно, прежде всего определяется «заботливыми, тонкими суждениями автора, как гражданина и художника, о жизни, обществе и человеке». Драматическое творчество Гидаята является не только органичным продолжением его поэтического творчества, но и напрямую связано с реальной ситуацией и потребностями азербайджанского театра после 60-х годов прошлого века.

Во всех пьесах Гидаята мы ясно видим активную жизненную позицию автора. Он прежде всего занимается поиском проблем общества и личности в психологических отношениях персонажей, что и приносит ему любовь зрителя. Духовно-нравственные свойства личности драматург видит в единстве его общественной деятельности с политической сущностью. Ясность мысли и выражения является важной составляющей его драматургии. Простота, красочность нечеткой логики и искренность – вот отличительные черты его мастерства...

В произведениях людей, обладающих нечеткой логикой, хотя бы этого или нет, область сознания, которая начинается с основ художественного мышления, окружена многогранной и красочной художественной полифонией, которая отчетливо просматривается и в творчестве Гидаят-муаллима.

¹ Абузар Халафов. Пламенный гражданин, интеллигент-патриот. Гидаят. Библиография. Баку, 2001.

Жизненные явления писатель рассматривает в комплексе со сложными взаимодействиями, а человеческие характеры – с их разнообразными, контрастными чертами. Сюжеты пьес драматурга, темы, которые он освещает и способы их анализа, герои, являющиеся членами общества, олицетворяющие поэтический мир автора с чистыми и искренними желаниями, сумели и в современное время сохранить право на существование. Эмоционально чуткие, светские размышления о жизни, обществе и личности как ведущая тема присутствуют во всех работах Гидаята. Его драматургия, как органическое продолжение его поэзии, а также поднятые ею проблемы, являются литературными и общечеловеческими, что делает пьесы мастера актуальными в контексте современной азербайджанской драматургии и театра.

Основу творчества Гидаята, который пропускает через художественный фильтр личной судьбы сложные исторические процессы, пережитые Азербайджаном в последние десятилетия, составляет гражданский пафос, национальная принадлежность, привязанность к земле, к своему народу, сострадание к Родине. Действительно, в 80-90-х годах прошлого века, в кровавые дни военной агрессии Армении против Азербайджана, публицистика Гидаята среди выступлений известных представителей интеллигенции, государственных деятелей, мастеров искусств нашей республики сильно отличалась своей резкостью, жесткостью и боевым духом.

Великий мыслитель Мирза Фатали Ахундов говорил, что *«самое большое счастье для человека на земле – оставить после себя доброе имя, но такое имя можно получить в обмен на добрые дела»*.

Каждый раз, когда я вспоминаю выдающегося азербайджанского поэта и драматурга, представителя интеллигенции нашей страны, обладателя острого пера Гидаята Оруджева, который всегда выделялся среди армян как целостная личность с исключительными творческими способностями и смело отстаивал свои позиции, на память приходят Ч.Айтматов и О.Сулейменов. Славные сыновья киргизского и казахского народов, всемирно известные, а главное, достойные личности с крепкой, непоколебимой национальной позицией: Чингиз Айтматов – *«...тот, кто сумел вывести на глобальный уровень самые обычные явления, взглянуть на них с высочайшей вершины мысли, превратив «человеческий разум» в художественный образ»*; и *«поэт, который в глазах читателей во многом не принял модель традиционных тем и форм советских поэтов, (за некоторыми исключениями) и напоминающий поэта больше «внешне»* – Олжас Сулейменов, сумевший как величиной творческого масштаба, так и мощностью своей личности разубить всю существующую цепочку запретов.

Потому что в республике под названием Армения, и вообще в Советском Союзе, когда никому не прощали выступления, направленные против существующего строя, смелые и острые литературные примеры, дерзкая критика и абсолютный личный авторитет Гидаята Оруджева задавали такой высокий тон и были настолько сильны, что, несмотря на многократные попытки армян вывести его из строя, им это не удавалось. Потому что Гидаят такой же храбрый и бесстрашный, как сыновья казахов и киргизов, он последователен в творчестве, имеет непоколебимое национальное самосознание, а сам является сильным человеком со стойкими убеждениями.

Этот образ – величие человека, сформированного в созвездии нечеткой логики, яркий пример выдающегося азербайджанского тюрка, образ могучей личности, соответствующего ему по всем параметрам.

МАРАТ ШАФИЕВ

Краткая история бакинской русскоязычной поэзии

Разбившаяся птица

Большая взъерошенная птица, чутко высматривающая что-то поверх барьеров – и имя у неё подходящее: Галина. Галка. Только галки – чёрные, а она непохожая на стаю – яркая, светлая. И вместо крыльев и перепонок – руки с точёными длинными пальцами.

Дата рождения – 22 ноября 1939 года, город Баку, родители – рядовые инженеры. Учёба: 134 школа, библиотечный техникум, Московский государственный институт культуры. Работа в родном городе: библиотека имени Луначарского, Дворец пионеров и школьников имени Гагарина. Рассказы писала с 17 лет, печаталась в журналах «Литературный Азербайджан», «Голубь», в газетах «Молодёжь Азербайджана», «Вышка». Член Союза писателей СССР с 1974 года, шесть книг: «Красный голубь» (1966), «Так начинается взрослость» (1969), «Митин мост» (1971), «Зоопарк в моём доме» (1977), «Недетское время» (1978), «Этот день приближения» (1982). Последняя книга – тиражом десять тысяч экземпляров.

В своих рассказах для детей среднего возраста **Галина Петровна Тихая** умела открывать значительное в незначительных событиях и не делала скидку на возраст. Эти подтексты, эти лакуны заставляют остановить машинальный бег глаз и задуматься: *«Люди теряют деньги, очереди на кооперативы, любимые книги, но всё это прилагается к людям. Это может найтись, может восполниться. А если человек теряет что-то в себе – маленькое солнце, которое должно освещать человеческий мир?»* Тяжело и невозможно понять подростку, который всегда максималист, например, такое: *«Счастье – это совсем не то, что представлялось раньше – не в удачах, не в победах, не в выигрышах – а только в этой игре теней, в этих глазах, без которых не представлялся завтрашний день»*. Эти тексты полезно читать и взрослым.

В 1972 году в литературный кружок Дворца пришла и одиннадцатилетняя школьница Ирина Зейналлы. Где-то через два года Галина Тихая, прежде всегда отрицательно качавшая ей головой, сказала: «Вот это настоящее. Из тебя, кажется, выйдет толк». Но девочка уже перебежала в кружок астрономии. Учёба на механико-математическом факультете университета, учительство в школе всё дальше уводили её от литературы. Напрасно пылился под кроватью чемодан с рукописями, и непонятно было, что с ними делать, кому показать.

Из Дома писателей (улица Вагифа, 30) Галина с мужем переселились неподалёку на Лермонтова, 107, в Дом работников Совета министров, со второго этажа на пятый. В новом доме есть и лифт, и горячая вода. Дом всего с двумя блоками, как будто привставший на высокие ноги. Муж – Аба Мошашвили защитил докторскую по геологии; соседи с завистью наблюдали за рослой, красивой, весёлой парой, всегда ходившей под ручку.

Оказывается, крушение Империи с высокими идеалами, которым Тихая всю жизнь служила, возможно перетерпеть, если рядом – горячее любящее сердце, но вдруг от инфаркта скоропостижно скончался и муж. Она не скрывала, что не будет без него жить. Сороковины пришлись на 15 октября 1991 года. С крыши дома Галина ещё раз порадовалась его высотности. В далеко вылившемся море беспокойно метался вечный факел газовой скважины, ближе – панорама тысячеглазого бессонного Города. Города любимого навеки. Просквозил ветер, густо настоящий на запахах моря и нефти, и, спохватившись, как запоздавшая от стаи птица, она кинулась за ним вслед. Но воздух не держит тела, у которого вместо крыльев – белые руки.

Ещё через десять лет, в 2002 году, в Баку проводился Первый литературный фестиваль «Содружество». Можно было присылать до десяти стихотворений. Все так и делали. Прочитав объявление в газете, Ирина Зейналлы послала и своё – «Памяти Галины Тихой». И с этим одним-единственным стихотворением она стала победителем. Так судьба опять развернула её лицом к литературе.

Ныне Ирина Зейналлы – известный в городе поэт. А я счастлив тем, что был в составе того жюри вместе с Мансуром Векиловым и Экрамом Меликовым. И относительно того, кто станет победителем, у нас не было разногласий.

ИРИНА ЗЕЙНАЛЛЫ

Памяти Галины Петровны Тихой

***Быть может, это вовсе не про нас,
А, может, не про нас не только это...
Устало оглянувшись на Парнас,
Уходят ясноглазые поэты.***

***Уходят, не дождавшись перемен,
Не повстречав хотя бы пониманья,
Не признавая выгодным обмен
Таланта – на достаток и признание.***

***Уходят в никуда и никогда,
Не помня зла, не думая о мести...
По ним теперь звонят колокола –
По каждому в отдельности и вместе.***

***А мы несём в процессиях венки
И выгядим торжественно и грустно...
Но остаются в памяти стихи,
Как будто бы случайно, остаются.***

***И опускаются на глубину,
Под толщу быта, будней и рутины,
Невидимы никем и никому,
Невидимы – а, значит, невредимы.***

***И лишь потом, на краешке беды
Иль на пиру хмельного Валтасара,
Стихи взрываются из темноты
Сполохами Вселенского пожара.***

***И не спасают кресла и посты,
И обнажаются первопричины,
И Истина встаёт из пустоты –
Без фальши, без обмана, без личины...***

***Быть может, это из иных миров,
Пытаясь нам помочь хотя бы в этом,
Сквозь толщи всех пространств и всех веков –
Прощают нас ушедшие поэты...***

«Всего лишь гость...»

В 1983 году закончив службу в Советской Армии, я на несколько дней улетел в Москву. Гуляя по многолюдному Горького – двадцатилетний, юный, свободный, полный надежд, – я увидел табличку «Юность». За душой у меня было несколько стихотворений, но я имел наглость переступить порог самого популярного в стране литературного журнала. Юрий Ряшенцев встретил меня дружелюбно и посоветовал по возвращении завести знакомства с местными поэтами и, в частности, назвал имя Ильи Юрьевича Дадашидзе. Дадашидзе я нашёл в «Литературном Азербайджане», где он заведовал отделом критики. Он обрадовался привету из Москвы и переспросил: «А точно мне?» Тогда я не знал о существовании брата – Дмитрий Дадашидзе тоже творил стихи и позже организовал поэтическое объединение «Хазар».

Восьмидесятые – счастливое время для Ильи. Пора зрелости, сорок лет – какие наши годы! Летописцы назовут эту эпоху застоём, но счастье – субстанция не синонимичная истории; счастливым можно быть даже во времена «большого террора». В 1982 году в тбилисском издательстве «Мерани» у Дадашидзе была издана книга стихов и переводов с грузинского «Ревность по дому», с предисловием Беллы Ахмадулиной: *«Прежде чем вы поверите его слову, я прошу вас поверить мне на слово, что он – совершенный поэт».*

Но почему же имя, бывшее на слуху в кругу избранных, в дальнейшем не стало таковым для всех? *«Если выпало в Империи родиться, / лучше жить в глухой провинции, у моря. / И от Цезаря подальше, и от вьюги»*, – размышлял Бродский.

Жить в провинции полезно для здоровья, но не для славы. Знаменитый, то есть модный, поэт должен быть всегда в тренде, а в провинцию новые идеи заглядывают с опозданием. Дадашидзе ещё придётся обретаться в столице, но он действительно опоздал – большая часть жизни уже минует. Но насколько эта слава (о которой Борис Слуцкий однажды написал так: «Слава – слива. Сперва зелёная, / после чёрная, после – гнилая») была нужна ему самому – это другой вопрос. Когда Илья рассказывал о своих встречах, дружбе с Надеждой Мандельштам, Эммой Герштейн, Анастасией Цветаевой, Сергеем Параджановым, Юлием Даниэлем, друзья требовали, чтобы эту устную важную традицию он закрепил письменно, но Дадашидзе только отшучивался. Дадашидзе умел довольствоваться малым: любимым спектаклем, посиделками за столом, пропустить рюмочку.

В Баку Дадашидзе жил в одной из квартир огромного пятиэтажного дома номер пять по улице Касума Измайлова, бывшая Спасская.

Не могу удержаться от замечательной справки: *«Спасская улица располагалась параллельно Базарной улице в западном направлении и брала своё начало от Аптечного переулка на Николаевской улице. Названная в честь русского священника и натуралиста, попечителя Александро-Невского собора в Баку Спасского, улица среди местного населения была известна как Заргарпалан (Улица ювелиров) из-за множества ювелирных мастерских, расположенных на ней».* Прямо напротив дымила на всю округу большая пекарня, распространяя вкуснейший запах горячего хлеба. Дети войны буквально всем телом впитывали этот потрясающий, но недоступный аромат, ведь хлеб выдавался по карточкам – на ребёнка полагалось 300 граммов. По многочисленным железным лестницам, парадным и проходкам дома, скорее домища, можно выйти на разные улицы; эти общие балконы сближали и людей – все друг друга знали и друг друга выручали. На первом этаже в правом углу бурлила бойкая пивная. За круглыми маленькими столиками в клубах табачного дыма плотно стояли, чокаясь пузатыми стеклянными кружками, сдувая клочковатую пену разливного хырдаланского и жуя варёный нохут, воблу или кильку, мускулистый рабочий класс, очкастая интеллигенция и подозрительные типы с наколками на руках и признаками туберкулёза. Никто не брезговал ближним, и толстые кружки лишь слегка полоскались под жидким фонтанчиком.

Илья уехал в 1992 году, когда треснули прежние устои, когда каток Истории в первую очередь прошёл по литературе. На то она и интеллигенция – против произвола над собой она голосует не баррикадами, а ногами. И он вот такой, сам по себе беспомощный интеллигент (в высшем понимании этого слова) – такой слабый, как тростинка, который не терпел ни грубости, ни хамства, и сам как бы нуждавшийся в защите, – становился мужчиной, зарабатывал деньги, вызывал восхищение заботой о своих близких в эти трудные годы. Ностальгия по Баку была ужасная, как наркотическая ломка. Ещё тяжелей пришлось брату Дмитрию, который в Германии расшибал лоб о стену чужого, чуждого языка. Илья спасался работой. Он не был ярким правозащитником (горячий трёп по кухонькам и кафешкам – ведь не в счёт), но в московской редакции «Радио Свобода», начиная с тем культурных и культурологических («И мы там пили мед. Деятели российской культуры о веке 20-м и о себе», «Человек имеет право», «Поверх барьеров»), он постепенно приближается к социальности. Как оказалось, эстетическое не отделимо от этического. Болезнь – это отклонение организма от гармонии. В том числе и болезнь социальная.

Илья Дадашидзе умер в ночь на 16 сентября 2001 года от сердечного приступа.

Изданная посмертно в 2003 году книга «Всего лишь гость» включила в себя стихи, переводы, статьи, интервью и радиопередачи Ильи Дадашидзе, а также воспоминания и письма друзей.

ИЛЬЯ ДАДАШИДЗЕ

Воспоминание

Памяти А.Цыбулевского

**Перенестись на десять лет назад –
Где мы с тобой блуждаем наугад,
Где молод я, порывист и беспечен,
Сбегаю по булыжной мостовой,
Где ты идёшь восторженный, живой,
Недугами и болью не отмечен.**

**Как в том апреле жить ещё легко!
И как твоя кончина далеко,
И так взхлёб шумит над головою
Листва чинар, что смерть и впрямь фантом.
Лишь за строкой стихов твоих надлом
Наметился зазубриной кривою.**

**Она потом аорту рассечёт
Чертой исхода, подводящей счёт
Строке твоей и жизни. А покуда –
Смотри, как беспределен окоём,
И воздух сладок, и не крут подъём,
И даль ясна. Ну, это ли не чудо!**

**Он так ещё не скоро, час беды!..
Пройдя насквозь базарные ряды,
У стойки мы сдуваем пену с пива
На площади Колхозной без затей,
В круговороте рыночных страстей,
И день к закату клонится лениво.**

**Ах, если б снова очутиться мне
В том времени, в блаженной той весне,
В неведение смотреть невиновато
На эту жизнь без холода в груди,
Ещё не зная, что там впереди,
Какую душу стережёт утрата!**

Гроздь света

Его дату рождения запомнить легко – это день рождения Пушкина, правда, и год другой – 1933, и столетие другое. Но советская идеология не отменяла «пушкинскую» гармонию, как и никакое советское воспитание не могло выкорчевать закрепившееся в подкорке сознания: когда умер младший брат, подросток, пробегая по длинному закрытому коридору со множеством смежных квартир (двухэтажный дом – бывший госпиталь), увидел за окном крылатого ангела.

Из детства ещё запомнилось: исход мирных немцев из Баку, выставленные на улицу непроданные шкафы и пианино; военнопленный, разбившийся насмерть на стройке (изо рта стекла и спеклась струйка чёрной крови). В школе № 6 учился с будущим поэтом Колей Хатунцевым: читали одни и те же книжки, рубились дотемна в шахматы. (Агаев и в 80 лет подтверждал в турнирах свой первый разряд и был избран капитаном сборной ветеранов.)

После школы поступал на филфак, не хватило одного балла – о той потере времени он нисколько не жалел: успел поматросить на портовом буксире, а через год (23 балла из 25), попал (вот повезло) в группу, где четыре неразлучных друга, четыре мушкетёра, будущие литературные светила: Володя Кафаров, Менделеев, Грант Агабеков, были единственными мужчинами среди... ах, эти филологические деушки со строгими умными глазами, сплошь красавицы!

Тофик Агаев работал в газетах «Молодёжь Азербайджана», стажировался в «Комсомолке», ему бы закрепиться в Москве, но после одного собрания, где комсомольский вожак зажигал новыми призывами («Комсомол там, где трудно!»), подошёл к вожаку и попросился на Крайний Север. Тот записал данные, и, действительно, последовало приглашение из местечкового «Красного знамени», и Агаев на 12 лет (1960 – 1972) (думал: ненадолго) задержался в Коми. (Интересно, что при сдаче экзамена по географии в университет на вопрос о столице Коми без запинки ответил: Сыктывкар. Шаманя на судьбу?). объездил этот край вдоль и поперёк, о чём только не писал! об оленеводах и нефтяниках, охотниках и рыбаках, шахтёрах, лесорубах и пограничниках. Видел останки динозавров и атомный взрыв такой мощности, что радиосвязь в Заполярье от Архангельска и Мурманска до Чукотки и дальше оборвалась на полтора часа. Что там связь! на острове Диксон за 780 километров от эпицентра на Новой Земле разметало бревенчатые избушки. Взрыв был зафиксирован всеми сейсмическими станциями планеты Земля на всех континентах. С севера Агаев привёз в Баку жену-поморку, дочь рыбака.

21 год – таков его трудовой стаж в газете «Вышка», где он занимал должность заместителя ответственного секретаря.

Первые сказки печатались в сыктывкарском книжном издательстве: «Розовый олень» (1967), «Волшебный хорей» (1971), «Сосна до синего неба» (1973, тираж: 100 тысяч).

С 1983 года в Союзе писателей. Рекомендовали Расул Рза, Кафаров, но председатель Мирза Ибрагимов всё упорствовал: «Я его не знаю», и тогда фронтовик-капитан, редактор журнала «Литературный Азербайджан» Иван Третьяков прямо на заседании написал ещё один благожелательный отзыв.

Нечто подобное повторилось в 2006 году, когда уже он хлопотал за меня и Валеха Салеха, только окончившего московский Литинститут, и Анар говорил: «Я их не знаю», и Тофик Агаев отвечал: «Я за этих ребят голову дам на отсечение».

Стихи его публиковались во всесоюзных журналах «Весёлые картинки», «Мурзилка», «Миша», случались поездки по республикам на Праздники детских книг. По его сценарию в 1981 году создан известный мультфильм «Джырдан-силач», его пьеса «Храбрый Ахмед» до сих пор показывается в бакинском кукольном театре. Сказка «Инжировое дерево» включена в школьную программу. В постсоветский период в Москве и Киеве издавались цветные книжки, например: «Птицы на солнышке» (1999), «Кролик не теряй голову!» (2000), «Я попугая укусил» (2004), «Весёлый оркестр», «Кошка ходит босиком» (2005).

А потом «пошли» верлибры, хайку, двустишия и афоризмы (именно в таком порядке – уменьшающиеся по размеру; есть ли предел совершенству?), но эти книги (тоненькие и малоформатные) печатались уже на собственные деньги: «Стеклянный человек», «Гроздь света» (1999), «Выбери звезду» (2001), «Глаза в глаза», «Крик кукушки» (2002), «Белый квадрат» (2003), «Третье крыло» и «Луна любви» (2005), «Всемирный разговор» и так далее.

Он мог прожить и дольше 87 – выручали спортивное прошлое (академическая гребля), ежедневные физкультура, велосипедные пробеги на море и рыбалку, но коронавирус сделал своё черное дело. Тофик Агаев умер 4 января 2021 года в больницы палате, достигнув своего совершенства, ибо самое совершенное стихотворение – это белый лист или молчание.

Однажды в большом интервью с Акшином Кязимзаде (газета «Каспий», 11 июля 2007 года) он назвал меня хайдзином. Хайдзин – это человек, который не только пишет хайку, но и живет по соответствующим правилам. Конечно, Тофа немного лукавил – первым хайдзином в Баку был именно он. Его тексты включены в Антологию русского трёхстишия, составленного Михаилом Бару. Но сегодня я принимаю на себя все его обязательства, все его долги, все его привилегии.

Вместе мы провели три конкурса «Хайку на волнах Хазара» (2015, 2017, 2019), теперь я буду продолжать дело в одиночку. А сам конкурс будет носить имя Тофы.

ТОФИК АГАЕВ

Стеклянный человек

**Идёт по свету
человек
с головы до ног
стеклянный
Идёт по свету
человек
ни на кого
не бросит тень
Идёт по свету
человек
и душа у него
прозрачная
Не разбейте
пожалуйста**

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

Всё, что у тебя есть

Тебе принадлежит только то, что ты сможешь забрать с собой в Вечность. Всё остальное принадлежит времени.

Человек! Ты привык полагаться на ум, тело и чувства. Видимо, это всё, что у тебя есть.

Человек! Какую жизнь ты действительно боишься потерять – внешнюю или внутреннюю?

Разумные обыватели этой планеты, именуемые себя людьми, делятся на две категории: те, которые знают, что они мертвы, и те, которые ещё не знают об этом. Те же, которые знают, что они живы, уже не люди – это боги в человеческом обличье.

Я не достучалась до Тебя.
Я не докричалась до Тебя.
Я не домолилась до Тебя.
Я не домолчалась до Тебя.
Что же мне осталось? Стать Тобой,
Не Твоим твореньем, не рабой:
Пусть они, к Тебе взывая, лбом стучат
И молитвы шлют, и преданно молчат.

Смерть – не финал, а апогей жизни. Благословен всякий, кто постиг это разумением своим. Но трижды благословен тот, кто пережил это сердцем.

Человек! Силы Света и Тьмы сражаются за твою душу. Она принадлежит Свету, но всегда достаётся Тьме.

Люди приходят и уходят. Книги приходят и остаются.

Мы рождаем детей в стремлении возродиться, но на деле умираем в них без капли сожаления.

В твоём владении – только мгновенье.
С вдохновением – оно пробужденье, преображенье, возрожденье.
Без вдохновения – оно забвеньё, умирание, уничтоженье.

Я себя раздарила местам и предметам,
Книгам и людям, городам и планетам.
Прошу вас, верните ту, что забрали,
Чтоб я в конце оказалась в начале.

Я летела на свет догоревшей звезды тёмной ночью и на рассвете.
Так бывает: звезды уже нет, а свет от неё ещё светит.

Человек! Тебе принадлежит только то, что ты любишь и знаешь, а Вечности – то, чем ты на самом деле являешься – Любовь и Знание.

Ты думаешь, что живёшь. Ты чувствуешь, что живёшь.
Но думать и чувствовать – не значит жить.

Существует четыре вида человека разумного: человек-тело, человек-ум, человек-сердце и человек-душа. Чем себя считаешь, тем и являешься.

Память – кладовая Смерти. А ум – неизменный кладовщик, грозный страж, держащий нас в вечном страхе перед Жизнью.

Внешние люди подчиняются уму, поэтому у них всегда много важных и неотложных дел. А у внутреннего человека всегда одно назначение – следовать за голосом сердца.

Мир даёт каждому то, что он хочет:
Фанатику – бога,
Безбожнику – грех,
Бедному – грошик,
Богатому – злато,
Нищему – рубище,
Знатному – власть,
Путнику – путь,
Воину – славу,
Поэту – стихи,
Провидцу – виденья,
Счастливому – счастье,
Несчастному – горе,
Глупому – глупость,
Умному – ум,
Оратору – голос,
Мудрому – слово.
А дураку можно всё –
Если захочет, он берёт сам.

Люди! У вас, кроме семьи и работы, ещё что-нибудь есть? А кроме слов и отношений?

Дурак – это мудрец, живущий не умом, а сердцем. Глупец – это дурак, живущий не сердцем, а умом.

Дураки сочиняют жизнь и наслаждаются ею. Глупцы оценивают жизнь и стараются её исправить.

Я вселенское древо Жизни: ствол мой – здесь, крона – Там, корни – в священной земле моих предков, а семена прорастают в Вечности.

Не всякий имеет право на добродетель, ибо она может стать проклятием для её обладателя, если тот не сумеет правильно ею распорядиться.

Человек! Твоё рождение больше похоже на смерть, а жизнь – на агонию. Поэтому смерть забирает то, что принадлежит ей с самого начала. Она лишь возвращает себе своё.

Человек! Неужели ты приходишь в этот мир только для того, чтобы оставить в нём лишь то, что будет когда-то уничтожено временем и погребено землёй?

Человек! Выбирая язык, на котором тебе придётся думать и говорить, ты выбираешь земное обиталище для своей бессмертной души.

Великое множество дорог ведёт к Нему, но если ты хочешь дойти до цели, тебе придётся проложить ещё одну.

Слово – это могила, в которой похоронена мысль. Каждая книга – это кладбище мыслей. Автор – могильщик, а читатель – гробокопатель, извлекающий на свет мертвецов. Если автор талантлив, то иногда их можно принять за живых.

На земле на каждую сотню женщин едва ли приходится одна ЖЕНЩИНА. Остальные – особи женского пола. На каждую тысячу мужчин едва ли приходится один МУЖЧИНА. Остальные – особи мужского пола. На каждый миллион представителей рода человеческого едва ли приходится один ЧЕЛОВЕК. Остальные – человеческие особи.

Человек! Как часто попадая в мир, созданный чужими мыслями, чувствами и словами, ты наивно думаешь, что не покидал свой!

Тайны, извлечённые на свет, начинают жить самостоятельной жизнью.

Человек! Похоже, твоя душа живёт своей собственной жизнью, не имеющей к тебе никакого отношения.

Человек! То, что ты называешь жизнью, больше похоже на смерть. А то, что ты считаешь смертью, – может быть, единственная возможность вернуть тебя к жизни.

Сказано: «По вере вашей дано будет вам».

А я говорю: «По неверию твоему отнимется у тебя».

Раб божий нуждается в боге страха и разделения. Сын божий не нуждается ни в чём.

Рабам необходимо благословенное невежество. Не лишайте их спасительной тьмы, скрывающей их постыдную тайну, – цепи и кандалы, в которые они заковали свои сердца и умы.

Мои откровения на бумаге – только тени тех вещей птиц, которые прилетают в моё сердце из бездонного космоса моей души.

Очень многие человекообразные и человекоподобные пытаются выдать себя за людей. И им это удаётся.

Любимцы Бога обычно не ходят в любимцах у судьбы. Судьбу предлагает Бог, а выбирает человек.

Для большинства это – наказание и проклятье. Для меньшинства – испытание и урок. А для избранных – благословение и дар Божий. А ведь речь идёт об одном и том же.

Сердечная слепота не считается недугом, поскольку сердце не является органом зрения.

Многие живут, не подозревая о своей душевной слепоте. Более того, они даже не догадываются о наличии такого органа чувств в собственном теле.

Человек! Ты взываешь к Богу, но Он не отвечает тебе.

Разве ты не знаешь, что откликается только тот бог, которому ты служишь?

Крепости строят для того, чтобы их штурмовали.

Сила – в открытости и уязвимости. Слабость – в нападении и обороне.

Физическая сила – в мужских мускулах. Духовная сила – в женском сердце.

Бог многолик – и в этом Красота и Мудрость. Лик Дьявола прекрасен – и в этом искушение и мудростью, и красотой.

Есть дар – как программа в сознании.
И есть Дар – как присутствие Музы.
А есть **ДАР** – как проявление Духа.

Уважение ещё нужно заслужить, а любви достоин всякий, ибо уважение – категория человечья, а любовь – Божья.

Наш мир – театр теней. Сами актёры пребывают в иных мирах. Там течёт настоящая жизнь. Здесь только разыгрывается представление.

Человек! Ты выбираешь не между свободой и рабством и не между богатством и нищетой. Твой выбор – между нищетой и рабством. И ты обычно выбираешь рабство. Хотя достойнее нищета.

Спустившись с Небес в этот мир, ты перестал быть богом, но так и не стал человеком. Ведь иметь человеческий облик и владеть человеческой речью – ещё не значит быть человеком.

Мы спускаемся в этот мир, как в глубокий и тёмный колодец. Но никто не желает выбираться из него добровольно. А когда нас вытаскивают по одному, мы яростно сопротивляемся своему спасению.

Человек! Ты всё ещё наивно полагаешь, что работаешь над собой? Глупец! Этот мир работает над тобой.

Человек! Чего тебе недостаёт – наполненности или пустоты? Ответ на этот вопрос решает твою земную судьбу.

Я лечу над землёю птицею.
Падаю в неё малым семенем.
Прорастаю могучим деревом.
Покидаю звездой погасшей.

Труднее проявить смелость в мыслях, чем в поступках. Если поступок не продиктован смелой мыслью, то он, скорее всего, продиктован либо страхом, либо безумием, либо чужой волей.

Сказано, что Бог обитает в сердце. Но как быть с теми, кто, заглянув в собственное сердце, обнаружил там либо страх перед миром, либо обиду на жизнь, либо зависть к другим и злость на себя?..

Нас учат прощению, а надо бы – разумению. Если всё происходит по воле Его, то кого ты собираешься прощать?

Рождение и смерть – это не начало и конец жизненного маршрута, это разные направления и итоги жизненного пути.

Тьма спасает нас от собственного невежества, а Свет спасает от тьмы. Каждый спасается, как может. А в каком спасении нуждаешься ты, человек?

Внешним человеком движут слова и поступки окружающих. Внутренним человеком движут его собственные мысли и чувства. Сокровенным человеком движут пустота и безмолвие Вечности.

Что движет тобой, человек?

Только глупец может довольствоваться умом в отсутствие мудрости.

Для глупца мудрость может показаться глупостью, а ум – сойти за мудрость.

Ты думаешь, что сумел зажечь свечу? Глупец! Это Мой Свет всего лишь на мгновение озарил твою вселенскую тьму.

Будь моим учеником, но не становись последователем! Чужие следы не приведут тебя к Самому Себе.

Ты не способен причинить Мне вред, человек, ибо Мои мысли обладают большей силой, чем твои слова и поступки.

Дети Тьмы вырастают из Земли и туда же возвращаются.

Дети Света вырастают из Неба и туда же возвращаются.

Мы всегда возвращаемся к своим истокам.

Сказано: «Человекам это невозможно. Богу же всё возможно».
А я говорю: «Это сказано о тебе. Стань Богом, человек!»

Моё сердце проснулось – его разбудила душа.
Эй, вы, спящие души, проснитесь! Свершилось:
Всего на мгновение открылись Звёздные Врата!
Старый мир рассыпается на осколки Вечности.

Человек! А ты часто поднимаешь глаза к небу, чтобы поговорить со звёздами?

Человек! Ты называешь себя частицей Бога. А тебе не хочется стать целым?

Мы идём, ведомые либо гневом и страхом, либо Любовью и Вдохновением;
либо с факелом в руке, либо с тьмою в сердце; либо навстречу Вечности, либо к могильной яме.

Бог создал человека по Своему образу и подобию. А тебе удалось сотворить Бога по твоему собственному образу и подобию. Ты поистине величайший умелец, человек!

Человек! Ты так огромен, что можешь заполнить собою Вселенную, а втискаешь себя в тесное человеческое тело, вообразив, что эта клетка и есть ты сам.

Всякому говорящему, что жизнь потеряла смысл, говорю: «Человек! Ты и есть смысл, потерянный Жизнью!»

Малое семя Духа, брошенное в земную грязь, я прорастаю в планету корнями человеческой боли, чтобы подняться в небо стеблем божественной Мудрости и раскрыться в Вечности цветком вселенской Любви.

Всё, что ты отыскал за пределами самого себя, – ложь.
Всё, что ты приобрёл за пределами самого себя, – тлен.
А разве есть что-то за пределами тебя самого?

Любви и сострадания заслуживает всякий, даже тот, кто не заслуживает ни счастья, ни мудрости, ни самой жизни.

Учитель приходит в мир как живое Слово. Он сам есть воплощённая Истина. После его ухода остаются только слова – Истина покидает мир вместе с ним.

Человек! Наступит время – и ты поймёшь, что единственным препятствием на пути к твоей мечте был ты сам. И только ты один можешь помешать тому, чтобы оно наступило.

Я владею словом, но Слово владеет мной.
Я обладаю даром, но Дар обладает мной.
Я живу в любви, но Любовь живёт во мне.

Человек! У тебя только один грех – духовная слепота. И только один враг, мешающий его побороть, – ты сам.

Сказано: «Вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас».
А я говорю: «Человек! Творя зло, ты делаешь Его своим соучастником».

Не всякий, пребывающий в этом мире, пребывает в Вечности.

Солнце – над моей головой.
Месяц – у меня в изголовье.
Ветер – за моей спиной.
Звёзды – под моими ногами.
Вечность – моё одеянье.
Земля – мой трон золотой.

Не всякий живущий – жив, не каждый умерший – мёртв.

Цель Судьбы – наделить тебя силой. Цель Мира – наделить тебя мудростью.
Цель Жизни – наделить тебя бессмертием. Человек! А ваши цели совпадают?

Человек! Ты давно смирился с тем, что часть тебя достанется земле, а остальное поделят между собой Бог и Дьявол. А что же останется тебе?

Большая глупость – сражаться с Судьбой.
Но ещё большая глупость – покориться Судьбе.
Большая мудрость – договориться с Судьбой.
Но ещё большая мудрость – перехитрить Судьбу.
А Истина состоит в том, что ты и есть Судьба.

Человек! Твоя ошибка в том, что ты ищешь землю обетованную – и, в конце концов, находишь её на кладбище. Ищи Обетованные Небеса – и обретёшь бессмертие.

Люди-бабочки летят на Свет. Люди-гусеницы ползут во тьму – тьма могильной ямы безопасней Света Вечности.

Вечность зовёт нас на разные голоса. И важно не ошибиться: выбирая голос, ты выбираешь жизненный маршрут.

Алчность и гордость невозможно насытить. Любовью и Красотой невозможно насытиться.

Сказано: «Весь мир – театр, а люди в нём – актёры».

А я говорю: «Вы научились притворяться, что вы люди, что вы живы, что вы глупы и несчастны. Так научитесь притворяться, что вы боги и что вы бессмертны».

Спасти или погубить можно только собственную душу. Всё остальное обречено на смерть.

Человек! Ты должен подняться выше всех написанных книг, вот только подниматься тебе придётся по ступеням, выложенным из этих самых книг.

Если ты доберёшься до Золотого Моста и дойдёшь до его середины, то там ты встретишься с самим собой. А дальше... тебе уготовано разрушение... уничтожение... низвержение, а Тебя ждёт Преображение! Возрождение! Восхождение!

Инстинкт самосохранения и страх неизвестности мешают человеку ступить на Золотой Мост и держат его на этом берегу, пока за ним не придёт смерть.

Слова – мои покорные слуги.
Слова – мои верные друзья.
Слова – мои звёздные братья.
Слова – мои рождённые дети.
Слова – мои орудия кары.
Слова – мои тайные дары.
Слова – мои небесные посланцы.
Слова – мои кровавые тельца.
Слова – мои дорожные знаки,
Указующие путь в Бесконечность.

Я мыслю не людьми, а Вселенными.
Я считаю не годами, а Вечностями.
Я живу не на Земле, а в бесконечности.
Я – не тело. Я – Дух вездесущий и всепроникающий.
Я – само Мироздание, вместившееся в атом Самого Себя.

Я знаю: Истина внутри.
Снаружи – только отраженье.
В себя, как в зеркало смотри –
Там Божества изображенье.

Каждый из нас – Слово,
Мёртвое или живое,
Сказанное или застрявшее,
Глупое или смешное,
Сложное или простейшее,
Разумное или пустое,
Благое или ругательное,
Доброе или злое.
Но всё равно священное,
Но всё равно святое.

Поэты и писатели – провидцы и мечтатели.
А их судьи и критики – завистники и вредители.
Поэты и писатели – творцы и созидатели.
А их судьи и критики – мучители и разрушители.
Поэты и писатели – рыцари и искатели.
А их судьи и критики – иуды и предатели.
Поэты и писатели – целители и врачеватели.
А их судьи и критики – палачи и истязатели.
Критик живёт в голове, поэт – в сердце.
И каждый решает сам, кто он в этой жизни.

Думать головой способны многие, а вот сердцем – единицы.

Для мудрости ум и глупость мало чем отличаются друг от друга.

Твоя сила имеет начало и конец. Она только часть Моей Силы.
Твоя мудрость имеет начало и конец. Она только часть Моей Мудрости.
Твоя любовь имеет начало и конец. Она только часть Моей Любви.
Твоя вечность имеет начало и конец. Она только часть Моей Вечности.
Твой бог имеет начало и конец. Он только часть Моей Беспредельности.

Сказано: «Весь мир – театр, а люди в нём – актёры».

А я говорю: «Люди! Вы так долго были статистами в массовке или за сценой, что давно потеряли кураж, позабыв о том, что такое восторг и волшебство вдохновенной игры!»

Люди платят высокую цену за то, что я не взяла бы даже даром. Но если бы за то, чтобы я это взяла, мне самой предложили высокую цену, то я бы, возможно, подумала. Однако цена должна быть слишком высокой, чтобы я задумалась над этим предложением. И если бы всё-таки согласилась взять, то при одном обязательном условии: цену устанавливаю я сама.

А люди платят добровольно, без всяких условий. Причём платят собственной жизнью.

Важно не то, что твоя вера в себя создаёт успех, а то, что твоя вера в успех создаёт тебя.

Ты спрашиваешь, в чём смысл жизни? Но ведь это твоя жизнь, человек, – и только тебе решать, в чём её смысл. Принимать решение за других ты не вправе.

Человек! Научись чувствовать головой, думать сердцем и жить душой!

Вера – это ключ, открывающий все двери. Но если она способна открыть всего одну дверь, то зачем мне такая вера?

Молодость даётся нам даром, но, коварно обманув наши надежды и ожидания, она предательски бросает нас на полпути и, прихватив с собой все наши спасительные иллюзии, оставляет с безжалостным миром один на один.

За старость мы платим высокую цену, и она справедливо возвращает нам всё то доброе и злое, что мы отправили когда-то в мир. Старость не предаёт нас и не бросает на произвол судьбы, оставаясь с нами до самого конца.

Красота правит миром. И те, кто ей не подчиняется, лишаются её защиты и покровительства.

Люди! Вы творите жестоких и мстительных богов, для того чтобы самим не становиться богами, взваливая весь груз вины за свои промахи и неудачи на этих придуманных и очеловеченных вами чудовищ.

Человек! Ты боишься смерти? Бойся вечности!

Вечность проходит сквозь нас мгновениями, оставляя на Земле лишь горстку праха и забирая с собой только Свет и Любовь.

Ты смотришь на то, на что ты хочешь смотреть.
Ты видишь то, что ты вынужден видеть.
Ты замечаешь то, что ты можешь заметить.
Ты понимаешь то, что ты готов понять.
Ты запоминаешь то, что ты способен запомнить.
Ты забываешь то, что ты должен забыть.

Жизнь – это проводы тела в последний путь от момента его рождения до погребения или превращения его в Свет.

Есть время Тьмы. Есть время Света.
Есть время вопросов. Есть время ответов.

Человек! Ты всегда сражаешься с Жизнью на стороне Смерти. И при твоей поддержке Смерть всегда одерживает победу.

Ты приходишь в этот мир как Безмолвие, а тратишь себя на слова.
Ты приходишь в этот мир как Любовь, а тратишь себя на чувства.
Ты приходишь в этот мир как Вечность, а тратишь себя на годы.
Ты приходишь в этот мир как Истина, а тратишь себя на ложь.

Люди! Вы бессмертные боги, пришедшие сюда из Вечности, которым понравилось играть в жизнь и смерть, в силу и слабость, в любовь и страх. Но, увлечшись игрой, вы забыли о том, кто вы на самом деле.

Ты приходишь из Безмолвия как Слово и дронишь себя на множество слов.
Ты приходишь из Вечности как Истина и дронишь себя на множество истин.
Слишком много «я» прячутся в твоём теле, выдавая себя за Тебя.

Злой рок приводит нас на Землю, а не уносит на Небо.

Кто мы? Песчинки Вечности, отвергнутые Мирозданием и гонимые ветром Судьбы по Звёздным дорогам Вселенной.

Мудрость Жизни мы бессовестно присваиваем себе, а любовь наивно пытаемся отыскать в других.

Человек! Не ищи пристанища в Мире. Весь Мир – твоё пристанище. Подними паруса Вечности на Звёздном корабле своей жизни, плывущем в океане Мироздания, и доверься ветру Судьбы.

Человек! Знай: твои цели и мечты решают твою судьбу.

Человек! Помни: Путь – внутри, снаружи всего лишь дорога.

Время любви, силы и мудрости подходит к концу. Наступает Время Любви, Силы и Мудрости.

Любое знание, в основе которого лежит несвобода, не может привести к свободе.

В меня вместятся Бог и Дьявол, а я и в Вечность не вмещусь.

Ты обладаешь равным правом и равной силой стать Богом или оставаться человеком.

Человек! Единственная защита, в которой ты действительно нуждаешься, – это защита от твоего собственного невежества и твоей собственной глупости.

Мы боги, которые так и не научились быть людьми.

В своей печальной недолговечности и невозможности избежать конца – жизнь каждого человека трагична. Но в этой трагичности могут быть скрыты непостижимая сила и красота недолгого полёта за завесу Тайны, а может быть – унылая обречённость медленного погружения в бездну небытия.

Как бы ни сложилась жизнь, но если её результатом не стало бессмертие, то она была лишь отбыванием земного срока в ожидании смертной казни.

Твоя мечта либо ползает по земле, либо парит в Вечности. А когда приходит срок, именно она забирает тебя с собой.

Ветер перемен уносит нас в Вечность. Как пустые скорлупки, летят наши души, непроросшие семена Вселенной.

В этом мире, в этом теле мы искусно прячемся от Вечности, но рано или поздно она находит каждого, чтобы навсегда забрать с собой.

Мы так долго убеждали себя в том, что принадлежим этому миру, что почти поверили в это.

Иногда смерть это – единственный способ справиться со своими мечтами или преодолеть их.

Ни этот мир, ни мир иной
Ни сколь не властны надо мной.
Я сам даю им эту власть,
Страшась подняться иль упасть.

Я этим миром околдована,
К Земле, как к Вечности, прикована.
И заперты Небес врата,
И в Вечность дверца заперта.

Факелу ли страшиться тьмы? Тому, кто излучает свет, тьма неведома.

Выделенный нам на жизнь лимит Любви и Красоты заканчивается слишком быстро, и дальше начинается имитация.

Между моими строчками – звёздные расстоянья,
Между моими мыслями – Вечности и Мироздания.

Множество жизней я искала ворота в Вечность, пока не распахнула собственное сердце.

Мы платим своим бессмертием за возможность прожить короткую и бестолковую человеческую жизнь, думая, что жизнь – это самая высокая плата за возможность обрести бессмертие.

Жизнь – это не сумма обманчивых мгновений, сменяющих друг друга, а бесконечно длящееся мгновение Истины. Осознание этой данности делает нас богами.

Человек! Ты сам в ответе за твоё бессмертие, которым пожертвовал за возможность спасти планету. И даже Он не знает, не была ли напрасной эта жертва.

Этот мир – в пределах времени, а Я – в пределах Вечности.

Мы разделим этот мир на «до» и «после». И это великое Разделение освободит нас от пут этого мира или сделает его вечными пленниками.

Мы боги, которые стараются стать людьми. У многих это получается. Но есть те, кому удаётся оставаться богами.

Нам принадлежит вся Вселенная, а мы отчаянно цепляемся за Землю и, в конце концов, остаёмся в ней навсегда.

Мы боги, притворяющиеся людьми, и только приходящая за нами Смерть напоминает нам о том, кто мы есть на самом деле.

ШИРИН МАНАФОВ

Мастер по «изготовлению» звезд.

Это очерк об одном из первых исследователей архитектурного наследия албанского периода нашей истории. После победы во второй Карабахской войне привести доказательства длительного системного изучения истории, религии, архитектуры Кавказской Албании азербайджанскими учеными, рассказать об их вкладе в сохранении этого бесценного культурного наследия крайне важно.

Традиционное начало статей об архитекторах такое: по проектам нашего героя созданы такие великолепные сооружения как

Начнем с самого замечательного достижения выдающегося педагога Архитектурно-строительного института Арифа Асланова. Его лучший проект – ученики, в большинстве своем ставшие выдающимися деятелями зодчества и культуры. С 1967 года и до смерти педагога в 2006 году его ученики были постоянными лауреатами международных и всесоюзных конкурсов. А. Асланов получил диплом в 1960 году, проработал два года в «Азгоспроекте» и по рекомендации кафедры стал педагогом, читал курс лекций в институте по градостроительству.

«Его лучший проект, – говорит один из учеников, архитектор **Алик Кадыров**, – создание в нашем институте в 1978 году студенческого конструкторского проектного бюро – САПИБ. Это был праздник молодости, дерзости, творчества, карнавальной культуры. Все студенты, кто варился в этой каше, стали со временем самыми интересными архитекторами, дизайнерами, художниками и педагогами Баку. Не говорю, самыми успешными, но в творческом плане самыми оригинальными и заметными».

Для Баку во времена Советского Союза САПИБ сыграл такую же роль, как «Битлз» для рок-движения в 70-80 годах прошлого века. Без всякого преувеличения можно сказать, что САПИБ для интеллектуальной панорамы Баку 1980-90 годов – явление, равное возникновению джазмугама Вагифа Мустафазаде, творчество которого Ариф обожал, будучи прекрасным знатоком и классики, и мугама.

– Для меня и моих друзей Ариф жив, – говорит Алик Кадыров, – обсуждая с друзьями те или иные вопросы, мы все время вспоминаем мнение учителя, хотя прошло десять лет, как учитель ушел из жизни.

– Речь идет не только о архитектуре и искусстве, но и о политике и истории, – вступает в беседу другой ученик, **Осман Бархалов**, в те годы председатель совета СНО архитектурного факультета. – Нельзя ограничивать воздействие Арифа только рамками нашей профессии. Хотя такое трудно себе представить, говоря о преподавателе, в 1973 году читающем лекции по градостроительству. Ариф был одним из учителей, начавшим подготовку к победе 2020 года в далеком 1972 году. Впервые в истории Азербайджанской ССР и вообще всех национальных республик СССР Ариф стал инициатором важнейшей национальной программы. Начиная с 1972 года, на период летних каникул Ариф отправлял своих студентов по районам республики с целью выявления, фиксации и описания памятников архитектуры и археологии. Всеми позабытые, не взятые на учет Комитетом по охране памятников важнейшие свидетели формирования государства и нации были впервые зафиксированы как объекты большой исторической и культурной ценности. Программа государственного уровня была выполнена студентами по инициативе скромного педагога Политехнического института.

С 1973 года началось формирование этого феномена под названием САПИБ. Один неверный шаг, и Арифа вместе с преподавателем кафедры изобразительных искусств, его другом **Валехом Гаджиевым**, обвинили бы в национализме.

Но друзья придумали отличное прикрытие своей программе: летняя практика студентов, описание памятников, выбор дипломных работ.

Благодаря этой программе были описаны, созданы чертежи планировки, сфотографированы десятки прежде не взятых на учет памятников истории и зодчества, в большинстве своем именно албанского периода. В частности, в нагорном и равнинном Карабахе.

На работах учеников было написано «Малоизученные памятники», хотя на самом деле памятники эти никогда прежде и не изучались, самое печальное – не воспринимались как памятники истории и культуры.

Исследование памятников под руководством Арифа Асланова внесло большой вклад в науку, – далее говорит Осман Бархалов, – поскольку мы изучали и описывали памятники, большинство из которых до нас не были отражены в трудах по истории архитектуры Азербайджана. Изучали «Пери-гала» и однефную церковь с криптой в Загатальском районе, «Кероглу галасы» в Товузском районе, «Агван-галасы». Была проведена локализация городища Хал-хал в Газахском районе, обследован ряд крепостей и средневековых христианских храмов во всех регионах Азербайджана.

Главное внимание Ариф уделял памятникам в приграничных районах республики, и особенно в сопредельных странах, в первую очередь на территории нынешней Армении и Грузии. Многие храмы Кавказской Албании впервые найдены и описаны благодаря инициативе Арифа и Валеха.

– Вместе с Арифом и Валехом мы посетили раскопки в пещере Азых рядом с Гадрутом, – рассказывает один из близких друзей Арифа профессор, скульптор **Альберт Мустафаев**. – Археологи отмечали эрудированность Арифа, благодаря которой он подсказывал, как опередить и обезоружить претензии на Азых армянских ученых и общественных деятелей. Уже тогда армяне предпринимали попытки национализировать памятник всемирной истории на том лишь основании, что пещера находится вблизи села Азох, населенного армянами.

Будь Ариф Асланов председателем комитета охраны памятников, продержись он каким-то чудом на этом посту несколько лет, мы были бы подготовлены к историческим катаклизмам времен распада СССР. Разумеется, никакой поддержки программа Арифа не имела и иметь не могла в стране, где вера в интернационализм погрязла историческую науку в национальных республиках в глубочайший сон.

– По поводу переворота в исторической науке, – отмечает Осман. – Приоритеты в изучении истории распределяла Москва. Для Баку – мусульманский период, а вот для Еревана и Тбилиси – христианский период на Кавказе.

И вдруг без всякого согласования с начальством, партийным и научным, скромный преподаватель Ариф предлагает в 1975 году своим ученикам на студенческих конференциях архитектурных вузов Закавказья прочитать доклады об исследованных ими памятниках Кавказской Албании. Впервые целый отряд неординарно мыслящих молодых ученых заявил о системном изучении негласно запрещенной для Баку, для нашей науки темы. Это вызвало такое потрясение у армянских участников конференции, что Эльхана Асадова, автора доклада по Ордубаду, и меня неожиданно пригласили в Ереван. В актовом зале тамошнего Политеха Эльхан прочитал доклад о памятниках Ордубада, а я о христианских храмах Шеки-Белоканской зоны. Нам задавали одни и те же вопросы, не связанные с наукой. Ученых Еревана остро интересовали другое. Главный вопрос – чья это была инициатива изучать албанские храмы? Они требовали конкретные имена. Для Еревана это был шок, взрыв, недопустимая вольность азербайджанских архитекторов, которую надо срочно пресечь, сообщив Москве.

Конечно, наши ответы имели целью отвести удар и от учителя, и от нашей программы. Мы отвечали, что речь идет о всего лишь о выборе темы для дипломных работ. Надо признать, что в те годы инициатива Арифа по изучению албанских храмов не встречала поддержки институтов АН: все ждали распоряжений сверху, из Москвы. А благословения все не было, и единственный, кто не ждал и не намерен был ждать, был Ариф.

1975 год – один из самых благополучных и безмятежных в истории СССР. Сообщение о том, что в это самое время, среди глубокого сна, в Баку возник очаг сопротивления стратегии Еревана по присвоению, ассимиляции памятников культуры Азербайджана, вызвало бешеное сопротивление Еревана. Тогда ничто не предвещало ни распада Союза, ни превращения Армении в государство-агрессор. Хотя стратегия Еревана по «приватизации» всего албанского наследия в Закавказье выработывалась в те самые 1970-е годы тотальной блаженной спячки.

– По завершении конференции студентам вручили дипломы участников, что не могло уже скрыть очевидный для нас факт, – вспоминает О.Бархалов. – Элита Еревана живет вне установок СССР и создает, скажем так, накопительную базу для притязаний на нашу культуру и территорию. Если бы Ариф получил в 1975 году поддержку, в 1990 году мы бы имели несоизмеримо более высокий уровень подготовленности к агрессии, атаке на Карабах. Как следствие, имели бы гораздо больший уровень поддержки у международного сообщества, да и в самой Москве. Раскаленная атмосфера ереванской конференции 1975 года позволила ученикам и Арифу приобрести уникальный для тех времен боевой опыт и уверенность в правильно выбранном направлении формирования молодой интеллигенции. Развивать именно то, что вызывало такую ярость у Еревана.

Они привыкли к безропотному подчинению со стороны азербайджанских историков указаниям из Москвы. Арменизация памятников домусульманского периода в Закавказье рассматривалась в Ереване как важный этап на пути присвоения и достижений культуры и территорий Азербайджана. Поэтому доклады учеников Арифа на банальной студенческой конференции произвели в Ереване эффект разорвавшейся бомбы. Вопреки прессингу Еревана, Ариф продолжил свою программу и каждое лето отправлял студентов в регионы республики.

Уже в 1975 году Ариф и его соратники предвидели 1990 год. Ярость, раздражение Еревана подстегнули Арифа к еще более активным действиям, и теперь наряду с изучением памятников Лачина и других приграничных районов, Ариф бросает вызов Еревану и создает проект памятника в честь 1500-летия Кавказской Албании.

Совместно со своим другом и учеником Владимиром Калининым он пишет доклад «К вопросу историографии Кавказской Албании».

Разоблачает «научное» усердие доцента кафедры, преподавателя архитектуры Льва Мамиконова, который до этого вместе со своим учеником Саркисовым, не встречая сопротивления, с большим увлечением занимался омоложением азербайджанских памятников. Умело используя безразличие научного начальства к проводимой Ереваном политике ассимиляции памятников истории домусульманского периода, два армянина – преподаватели факультета архитектуры бакинского Политеха омолаживая памятники, занимались отчуждением этого периода, фактически вычленив домусульманского и особенно христианского культурного слоя из истории Азербайджана. Только Ариф и Валех посмели в те годы разоблачить авантюризм Мамиконова.

Создание студенческого клуба САПИБ можно назвать событием национального масштаба. Вовлекая в научный спор с Ереваном истинных патриотов среди преподавателей и студентов, Ариф честно предупреждал их об опасности избранного пути. Гиперреакция армянских ученых доказала, что этот опасный путь был одновременно и единственно правильным.

Осман Бархалов: Что в первую очередь встревожило армянских ученых в моем докладе? Это приведенные в нем убедительные доказательства того, что храм близ села Мамрух Загатальского района генетически близок храму Звартноц близ Еревана. Это вызвало шоковую реакцию у армян, так как доказывало, что Ереван был частью единого культурного пространства задолго до появления армян в Закавказье. Инициатива Арифа стала программным направлением: на втором этапе он и его ученики изучали на собранном материале именно генетическую близость памятников на территории нашей республики и Армении.

Программа Арифа уникальна и необходима для нас, так как в 1972-77 годах еще далеко не все памятники албанского периода в Армении были арменизированы.

В 1973 году по заданию Арифа О.Бархалов, работая над чертежами крепости Пери-гала рядом с селом Юхары Чардахлар, обнаружил выбитый в скале проход диаметром в 2 метра к смотровой башне на вершине скалы. После землетрясения проход был уничтожен. Затем изучил и описал монастырский комплекс Иедди килься рядом с Гахом. И это вновь вызвало шок в Ереване.

Отчуждение имеет конкретную цель. Памятники архитектуры и археологии – это стражи государства. Но если хозяева к ним безразличны, их легко присвоить и использовать в своей игре.

Чтобы показать всю опасность проходившего в те годы в мягкой, скрытой форме процесса отчуждения памятников истории, и было создано студенческое бюро.

Валех Гаджиев и студенты – братья Миралаевы изучали крепость и храм в селе Юхары Аскипара Казахского района.

Валех снял над дверным проёмом храма каменную плиту с надписью «Я, Иранти, слуга князя Гасан Джалала, построил этот храм» и отвез её в исторический музей в Газахе. Стоит посмотреть на карту, и станет ясно, почему он это сделал, но это сейчас всем понятно. А в 1974 году это был прорыв, огромное опережение, проявление незаурядного научного предвидения, политическая дальновидность и, конечно, бесстрашие, так как тут же армяне подняли крик об искажении истории, памятников и требовали возвращения плиты с албанской надписью.

Какова значимость программы Арифа и для чего нужны аналитики, опережающие время?

Ариф и Валех бросали вызов процессу арменизации албанских памятников и требовали оказать сопротивление присвоению армянами албанского культурного наследия.

Первая атака была предпринята именно на село Юхары Аскипара. Еще в 1989 году армянские националисты ворвались в село Юхары Аскипара, выгнали оттуда азербайджанцев на том основании, что албанский храм вблизи села принадлежит якобы армянской истории и, значит, мусульмане здесь пришлые.

За безразличие к памятникам своей истории приходится дорого платить. В 1985 году наш комитет по охране памятников дает согласие на реставрацию албанского храма в селе Ашагы Аскипара Казахского района. Эчмиадзин оплатил «реставрацию», проведенную в чисто армянском стиле – албанская символика и надписи были уничтожены и заменены на армянские. В 1992 году на том основании, что в селе Ашагы Аскипара находится якобы армянский храм, село было оккупировано и до 2020 года находилось под оккупацией. Вот чем все это закончилось, а вернее, началась расплата за безразличие официальной науки к памятникам домусульманского периода.

Программа по выявлению памятников Арифом и его учениками проводилась несколько лет, причем акцент был сделан именно на приграничные районы Карабаха.

Для Арифа было важно убедить студентов, что фиксация памятника – это первый этап, мы должны вернуть нации памятник как документ истории и культуры. В 1973 году такие лекции не читались, и никто, кроме Арифа, так не интерпретировал роль архитектуры. Из программы описания неизвестных памятников и вырос легендарный САПИБ.

Роль Арифа не только в том, что им создана школа, целое направление для возвращения в лоно азербайджанской культуры забытых памятников раннего средневековья. Не менее важно другое: в 1972 году начался сбор доказательной базы того, что речь идет о памятниках – символах центров опережающего развития. Ариф является инициатором исторически верного в науке направления. Битва идет не за территории, но за очаги опережающего развития, объединяющие этносы данного региона. Здесь гораздо выше ставки, речь идет о предвестнике развала СССР и войны за Карабах, то есть, речь об уловителях подземных толчков, предвестниках извержения вулкана. Битва за очаги опережающего развития – вечная. Так считал Ариф, но и сейчас так понимают и анализируют процесс единицы. Не закончится все возвращением Шуши, Нагорного Карабаха. Ставки много выше. То, что начато в 1975 году, будет продолжено, и опыт Арифа нам поможет подготовиться к новому периоду.

Осман Бархалов: Ведь что поразило ученых в Ереване? Азербайджанские ученые изучают генетическую связь храма в Мамрухе около Загаталы и храма Звартноц рядом с Ереваном. Еще больше насторожило и то, что поиском генетического родства памятников стали заниматься в Баку системно. Причем, что очень опасно – это независимая группа исследователей под руководством опытного и тонкого политика. А то, что архитектура в такой же мере политика, как и история, – неоспоримо. Никто и не мог поверить в то, что Ариф действовал на свой страх и риск. Слишком резко это противоречило линии ЦК КПСС. Явно за студентами и педагогами с кафедры архитектуры кто-то стоит. Но никого не было.

В научном плане программа САПИБа также была плодотворной.

С 2002 по 2006 годы в журнале «Известия АН Азербайджана» публиковалась монография Арифа «Девичья башня – одна из древнейших обсерваторий».

– Эта монография только одна из сфер разносторонних интересов Арифа, – говорит его ученик, археолог, доктор исторических наук **Туфан Ахундов**. – Почему каждый из учеников Арифа помнит о нем до сих пор? Советуются друг с другом, размышляют, как в той или иной ситуации повел бы себя наш учитель. Речь идет о представителе редкой касты – исследователе стратегии противника. В 1972 году их было мало, но все же они были. Об Арифe надо говорить как о лидере, который в 1972 году вместе с молодыми специалистами раскрыл важную для будущего нашей страны тему – выявление характерных черт, присущих центру опережения – культурному оазису, задающему направление развития региону и народам. Описывая отдельный памятник, мы учились у Арифа выявлять генетическое родство памятников соседних регионов, соседних стран. Сейчас это бесценный материал, доказывающий принадлежность Карабаха нашей культуре.

Стратегия Арифа заключалась в изучении и памятника, и сферы его влияния. Например, как возведение храма XII века отразилось на ритуалах, обычаях, фольклоре, названиях населенных пунктов, образе жизни и системе ценностей жителей данного региона. А отсюда и выявление сферы влияния данного региона на соседей. Важно не только определить близость в архитектурном решении храма в Мамрухе и храма Звартноц рядом с Ереваном, но и выявить сферу влияния матрицы – очагов опережающего развития.

То есть, программа Арифа по изучению памятников Южного и Северного Кавказа создавала базу под его теорию.

Первостепенное значение придавалось изучению памятников Нахчывана, Карабаха, всех приграничных районов. Очаги опережающего развития принадлежат нашей истории и должны быть изучены независимо от их места нахождения: Зангезур, Тебриз, Ардебиль, Дербент, Ереван...

– Сейчас об этом легко говорить, – вспоминает Алик Кадыров, – а в 1975 году одно только подозрение об истинных целях студенческого кружка под командованием Арифа в Политехническом могло привести к тому, что всех студентов раскидали бы по другим техническим вузам, а педагогов выгнали из рядов компартии и с работы. Разумеется, без шансов преподавать не то что в вузе, даже в школе.

Ариф ставил цель создать атмосферу соревновательности среди молодых ученых, научить их грамотно бросать вызов официальной науке. Этим он занимался всю жизнь. В состав ядра САПИБа на равных входили студенты разных национальностей: талыши, русские, азербайджанцы, лезгины, татары. Одним из самых близких стал для Арифа Володя Калинин, в соавторстве с ним был подготовлен доклад по историкографии Кавказской Албании.

Ученики – Алик Кадыров, Осман Бархалов, Володя Калинин, Туфан Ахундов, Абдул Гусейнов и многие другие – хранители традиций САПИБа, как и директор музея Архитектурно-строительного вуза Гюльмира-ханым, бережно сохранившая документы и фото тех далеких уже лет.

Все ученики Арифа стали экспертами в избранной области и, что не менее важно, состоялись как личности.

– Мой учитель был всего на 4 года старше, – рассказывает Алик Кадыров. Более тридцати лет преподавал архитектурное проектирование и изобразительное искусство. – На первом курсе в 1959 году 17-летним мальчишкой я метался между художественным училищем и Политехом. Но после первой же лекции Арифа твердо решил: буду архитектором.

Прошло более полувека, и я, как и многие его студенты, благодарен Арифу за годы обучения, за умение частную задачу решать в русле мировых достижений. За четкость формулировок и умение быть хозяином собственной эрудиции. Это смотрелось как озарение на фоне других педагогов. Ариф научил нас верной тактике самообразования, необходимой для каждого студента.

Валех Гаджиев рассказывал, что Ариф использовал удивительно точный образ для обозначения архитектуры. Архитектура, говорил Ариф, это Амазонка, великая река, в которую впадает множество больших и малых рек. Вместе они создают бассейн реки Амазонки – громадный и фантастически богатый мир. Река сильна притоками, в свою очередь, бассейн реки Амазонки снабжает притоки водой.

В градостроительстве это выражается наиболее ярко: наряду со знанием профессии, необходимо знание многих дисциплин. Например, как формируется климат данного региона, города, социальный состав населения и т.д. Архитектура формирует общество, и способна превратить среду обитания в праздник комфорта и креативности, или превратить город в ад трущоб и деградации.

Многие ученики Арифа Асланова сейчас главы проектных бюро, как Абдул Гусейнов, или заведуют отделом архитектуры во многих наших городах. Одним из его учеников является бывший главный архитектор Баку Акиф Абдуллаев....

– Я окончил вуз в 2002 году, – рассказывает **Абдул Гусейнов**, – со второго курса Ариф преподавал мне композицию и проектирование. Конечно, лекции эрудиции меня поразили и привели в мастерскую Арифа. Ариф создал для студентов атмосферу и дружелюбную и требовательную одновременно. Без какого-то напряжения, без усилия над собой я рассказывал педагогу обо всем, что меня интересовало. Ариф предложил мне принять участие в международном конкурсе проектирования библиотеки будущего, объявленного Технической академией Нью-Йорка. Мы обсуждали с ним мой проект библиотеки будущего.

Первое место взяли американцы, второе – японцы, мне же дали поощрительный приз.

Ариф приохотил к международным конкурсам многих студентов, сделал из них участников международного архитектурного процесса.

Он умел предвидеть многое, потому что воспринимал мир по-иному.

Как-то мы с ним проезжали мимо здания филармонии, напротив стояли два здания – музей искусств и рядом бывший горком партии, где тогда уже располагался музей. Ариф заметил, что для создания единого музейного комплекса необходимо наличие переходного корпуса между этими зданиями, и предложил мне заняться этим проектом.

В своей дипломной работе я изобразил свою версию переходного здания.

Ариф посмотрел и сказал мне, что пройдет время и тебе поручат это здание создать.

Действительно, спустя пять лет мне предлагают создать переходное здание, объединить два рядом стоящих музея.

На всех этапах подготовки дипломной работы он обсуждал со мной детали, общую концепцию, тогда как другие педагоги обсуждали конечный вариант.

На третьем курсе он дал мне задание – поимпровизируй на тему фасада банальной хрущевки.

Я дал свои версии, а он за минуту-две набросал несколько версий фасадов хрущевки в стилистике неоклассицизма с элементами национального колорита. Затем в стиле готики, барокко, рококо и советского конструктивизма. Это был карнавал фантазии, вы представляете себе хрущевку в готическом стиле или в стиле ампир?

Это был праздник, который навсегда останется со мной.

Казалось, что передо мной сам Гауди. Советовал мне изучать Корбюзье, как выразился Ариф, «Корбюзье рисовал архитектуру». Говорил об увлеченности Пикассо разными стилями как о движении мысли и внимательном отношении к дерзости как мировому явлению. Единому для архитектора, художника, ученого. Иначе ты – исполнитель, творец хрущевок. Масштаб, ритм, восприятие и драматизм – во всех составляющих архитектурного ансамбля или картины должно быть проявление вашей индивидуальности.

Желающих экспериментировать Ариф уважительно называл «коллега». Это высшая оценка, звучало, как «добро пожаловать в наш клуб». У него было ярко выраженное ансамблевое мышление. Все настоящие архитекторы – члены тайной мажоранской ложи.

Он учил студентов строить не здание, а социальную среду, поручал им создавать архитектурные ансамбли, сейчас их называют элитными комплексами. Ариф называл их иначе – социальная среда для развития населения. Цель – не комфортные условия жизни и отдыха, а создание среды для растущих, город как шанс для самореализации потенциала человека.

У каждого из нас должна быть встреча с мастером, чтобы увидеть это чудо – есть некто, кто ярче реальности и не намерен проектировать стандарт. Мне очень повезло. Встреча с мастером самое главное в жизни молодого специалиста. Путеводная звезда, ориентир на годы вперед. Корбюзье рисовал архитектуру, а Ариф творил будущее своих учеников.

Теперь дело Арифа продолжают его сыновья и ученики. Они стремятся создать вокруг себя творческую среду, атмосферу азарта и фантазирования.

Сын архитектора **Гейдар Асланов**, преподаватель БГУ, о своем отце:

– Такой тип интеллигента ушел, видимо, навсегда. Эпоха, породившая этих уникальных людей, исключена сегодня из истории, а значит, лишена права на репликацию. Это была выдающаяся эпоха созидания, неподдельно высокого качества элиты. Эпоха, не оцифрованная деньгами.

Я ни в коей мере не говорю это как сын о своем отце – понятие отцовства у нас в семье было не по порождению, не по крови, а по служению идее на личном примере. Отец относился к своим студентам, как к сыновьям, а мой брат и я относились к отцу, как студенты к выдающемуся наставнику. Мне, как сыну, довелось у него учиться, образно говоря, на вечернем факультете.

О неподдельности эпохи.

Две вещи не терпят фальши – музыка и архитектура. Музыка – нравственный камертон человека. Фальшь в музыке – цинизм коммерции. Архитектура – это школа и вкус, изваяние благородства. Фальшь в архитектуре – плебейский китч. Как новатор и нонконформист, мой отец не принимал другое понимание служения обществу как только человек эпохи созидания. Кажется парадоксальным, что этот концептуальный оппонент большевизма, был не рад распаду СССР. Ведь противник был повержен в результате предательства – а это трагедия, и радоваться предательству недостойно.

Музыка и архитектура в его жизни.

Генетический музыкант из Карабаха, для которого рыцарская Европа и эпический Восток явили миру послание в музыке Баха и Вагнера, Хана и Гадира, в композициях «Пинк Флойд» и в рагах Шивкумара Шармы. Все эти сакральные гимны воспринимались отцом как напряженный поиск гармоничного развития человека, нации. Он обладал врожденным слухом высшей врожденной нравственности, недоступной стереотипному мышлению. Этот слух мгновенно позволял ему выявлять фальшь в общении, скрытые намерения ложных лозунгов.

В архитектуре он был идеолог евразийства, последовательный традиционалист, для которого архитектура Европы и Востока явили единый алгоритм возвышения над консерватизмом застывших форм и стилей. Он блестяще реализовался и в авторских проектах, и в воспитании плеяды отличных архитекторов. Научил их превращать процесс проектирования в радость творчества. Каждый его ученик – как интересный проект оригинального здания. Ни одной «типовой» работы за десятилетия преподавания.

Этот человек жил не для себя и не для своих, но ради какой-то вечной красоты, вечно влюбленный – жил духом. Это великая привилегия, в этом аристократизм – избрать для себя большую цель, наметить стратегическую задачу и выполнять ее до самой смерти.

Повторится ли вновь уникальность эпохальной констелляции из музыки, любви, архитектуры, педагогики новаторства в такой совершенной форме? Наверняка еще будет много архитекторов-стратегов, но нашему обществу нужны в первую очередь педагоги-стратеги.

«ХАЙКУ НА ВОЛНАХ ХАЗАРА»

МАРАТ ШАФИЕВ

Улитка, ползущая к Фудзияме, не минует Хазар

В 1999 году, в 27 номере газеты «Аргументы и факты», выпускающемся тиражом 33 миллионов экземпляров, целая полоса была отдана стихам – лучшие тексты Первого Всероссийского конкурса хайку. Эта публикация вдохновила бакинского поэта Тофика Агаева на сочинение собственных трёхстиший. Они печатались в авторитетном журнале «Арион» и даже в «Антологии русского трёхстишия», составленного Михаилом Бару. Я выступал редактором нескольких книг Агаева, в частности: «Выбери звезду», «Крик кукушки», «Третье крыло», «Луна любви», и сам заразился этой миниатюрной формой. А потом у нас созрел вопрос: кто ещё в Баку этим занимается?

В 2014, 2017 и 2019 годах мы проводили Республиканские конкурсы «Хайку на волнах Хазара». Лучшие работы предлагаются вашему вниманию.

Тофик Агаев

**прошлой зимой
снег между нами
был теплее**

**никто не звонит
звоню сам себе
вечно занято**

**сказала –
любовь навсегда
а это надолго?**

**неразборчивый
почерк твой
читаю между строк**

**никто не пишет...
почтовый ящик
уже скворечник**

**холодный день
солнце тянет на себя
одеяло туч**

**гребу по реке
отталкиваясь веслом
от луны**

Марат Шафиев

Еда человека –
улитка,
даже ползущая на Фудзияму.

Разбившуюся птицу
растащили мураши –
весной обросли крыльями.

Закинули в океан
Луну-поплавок.
Берегитесь, кашалоты!

Тревожно сигналил
в ночи светлячок.
А я позабыл азбуку Морзе.

Бежит,
скользя по реке,
комариный Христос.

Севи́ль Алекперова

Кизиловое деревце
Зацвело,
Когда я перестала ждать...

Пишу хайку.
Буквы радостно бегут
вдогонку за ощущениями!

Тёплый ветер ласкает
Седые пряди.
Ещё одна весна позади...

Ильхам Бадалбейли

В лабиринтах Вселенной
человек одинокий блуждает,
ищет дорогу к себе

Теплое дыхание весны,
сосцами набухли почки -
предтечи зеленой листвы.

Я забыл твои глаза волосы руки
но память навек сохранила
цокот каблуков в ночной тишине.

В лучах заходящего солнца
все длиннее становятся тени.
Изложи свои беды ночной тишине.

Наиля Баннаева

Говорят, что за счастьем нужно
Взобраться по склону Фудзи...
А мне и здесь хорошо.

Лейла Бегим

Парусник в море.
За горизонтом маяк
Даль мерит взглядом.

Пляж опустевший...
Летом рожденную песнь
Волны разносят...

Буря затихла.
Тянется к дому строка -
Лунной дорожкой...

Берег вздыхает.
Волны ласкают его
Тело в морщинах...

Валерия Бекрина

Любит - не любит.
Млечный путь
Усыпан вопросами.

Запах йода в воздухе.
Захожу в море -
вылечить тоску.

Морская гладь,
жгучий песок.
Ловлю равновесие.

Зохраб Гадиров

Суета сует.
Мир глупостью полнится.
К морю я уйду.

В саду весеннем
Твой грустный взгляд породил
Осенний холод

Перестала цветов поливать.
Он зачах.
И я.

Чингиз Гусейнов

Белая птица
В раме моего окна
Дразнит свободой.

Учусь шагать назад,
Глаза переместились –
Затылком видят.

Заур

Ночь... Пустота...
Что-то гудит за стеной...
Светится монитор...

Вечер... Холодно...
Надену теплый жакет...
Выиграю в нарды у компа...

Гюльнара Инандж

Вселенная во мне,
Я во вселенной.
Мосты разрушены давно.

С неба сорвалась
Изнемогшая звезда.
Подними её...

Бабочка летит.
Жизнь длиною в целый день.
Как это долго!

Динара Каракамазли

Плачут задетые корни.
Жизнь о жизнь
Точильщик точит.

Ниджат Мамедов

Чёрные ветки,
Белый снег.
И ничего больше.

Отключили свет.
Зажгу свечу.
Тени танцуют.

Смеётся судьба.
И я хохочу над собой:
Дурак дураком...

Расцвел миндаль в феврале.
В каждом цветке
Зреет космос.

Капля дождя
Всколыхнула лужу.
И я уже не я.

Просто возьми и приходи.
Дверь не заперта.
Выпьем чаю.

Щели в окне –
Флейта
Для ветра.

Лопнула струна
На гитаре.
Где ты, мой друг?

Гюнель Махмудова

Взгляд мой блуждает
По просторам Хазара.
Сына не вернуть...

Танцы под дождем.
Я хочу, чтоб ты видел
Крик моей души...

Следы на песке
Смоет Каспий безбрежный.
Уходя уходи...

Натаван Меджидова

Сакуры чудо
Вновь расцветёт по весне.
Может увижу.

Натаван Мустафаева

Сверкнуло вдруг
Чайки оперенье.
Зимнее солнце...

Тяжёлая волна
На ладони качает
Сонную чайку...

Зюйд-Зюйд-Вест –
Так вот куда несет тебя
Сухой осенний лист...

Инна Рустамова

Лежит под краном
немытая посуда.
Проза жизни.

Татьяна Рустамли

В море моих слёз
Плещется
Разбитая лодка судьбы.

За бегущей тенью
Едва поспеваю.
Кто кого вывел на прогулку?

Сабина Стенхауз

Чашка кофе.
В жизни не горько,
если сахара больше.

Саида Субхи

А в детском доме
все сыты и обуты,
когда проверка.

В лесу, у речки –
объедки и бутылки...
Начало лета.

В нежной зелени
одуванчики горчат
влажной полночью.

В небо дымное
чёрные птицы летят
в алых сумерках.

**В библиотеках
воцарилась пустота
в эпоху Гугла...**

**В подъезде грязном –
шприцы, презервативы.
Вчера был праздник.**

**В метро набитом
не протолкнешься вовсе –
снова понедельник.**

Татьяна Трошина

**В пламени жарком
Танец живых мотыльков.
Крыльев не жалко.**

**Соединенье миров.
Вздогнули
губ-лепестки.**

**Колокол скорби.
Память с привкусом соли
ляжет на щёки.**

Гюльнара Холл

**Под звездным небом
Стихи для бледной луны
Читает море.**

**Солнца первый луч...
Следы любви на песке,
Словно живые.**

ЗЕЙНАБ АЛИ ГЫЗЫ

Самая лучшая собака

Рассказ

Перевод Али САИДОВА

Я никогда не верила в чудеса. Всегда считала, что в реальной жизни чудес не бывает. Потому что чудеса далеки от реальности.

Однако чудо случилось. Я в этом убедилась, увидев своими глазами. Даже не увидела, а произошло это со мной. Я превратилась в собаку... Все осталось в стороне: реальность, действительность, вера. Случилось событие, способное сбить с толку всех. У человека глаза вылезли бы из орбит. Все смешалось: удивление и изумление, страх. Однако уже было поздно. Но теперь то безвозвратное состояние для меня было загадкой, ведь я дитя человеческое, человек, в конце концов...

Я была женщиной. Красивой, изящной, одаренной. Но ранее было и другое: я была девушкой красивой, достойной любви. У меня было все для того, чтобы быть любимой...

– Убирайся отсюда, псина!..

Одну минуту... Я как настоящая кобель прикинулась ленивой (Кстати, забыла сказать, что превратилась в кобеля), пренебрежительно посмотрела на человека, прикрикнувшего на меня. Потом не спеша, лениво поднялась. И даже зевнула. То есть, кто ты такой, захочу и не встану. Это место тебе в наследство досталось? Я тоже как ты... Неет... Хотя я и не такая как ты, но не сижу у тебя дома... Но, тем не менее, встала, перешла на другую сторону улицы и снова разлеглась.

Как-то так.

Да, вот что я хотела сказать.

Я была красивой девушкой. Но судьба мне не улыбнулась. Нет, я не ропщу, живу себе. Ела, пила, работала. Дело в том, что все это я не считала жизнью. Мне казалось, что у человека должен быть какой-то необычный знак. Потому что еда, питье, прогулки, продолжение рода – все это есть и у животных.

Случилось так, что я влюбилась в животное (о, боже!). Мы поженились, стали жить вместе. Это был немалый срок, я не жаловалась на свою судьбу.

Однако время шло и на поверхность стали всплывать его странности. А если точнее, стали проявляться неизвестные мне черты его характера. Потом он вообще перестал относиться ко мне, как к человеку. Теперь я не хочу мелочиться, да и не способна рассказывать, что он выкидывал со мной.

Короче... После того, как он стал моим мужем, я поняла, что его отношение к женщине кардинально отличается. Он стал смотреть на меня, как на вещь. Говорил, что во всем мире нет свободных женщин, что все они зависят от мужчин. Дескать, если побывать в странах, где любовь свободна, поймешь, что там женщина может менять мужчин как перчатки. Женщина – это ничто, у нее нет возможности жить свободно...

Он меня унижал, оскорблял, пользовался женской беспомощностью. Он превратил меня в служанку, начал управлять мной. Он приговорил меня, наказал...

Потом пожалел, что кормит меня, посчитал, что я лишняя, унизил, смеялся надо мной... Уставившись на меня взглядом, хихикал. Сказал, что если он не будет обеспечивать меня, я умру от голода. Изменил, привел в дом такую же непорядочную как он сам, а мне заявил, что он хозяин здесь, а я никто!

Дальше было хуже, пропасть между нами увеличивалась. Я жила в постоянной тревоге. Я впервые так близко сталкивалась с таким равнодушием и пренебрежением.

А ведь я отдала ему свою любовь, доверила свою жизнь, судьбу. Я не могла себе представить, что мои годы, уходящая молодость подвергнутся таким испытаниям. Я любила его больше жизни, называла «моя душа». От его горьких слов, выходов у меня леденела кровь. Я понимала, что обманулась, но было поздно, назад ничего не вернешь. Однако я не понимала его холодное отношение к себе. Надеюсь, что все образуется, станет на свои места.

Но время шло, я постепенно превращалась в собственную тень, будто в этом доме нет женщины. У нее не должно быть красивых платьев, макияжа и многого другого. Я уже не сомневалась в том, что лед между нами не растает никогда.

Он вел монотонный, стихийный образ жизни. Приходил с работы, ужинал, потом ложился на диван с пультом от телевизора. Я же растерянно смотрела на него. Каждый раз, когда я пыталась заговорить с ним, он грубо обрывал меня. Причем такими выражениями, что мне нечего было возразить.

Между нами возник странный официоз, разорвать который у меня не хватало ни смелости, ни возможности. Когда он бывал дома, я чувствовала себя совершенно неуютно. Если была необходимость поговорить по телефону с родственниками, знакомыми, делала это очень быстро, конкретно. Иногда в очень редких разговорах я намекала, что скучаю, хочу работать, он просто отмахивался. Я целыми днями разговаривала сама с собой. Забыла как надо улыбаться... Когда я пыталась что-то у него спросить, мой голос казался мне чужим. Я словно не разговаривала, а просто пищала.

Когда оставалась одна, начинала анализировать ситуацию. Мне уже надоело каждый день чистить, гладить его одежду, все это стало моей нудной обязанностью. Мне не хотелось чистить его обувь. Но создавалось впечатление, что я рождена для этих дел. Я превратилась в бессловесное, отверженное существо. Словно я не жила в этом доме и даже в этой стране. С родственниками связи не было, а если кто-то из них спрашивал о нем, я отвечала, что у него тяжелый характер, не любит гостей. Было очень странным то, что я все это терпела... Понятие свобода для меня уже было недостижимой вершиной. Я завидовала замужним женщинам, каждый день ходившим в магазин за хлебом, продуктами. При виде их у меня из груди вырывался стон... Но и он не приносил мне облегчения. Я чувствовала, что у меня на плечах непереносимый груз. Глядя на свою судьбу, я беззвучно плакала, но иногда плач переходил в рыдания. При этом была спокойна, зная, что меня никто не слышит, не помешает мне вдоволь выплакаться, освободить душу. Но и это не получалось. Меня мучили боли, движения были вялыми, я стремительно старела... Весенние мгновения моей жизни превратились в осенние будни. Увы, но это была не золотая осень...

Я была разочарована, все пыталась найти ответ на то, в чем причина моих страданий. Это мешало мне думать, и волей-неволей я искала причину в себе. Но не могла найти. Эти пройденные дни были ничем, кроме сожаления. Вокруг меня все леденело, и мне было холодно. Я словно была в ледяной яме, растопить этот лед могло только мое дыхание...

По вечерам мне было совсем тоскливо. Днем, правда, я отвлекалась на домашние дела. Кроме этого я знала, что днем одна, не могла же я разговаривать сама с собой?! Как наступал вечер, мне очень не хотелось, чтобы он возвращался домой. Представляете, в доме всего два человека, а поговорить не с кем... Я очень не любила вечера...

Однажды ночью мы сильно поругались. Потом он ушел, хлопнув дверью. А я простояла всю ночь, уткнувшись лбом в оконное стекло, которое было мокрым от моих слез. В эту ночь на улице был сильный ветер. И я наблюдала настоящий бой между ивой, которая росла под нашим окном и ветром. Ива иногда грудью вставала навстречу ветру, теряя листья, а порой бессильно склонялась к земле. Ее нежные ветки напоминали человеческие волосы...

Глядя на иву, я думала о том, что же мне делать. Но выхода не было. Никто ничего не знал о моих горестях, я притворялась, будто счастлива...

Терпеть не было сил, в голове вдруг возникла невыносимая боль, в мокрых от слез глазах потемнело... Вдруг из окна комнаты, в которой я была затворницей, в сумерках я увидела на улице собаку. В отличие от меня она была свободна...

«О боже, пожалей меня, преврати в собаку. Я больше не хочу жить по-человечески, освободи меня от этой угнетенности...». Я уже не помню, о чем я в тот день еще просила Всевышнего...

– Ой, посмотрите на собаку, она как человек переходит улицу на зеленый свет, – маленький школьник, весело смеялся, показывая пальцем на собаку.

Пусть смеется, он еще не знает, как трудно жить по-человечески. И потом, откуда бедняге знать, что я раньше... Как-то так. Но, оказывается, и по-собачьи жить нелегко... Тебя пинают, гоняют отовсюду, дети швыряют в тебя камни. Иногда часами приходится копаться в мусоре... Но лучше об этом не говорить. Скажу то, что человек, которого всегда мучили, чувствует себя хуже собаки... Я тогда всю ночь прождала его. Конечно, я знала, что моя внешность изменилась. Я видела, что мое тело покрыто шелковистой, золотистого цвета шерстью. О боже, что все это означает? Правда, от всего этого мне не стало страшно. Для того, чтобы полностью увидеть свой облик, мне нужно было зеркало, но не решалась подойти к нему. Мне хотелось как можно быстрее уйти из этого дома. Но для этого нужно было открыть дверь...

Он пришел домой под утро, когда только-только светало. Он был пьян. Открыл ключом дверь, вошел (он никогда не стучался). Пройдя вовнутрь, сильно хлопнул дверью, но не закрыл ее на щеколду. Это было либо знамение свыше, или же по причине его состояния. В любом случае мне повезло. Он прошел в спальню, стал переодеваться, а я проскользнула в коридор. (Приходя домой, он никогда меня не искал, я не существовала для него, а здороваться со мной он считал ниже своего достоинства). Естественно, теперь мои шаги были тихими. Но страх перед ним был так силен, что даже в новом обличе я продолжала бояться его. Но мне даже в голову не приходило, что увидев в доме собаку, он не поймет, кто это и начнет опять за это меня ругать. А может и испугается... Потом, найдя меня, начнет выпытывать откуда в доме собака. Но всего этого не случилось. Я, тихо ступая, прошмыгнула в коридор, ухватив ручку двери зубами, потянула ее вниз. Как только дверь приоткрылась, я проскользнула в проем и, обернувшись, злобно клацнула зубами... Это был мой ответ ему! Можно было и дверью хлопнуть. Уже на улице, не думая о том, что меня ждет, в первую очередь почувствовала свободу. Это было блаженство. Мое сердце, трепетавшее от страха при нем, теперь гулко билось от счастья. Но, неужели все это сделала я? Я же просто помолилась и... О боже! Разве можно все молитвы принимать, исполнять все желания? А если бы я попросила вылечить меня, это тоже сбылось бы? Я, кажется, схожу с ума...

Разве я мало молилась по этому поводу? Но и на этом спасибо, не исключено, что Всевышний оградил меня от худшего. А может и ниспослал мне испытание. Чтобы, если когда-нибудь судьба будет благосклонна, и я снова обращусь в человека, сказала людям: никогда не желайте себе плохого...

– Псина, вон отсюда, нашла место...

Я взвизгнула. Что поделаешь, такое тоже бывает, ведь я теперь собака!

Иногда бывает, что я, как человек, замыкаюсь в себе. Нахожу укромный уголок, чтобы быть подальше от людей. Я устала от жизни в этом обществе. Но и насытиться жизнью не могу. Даже если живешь как собака. Когда ты человек, у тебя много забот. Что же до собаки...

Впрочем, даже будучи человеком, я ни с кем не могла поделиться своими мыслями. Даже хотела из страны уехать, но не знала, что меня может там ждать. Поэтому вынуждена была терпеть, а впереди не было просвета.

Сегодняшняя жизнь мало отличалась от прежней. Тогда я называлась человеком, а на самом деле была псом длинноухого осла. А ведь даже самая паршивая собака не захочет быть псом осла. У длинноухого одна забота: работать и жрать. Ему чужды верность и дружба...

– Ой, мама, посмотри какая красивая собака! Давай возьмем ее к себе.

Я «ухмыльнулась», настроение улучшилось, даже своими собачьими глазами захопала. Интересно, есть ли на земле что-то лучшее, чем детская непосредственность? Ох, я бы с удовольствием пошла к вам, малыш. Очень хотела бы быть твоей собачкой...

– Нет, но когда захочешь, придем, поиграешь с ней, а домой, нет.

– А что случится, если мы ее возьмем?

– Но мы же не знаем, чья это собака. Может ее ищут, кроме того она не похожа на бродячую... Я раньше ее здесь не видела. Как будто из дома сбежала, вся ухоженная... А может, чем-то разозлила хозяина и он ее выгнал... Если так, она может и укусить нас. Нельзя доверять каждой встречной собаке.

Ты права, моя дорогая! Твои слова, как бальзам на душу! Но если бы я могла говорить по-человечески, обязательно спросила бы: а можно ли доверить себя каждому встречному человеку?

Жаль! Что поделаешь... Иногда мне хочется вновь обернуться человеком. Но быть человеком без дома, очага нелегко. Такого и человеком назвать язык не повернется... И поэтому по ночам, сидя в укромном месте, я заунывно вою...

СОДЕРЖАНИЕ 2021

ПРОЗА

- Али гызы Зейнаб. Самая лучшая собака. Рассказ. Пер. Саидова А. №12
Айдан. Бессмысленно искать смысл. Пьеса. №12
Алиев Гумет. Лали. Рассказ. №8
Андреева Елена. Music lover. Мини-повесть. №9
Абдуллах Мейхош. Пленница. Пер. Меммед Т. №3
Абиева Кямаля. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №5
Агамамедова Гюлюш. Линзы. Этюд. №1; Операция «Джойстик». Новелла. Ассоциации. Эссе. №7
Агаоглу Мирмежди. За день до праздника. Пер. Мамедова Н. №4
Бабаев Акшин. Из цикла «Маленькие листья». №6
Багирова Ляман. Благодарность карантину. Эссе. №1; Литературные портреты. №3; Рассказы. №8
Башкечид Этимад. Преисподняя. Рассказ. Пер. Алиевой Лейлы. №10
Бегим Лейла. И я люблю тебя!.. Повесть. №1; Как реагируют на «корону» в Чехии? №3; Дорога в Шушу. Эссе. №10
Буланова Оксана. Он был на войне. Рассказ. №10
Верховский Марк. Две зарисовки. №5
Гусейнов Пярвиз. Записки кукольного мастера. №12
Дурсунов Малик. Кизиловая водка и ее роль в развитии философской мысли Кара-дайы. Повесть. №6; Трижды судимый. Повесть. №11
Жданов Александр. Аромат земляничного мыла. Рассказ. №5
Исмаилов Санан. Рассказы. №7
Кёхнегала Мурад. Мои сны (Сюрреалистические истории). Пер. Мамедова Н. №2
Мамедзаде Темур. Corvus Corax. Фантастический рассказ. №10
Мамедли Натик. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №1
Мамедов Афанасий. Янкель и пустые холмы. рассказ. №12
Мишин Владимир, Сулейманов Шамиль. Третья древнейшая. Роман. №№1, 2
Мурадханлы Этибар. Окна бабушки Фариды. Повесть. Пер. Мамедова Н. №8
Мустафазаде Руфат. Зеленая скала. Рассказ. №7
Надир Наила. Миниатюры. №4
Наджафоглу Новруз. Ночь смыкает веки... Повесть. Пер. Джафаровой Н. №5
Пересада Ирина. Адвокат. Инопланетянин. Рассказы. №7
Расулзаде Натиг. Дорогая моя... Рассказ. №4; Киноновеллы. №6; Телефон. Осьминог. Рассказы. №11
Ревва Игорь. Поводок. *Сказка дедушки Квина*. №12
Рустамли Татьяна. Всё, что у тебя есть. №12
Сафаров Мамед Али. Бурый медведь, серый волк. Повесть. №7; «...И зарево окрасит волны рек...» Повесть. №9
Сахавет Сехавет. «Лейли-Меджнун» и заведующий фермой. Рассказ. Пер. Зиязаде Х. №3
Смирнов Михаил. Рассказы. №4
Султанлы Вагиф. Возвращение в никуда... Рассказ. Пер. Халиловой Н. №11
Тараев Константин. Рассказы. №6; Рассказы. №11
Тофиггзы Гюльшен. Рассказы. №8
Шахмардан Кямран. Рассказы. №8
Эминли Гюнель. Красивые и смелые. Одноактная пьеса. Пер. Мамедова Н. №3

ПОЭЗИЯ

- Агаев Тофик. Афорлибры и афоризмы. №2
Ахмедов Гамид. Стихи. №7
Багирова Ляман. Разговор на краю вечности. №1
Бутнару Лео. Стихи. Пер. Коркунова В. и автора. №4
Гасанзаде Нариман. Стихи. Пер. Шафиева М. №2
Гахраман И. Стихи. Пер. Талыбовой А. №8
Гусейнов Вугар. Стихи и эссе. №2
Гусейн Фариз. «Самаркандский диван». Поэтический цикл. Пер. Мамедова Н.
№8
Глюк Луиза. Стихи. Пер. Тасаловой И. №6
Джафарлы Кямран. Стихи. №11
Имамалиев Ибрагим. Стихи. №6
Керимов Рашид. Стихи. №7
Керимова Камилла. Стихи. №6
Кофман Алёна. Стихи. №5
Маркова Татьяна. Стихи. №10
Меликов Экрам. Стихи. №12
Мехтиев Заур. Стихи. №11
Надир Наиля. Стихи. №4
Наджафзаде Гашим. Стихи. Пер. Талыбовой А. №5
Натил Хосров. Стихи. №12
Неждет Ахмед. Стихи. Пер. Беппаева М. Мизиева К. №8
Низами. Касыды. Пер. Липскерова К., Кочеткова А., Борисовой М. №5
Рафиггызы Афаг. Стихи. №3
Сальман Михаил. Стихи. №1
Субхи Саида. Стихи. №7
Талыбова Алина. Переводы из английской и американской поэзии. №4; Стихи.
№10
Тасалова Ирэн. Стихи. №9
Туганов Эльберд. Стихи. №10
Уайт Геллерт. Стихи. №11
Фикрет Годжа. Размышления в Рамадан. Поэма. Пер. Грича А. №6
«Хайку на волнах Хазара». №12
Ханалиев Садых. Стихи. Пер. Талыбовой А., Мамедова Н. №3
Шаулов Сергей. Стихи. №5
Эфенди Азер. Стихи. №10,11
Ягубов Аладдин. Стихи. №1

ПУБЛИЦИСТИКА

- Абасов Али. Мистицизм в поэзии Низами Гянджеви. № 12
Абдуллаева Лейла. Лютфали Абдуллаев: солнечное искусство музкомедии. №1
Алиева Лейла. Турция в художественной и мемуарной литературе русской эмиграции первой волны. №4
Алиева Нармин. Выдающийся ученый – Мир-Юсиф Мирбабаев. №10
Ализаде Ситара. Обращение к образу Пушкина в азербайджанских исторических поэмах. №2
Агамамедова Гюлюш. Опекун. Позитивная дискриминация. №6; Законопослушание. №11

Аракчеев Юрий. «Мир добром укрась». №4
Багирова Ляман. Валькирии Победы. №5; Литературные портреты. №6, 7; Он же поэт, он же авиатор, он же... Эссе. №9; Литературные портреты. №11
Баранчикова Елена. Эссе. №5
Беппаев Муталип, Мизиев Каншаубий. Ахмед Неждет – патриарх турецкой поэзии. №8
Габиббейли Иса. Интеллектуальная поэзия депутата Самеда Сеидова или поэтическое изложение политики. №11
Грич Александр. Верность себе. №6
Карабахский конфликт, как все начиналось. №2
Касимова Майя. Этапы творчества и мастерства писателя Натига Расулзаде. №6
Касумова Елизавета. Армянский синдром. Письма из интернета. №1; Бессонница сердца. №2; Прощайте, Ридан Веисага. №11
Лирика Лейлы Алиевой в стране Суоми. №11
Мамедов Низами. Коррупция и природа человека. №9
Манафов Ширин. Неизвестные страницы II мировой войны. №5; Так ли уж армяне ненавидят турок? №7; Зачем нужна фабрика звезд? №12
Мир-Касым Октай. Сеятель здоровых Зерен. №3
Мухтаров Метлеб. Три эссе. №8
Ордуханова Анеля. «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...» №3
Письма из интернета. №1
Пириев Ифтихар. Величие личности, сформировавшейся в созвездии нечеткой логики. №12
Сафаров Мамед Али. Тайны книг. Эссе. №10
Семяшкин Руслан. Творец с чарующим голосом. №12
Султанов Фикрет. Тифлиссские армяне и азербайджанская культура в произведениях Габриела Сундукяна. №2
Тагисой Низами. Полноценный человек в философско-художественном и морально-нравственном понимании Абая Кунанбаева. №1; Размышления о языке сочинений Низами Гянджеви. №8; Инсинуации вокруг происхождения и принадлежности Низами Гянджеви к азербайджанской литературе. №11
Тальбзаде Айдын. Хозяин меджлиса звезд. Пер. Гаджиевой И. №5
Третьякова Антонина. Великий критик и его преемник. №5
Фейзуллаева Аида. Тайны гения. №11
Фурман Вильфрид. Борьба Азербайджана за международное право. №1; Низами Гянджеви-880. №10
Хакимов Александр. Непонятый Солярис. Эссе. №10
Халькова Светлана. Эпизоды... с продолжениями. №8
Шафиев Марат. Краткая история бакинской русскоязычной поэзии. №6; Из истории русскоязычной бакинской поэзии. Краткие размышления о большой Игре. №7; Краткая история бакинской русскоязычной поэзии. №№8,10,11,12
Эфендиева Хайале. Мир Сейрана Сахавета. №3

